

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

**ЖИЗНЬ МОЯ!
ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ?**

На родине Сергея Есенина

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

АЛЕКСАНДР ПУШКИН НА «УДАЛЕНКЕ»

В СЕНТЯБРЕ 1830 ГОДА, 190 ЛЕТ НАЗАД, АЛЕКСАНДР Сергеевич Пушкин ушел на «удаленку». Переехав вроде бы для решения денежных вопросов (решать которые на самом деле он терпеть не мог) накануне женитьбы в нижегородское село Болдино. Там он задержался на всю осень. Благодаря чему русская и мировая литература обогатилась целым рядом выдающихся произведений.

Пожалуй, это была самая плодотворная и результативная по гениальности «удаленка» в мировой литературе. В Болдине Пушкин закончил наконец «Евгения Онегина», притом что создание этого романа затянулось более чем на семь лет. Там же вышли из-под его пера поэма «Домик в Коломне», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина» («Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка»), «Сказка о попе и о работнике его Балде», «История села Горюхина», «Бесы» и еще три десятка стихотворений.

Чем объяснить столь беспрецедентный творческий взлет? Известный «пошляк» (в хорошем смысле) и последователь своего современника Зигмунда Фрейда писатель Михаил Зощенко выдвинул было «сексуальную версию» в порядке объяснения столь уникального явления: дескать, поэт сублимировал нерастраченную любовь к Наталье Гончаровой на творчество. Однако мы бы

не стали все же принижать творчество Пушкина таким упрощенным психоанализом.

И предлагаем свою версию событий 190-летней давности, начиная цикл публикаций Вячеслава Никонова «Болдинская осень». Прочитайте, и, уверяем вас, вы не пожалеете... 📖

ИНТЕРВЬЮ

06 «Искусство не дает прямых ответов»

14 Тверской Петергоф

НАСЛЕДИЕ

44 Все проходит...

52 Мечта об идеальном саде

ИСТОРИЯ

22 Ярослав последний и конец Киевской Руси

28 «Исполнен русским неунывающим духом»

36 Болдинская осень 1.0

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

64 Любовь к ноктюрнам и Северной Пальмире

МУЗЕИ

68 «Я сердцем
никогда
не лгу...»

КУЛЬТУРА

80 Подвиг длиной
в восемьдесят лет

86 Пьеса
на бумаге

ГОРОДА РОССИИ

92 Зыбкий град

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Алексей БЕЛАС
Александр БУРЫЙ
Виктор ГАВРИКОВ
Алексей ГУДКОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Анастасия МАК КЕЙБ
Зоя МОЗАЛЁВА
Вячеслав НИКОНОВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

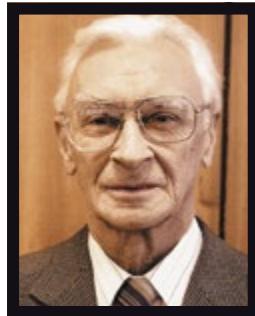
Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

«ИСКУССТВО НЕ ДАЕТ ПРЯМЫХ ОТВЕТОВ»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

В ФИЛЬМАХ ДРАМАТУРГА И КИНОРЕЖИССЕРА АЛЕКСАНДРА ВЕЛЕДИНСКОГО ТЕМА РУССКОСТИ, РОССИИ ПРОХОДИТ КРАСНОЙ НИТЬЮ – КАК ЖЕЛАНИЕ НАЙТИ ОТВЕТЫ, ПОСТИЧЬ, РАЗГАДАТЬ, ОБЪЯСНИТЬ. В 2000 ГОДУ ОН ЯРКО ДЕБЮТИРОВАЛ ПРИТЧЕЙ «ТЫ ДА Я, ДА МЫ С ТОБОЙ», ЗАТЕМ БЫЛИ СЕРИАЛ «ЗАКОН», НАШУМЕВШИЙ ФИЛЬМ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ЭДУАРДА ЛИМОНОВА «РУССКОЕ», ЛИДЕР ПРОКАТА «ЖИВОЙ», ВЫЗВАВШИЙ БУРНЫЕ ДИСКУССИИ «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ», ПОТРЯСАЮЩИЙ ВИРТУОЗНОСТЬЮ ФИЛЬМ «В КЕЙПТАУНСКОМ ПОРТУ...». А СЕЙЧАС ЗАКАНЧИВАЕТСЯ РАБОТА НАД СЕРИАЛОМ «ОБИТЕЛЬ»...

— А

ЛЕКСАНДР, ВЫ СНЯЛИ КАРТИНУ со всеобъемлющим названием «Русское»...

— Прошло – сколько? – шестнадцать лет с того момента, как фильм вышел. Когда мы его делали, я группе сказал: «Не будем издеваться над временем и страной. Постараемся быть максимально честными». Честная позиция не бывает ни антисоветской, ни просоветской, она про людей рассказывает. Понятно, что менялся строй и мы сейчас в другой стране живем. Я помню ту страну и не хочу в нее возвращаться, но никогда не буду ее ни ругать, ни хвалить, хотя там были и плюсы. Строили, любили, воевали, рожали. Ты был уверен – окончишь школу, у тебя будет работа, бесплатно вылечат, если заболеешь. СССР – это детский сад, в котором тебя накормят, напоят, уложат спать... А сейчас даже бывшие диссиденты говорят: ну вот мы и увидели «оскал капитализма». Обывателю вживаться в социализм было проще, чем в этот «оскал».

— Тогда вы сказали: «Я просто люблю это слово – «русское»...

— Люблю его до сих пор. Я русский. И в этом слове нет никакого унижения других национальностей. Каждое русское слово хорошо, даже те, которые непечатные – вкусно и ярко, когда к месту. Что касается названия фильма, то, конечно, там есть некий подтекст... Недавно я показывал его во ВГИКе, с пленки, в зал пришел к финалу, для

обсуждения со студентами. И знаете, все-таки там вписан некий русский код – нашей ментальности.

— Как бы вы сформулировали этот код?

— Так же, как и раньше формулировал – «Терпение». Но в нынешней обстановке – когда терпение уже заканчивается – необходимо помнить пушкинскую фразу: «Не приведи Бог видеть русский бунт». И это должны учитывать все, кто нам это терпение пытается навязать... Мне 60 с лишним лет, и я все время слышу: «надо еще немножко потерпеть, и вот впереди вас ждет...» Да не ждет нас впереди никакое радостное будущее, если мы будем все время терпеть. Читайте Александра Сергеевича...

— В христианстве терпение – добродетель...

— Смотря что терпеть. Когда с точки зрения христианства и, в частности, православия ты претерпел искушение – плотское, духовное, какое угодно! – это одно. Но если к терпению нас призывают те, у кого все давно в порядке и им терпеть не особо надо – это совсем другое. А простые люди устают терпеть...

— Вы один из сценаристов сериала «Бригада». Те ребята не хотели терпеть?

— Я им сочувствую. В первую очередь это история страны. Мы же не из головы сценарий взяли – все подсказали время, мы видели таких людей, читали газеты, смотрели телевизор, все проис-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ходило на наших глазах. Фильм упрекали в «романтизации бандитов», но почему-то не видели итога – чем все заканчивается. Саша Белый потерял все: жену, ребенка, мать, друзей. Потому что поверил Времени, которое случилось. Он говорит: «Океан денег, в стране скоро будет океан денег!» Он не устоял перед соблазном и за это поплатился. Всего-то надо исполнить десять заповедей, а никто не хочет. Или не может.

– *Даже люди, исполняющие заповеди, все равно платят – за то, что исполняют.*

– Это и есть предмет художественного исследования, позволяющего искусству жить. Чем больше человек себя ограничивает, чем он праведнее, тем больше у него искушений. Кто-то из Святых Отцов говорил: «Если за обычным человеком ходит один бес, за священником – десять, то за монахом – тысяча». Мир несправедлив – это изначально понятно. Но и Бог несправедлив, Он милосерден – вот Его главное качество.

– *Милосердие выше справедливости – прощать всегда труднее.*

– Безусловно. Иногда хочется кому-нибудь за хамство морду набить – это маленькая война, агрессия, но сдерживаешься, борешься с самим собой. Хочется быть правильным, а не получается – да? Потому что быть правильным и праведным – не одно и то же. Праведность – это подвиг. К Серафиму Саровскому приходили монахи и видели его с мешком камней за спиной: «Почему ты так делаешь, ты ведь и так уже святой?» А он отвечал: «Я томлю томящего меня». Делая кино, мы тоже грешим, подвергаем людей и себя соблазну. Помоему, у Бердяева было «оправдание греха творчеством». Это спорное зерно, но я, по человеческой слабости, все-таки пытаюсь свои личные грехи оправдать экраном, при этом понимаю, что самое сложное – это соответствовать своему фильму, раз уж ты пытаешься говорить в нем о каких-то нравственных проблемах и надеешься, что зритель вынесет из просмотра что-то позитивное.

– *В вашей картине «Географ глобус пропил» щемящая тема русской интеллигенции, классические обстоятельства в новом времени. И умный, талантливый, глубокий человек все прекрасно*

ПРЕДОСТАВЛЕНО АЛЕКСАНДРОМ ВЕЛЕДИНСКИМ

На съемках
фильма
«Географ глобус
пропил»

понимает, но – терпит, подставляет другую щеку, пытается приспособиться, наступает на горло собственной песне – образ лишнего человека... Однако, в отличие от классических героев, этот – не уедет, как Чайкин, он сознательно останется в этой русской жизни.

– Да, он останется. Но он – человек действия тем не менее. В отличие, скажем, от Зилова, который никогда не поедет на утиную охоту. А учитель Служкин ведет детей в поход и там получает свою мощнейшую дозу инициации, когда преодолевает искушения.

– Ваш герой предан своей стране – это его сила или слабость?

– Сила, конечно! Если ты предан тому, что любишь искренне, почему это должно быть слабостью? Если мы любим своих детей, это слабость? Ну, наверное, можно расценить это как слабость, когда бандит говорит: «А, у него есть дети, значит, украдем их и будем его шантажировать». Но мы же о другом говорим.

– Конечно.

– Тогда – эта любовь и дает ему силы! Любовь вообще дает силы всегда. Любви – много! У меня две дочки – 10 и 8 лет: «Папа, кого ты больше любишь?» Да моей любви на вас на всех хватит с лихвой, и было бы сто детей – сто бы любил так же! Нет такого, чтобы кого-то больше – кого-то меньше. Вот, пытаюсь им все время это объяснять.

– Но детей любить легко.

– Да, конечно. Как Лимонов сказал, детей и животных любить просто.

– А Родину любить – просто?

– Не очень. Потому что, к сожалению, так получается, что она тебе чаще изменяет. Но ты же мать свою не будешь предавать, если тебе она что-то

плохое вдруг сделала. Поругаешь ее, посетуешь, а все равно, как с ней беда – ты за нее заступишься. Так и с Родиной – критиковать надо, защищать обязательно надо, а воспевать – не стоит, по-моему. Надо просто любить.

– Воспевать – это добрая традиция. Все великие воспевали... Пушкин, например...

– Пушкин был в разных настроениях. Тут на него давили, там его отпустили, а тут он выехал в Михайловское или в Болдино и ощущал этот простор и написал такое!.. И везде – и когда ругает, и когда воспевает – он прав! Я не имею в виду такое слащавое или пропагандистское воспевание: «Мы круче всех!» Да не круче мы всех! Мы – другие. Мы сами по себе. Такие, какие мы есть. И этим не надо гордиться, на мой взгляд.

– Быть «как все»?

– Зачем – «как все»? Лучшее брать. И признавать свои минусы, мы их знаем и живем дальше. Стارаюсь бороться с ними в себе. За прошедшие годы, после фильма «Русское», у меня не изменилось отношение к русским. Мое глобальное мировоззрение, наверное, тоже не сдвинулось, но к каким-то фактам я отношусь уже по-другому. Как у Цоя в песне: «И мне не нравится то, что здесь было, и мне не нравится то, что здесь есть». Вот Салтыков-Щедрин говорил: «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют». Ну разве это может нравиться?

– А на гоголевский вопрос: «Русь, куда ж несешься ты?» – мы уже можем ответить?

– Никогда не ответим. Если бы на это был ответ, если бы жизнью своей, жизнью всей страны мы ответили, то давно жили бы по-другому. Гоголь как раз этот код расшифровал очень точно в финале «Мертвых душ»: «Русь, куда ж несешься ты?» Конечно, все – правда, и мы пока остаемся такими, как про нас написал Гоголь. И это не хорошо и не плохо. Я подчеркиваю, что отношусь к этому как к данности.

– Есть смысловые параллели в ваших картинах, хотя истории совершенно разные. Например, «Живой» и «В Кейптаунском порту...»: у главных персонажей все должно было бы сложиться иначе. По сути, они прожили не свою жизнь – случай меняет их судьбы, и они пошли по другому пути...

– Да, если глобально брать, как сверхтему... Это истории о том, что случайность – это улыбка Бога. Помните, в фильме «Брат» вдруг открывается дверь – и там Слава Бутусов. Как олицетворение мечты. Это не случайность, это судьба! Балабанов просто случайности не допустил бы. Здесь мечта воплотилась! Так же, как в фильме «Рассекая волны» Ларса фон Триера: я хочу. Бог, дай мне! Пусть его тоже ранят. И Бог ответил: на, вот, его тоже ранило, и он теперь «овошь». Просил – получил...

– Парни воюют в Чечне, возвращается только один, но не может жить мирной жизнью и гибнет под колесами автомобиля – это ваш фильм «Живой». Герой нашего времени обречен?

– Я не считаю их героями нашего времени – они недостаточно архетипичны для этого. В нулевые годы нет героев, они были в 1990-е. Данила Багров – герой. Но не потому, что был в Чечне, и не потому, что он плохих убивает. Балабанов услышал свое время – несправедливое, кровавое, потерянное, когда ломались жизни, судьбы, – и взял архетип, который восстановливал справедливость. Некоторые сочли это аморальным. Но чем сильны фильмы Леши Балабанова? Именно тем, что он давал людям веру, что справедливость все равно будет на земле. На мой взгляд, ее быть не может, хотя считаю фильм «Брат» позитивным. Героем становится тот, кто в сознании зрителей выражает некие идеалы – стремление к справедливости, к примеру. А ее все хотят. В нашем сериале «Закон» судья говорит: «Справедливость – это палка о двух концах. Если бы мир был справедливым, то клеток на всех не хватило бы». То есть все оказались бы в аду, даже самые правильные.

– Лермонтов назвал свою книгу «Герой нашего времени», но ни в ней, ни в Печорине нет стремления к справедливости.

– Нет. Но Печорин все же стал героем, как и Онегин, да? Они оба – архетипы своего времени, срез определенного класса. Река Печора и река Онега находятся дальше друг от друга, чем Печорин и Онегин – высказывание, кажется, Белинского. Это очень русская черта – искать современного героя. Написал Лермонтов гениальную книгу, и с тех пор все ищут героя своего времени. Но если об этом задуматься специально, то никаких героев не создашь. Андрей Вознесенский сказал: «Какое время на дворе – таков мессия». Мы почти не заметили, как произошла подмена духовного телесным. Французский писатель Мишель Уэльбек написал грандиозный роман «Элементарные частицы», который на меня произвел мощнейшее впечатление. Там доводится до предела то, к чему мы придем, если демократия, свобода, за которую мы так ратовали, – вся эта субстанция застынет, станет некоей социальной аксиомой, обязательной для всех: человечество придет к клонированию. А на сегодня она застыла. Через сто лет, утверждает Уэльбек, на земле не останется ни одного человека, только клоны, потому что Бог в человеке потерян, понятие «совесть» потеряно. Это причинно-следственная связь, «за что боролись, на то и напоролись». Но мы же хотим воплощения нашей мечты всегда. Когда мечта осуществляется – перед нами открывается другой мир. Багров-Бодров дверь открывает, а перед ним стоит другой мир в образе его кумира, а в этой комнате, за его спиной, трупы лежат... Да, это художественный прием, но и в жизни всякое может быть.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АЛЕКСАНДРОМ ВЕЛЕДИНСКИМ

– Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» предупреждал: «Будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться»...

На съемках
фильма
«Живой»

– У Пелевина есть рассказ «Хрустальный мир»: Ленин ходит-ходит-ходит у Смольного, а часовые его не пускают и не пускают, а потом все-таки пустили – и все, пожалуйста, два дурака-часовых совершили революцию в 17-м году... Случайностей же не бывает? Как человек православный, я думаю, это больше все-таки с суеверием связано. Говорят, мысль материальная. Наверное, мы что-то притягиваем. Человек – не изученное существо, и наши биотики что только не делают! Но все можно научно обосновать – научно! Это не религия. Просто мы не знаем себя.

– Значит – реальность?

– Да. Я сам терпеть не могу в кино и в литературе, когда сплошняком идут «рояли в кустах». Но «В Кейптаунском порту...» я шел от обратного, чтобы специально показать: все люди друг с другом связаны. Мы же ничего не знаем не только про свое тело и про себя, мы ничего не знаем и про мир, в котором живем, воюем, государства создаем, рушим, присоединяем, отсоединяем, строй меняем и так далее. Человечество живет, и никто не знает, как между собой мы все связаны. Все персонажи этого фильма между собой связаны, только не знают как. А зритель знает – о персонажах картины, но не о себе.

– Сегодня режиссеры мало доверяют зрителю, его интеллекту, и понижают, упрощают подачу, весь мир пришел к примитивизму. А «В Кейптаунском порту...» многоуровневый сюжет разложен во временных пластиах...

– Здесь – мое доверие к зрителю. В эту профессию я пришел довольно поздно, и какие-то стильные экзерсисы, глянец или бессмысленное, тупое кино мне скучно делать. Настоящее кино, я убежден, делается только от Любви, тогда оно войдет

АЛЕКСАНДР ВЕЛЕДИНСКИЙ

в сердце, душу и будет их греть. Этот сценарий я написал давно – я с этого начинал, когда Высшие режиссерские курсы оканчивал в 1997 году, и процентов на девяносто все в картине осталось так же. А фильм делал еще четыре года, с перерывами, с долгим монтажом, он вышел в 2019-м. Конечно, что-то новое я узнал про Южную Африку, когда приехал туда, во время съемок что-то правили, но так с любым фильмом происходит.

– *При просмотре кажется невозможным драматургически свести воедино все линии, но они вдруг сходятся!*

– Есть влияние «Фаворитов Луны» Иоселиани, «Коротких историй» Олтмена, Тарантино, конечно. Но он сам по отношению к Олтмену вторичен, что не приижает его – я имею в виду драматургию. И «Короткие встречи» Киры Муратовой – нелинейная история, но в финале все пазлы сходятся, а по режиссуре это настоящий шедевр!

– *Современный зритель отвык копаться в смыслах, пытаться совместить начало и конец, уже не готов к сложностям восприятия...*

– Да, многим фильм показался слишком запутанным, не все приняли и поняли. Один зрителя так оценивает, другой – иначе. Молодежь 14–16 лет привыкла жить сразу в пяти параллельных мирах: всеми пальцами включают все гаджеты – и нормально! У них нет вопросов к драматургии фильма. Кто посмотрел его до конца, часто пересматривает в Интернете по многу раз, начинает думать о своей жизни, своих связях. В этом смысле я задачу выполнил. Как и все люди, я тоже ошибаюсь, это нормально. Но я всегда думаю о зрителе. Мне иной раз говорят: зритель не поймет. А я отвечаю: поймет, не сейчас, так потом поймет.

– *Без капли лести: очень сильный и неожиданный фильм...*

– Я считаю, это моя лучшая картина. Хорошего всегда было мало, думаю, так и должно быть. Искусства в кино вообще очень мало, потому что все связано с производством. У немногих получается. Если вижу искусство у других, я счастлив. Но представьте, есть сто Бергманов, триста Вуди Алленов, тысяча Феллинни... Что тогда? Ситуация сложится еще скучнее, чем сравнение плохого с хорошим.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Мы все что-то делаем, копошимся, а безусловным критерием является только Время. Если будут смотреть мои фильмы через двадцать лет, значит, я не зря их сделал. Семь лет «Географу» – это немного, и нельзя точно сказать, будет ли он жить дальше. Изменились правила в школе, и уже нельзя повести детей в поход, но сейчас молодые люди считают фильм актуальным.

– Если говорить не только о кинематографе. Мы же все хотим, чтобы зла совсем не было, чтобы добро победило...

– Да, и если бы все люди были добрыми, то не было бы войн. Но так никогда не будет, потому что добро питается от зла, а зло – от добра... Иногда мы попадаем в большинство, а иногда – в меньшинство. Иногда становимся той самой равнодушной толпой, а иногда что-то нас тревожит – и мы начинаем включать мозг. Эмпатия не зависит от образования, это может быть любой человек: таксист, академик, народный артист... Скорее, это зависит от воспитания. Слоган фильма «Живой» мне очень дорог в этом смысле: «Чувствуешь – значит, живой». Мы чувствовать разучиваемся постепенно, к сожалению.

Вот сейчас вдруг подумал: а может, наоборот? Чем более душно становится, тем больше начинаешь какие-то другие рецепторы задействовать? Знаете, когда снимаешь кино при бюджете, можешь себя чувствовать вольготно и даже вальяжно в чем-то. А когда снимаешь за пять копеек, становишься изобретательней как режиссер, пользуясь одним штативом, придумываешь какие-то невероятные вещи!

– Вы поразительно работаете с актерами, у вас они играют не так, как у других.

– Чтобы актер был убедительным, даже в своем страшном образе, скажем, в кино про бандитов, я должен и такую правду найти, что-то подсказать актеру, тогда он будет опасен и страшен для зрителя – это моя работа. В сценарии «Кейптаунского порта» у меня персонажи были без имен – маски: Моряк, Драматург, Пахан. Это функции, архетипы, а прекрасные актеры Сосновский, Робак, Стеклов, Ткачук, Кузнецов эти маски ожидают своей энергетикой и талантом. Просто я провел хороший кастинг. Чистая форма без содержания пуста – необходимо ее очеловечить,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АЛЕКСАНДРОМ ВЕЛЕДИНСКИМ

На съемках
фильма
«Географ глобус
пропил»

внести в нее суть, смысл. В архетеипе полно таких черт, которые человек может на себя проецировать и свою жизнь соизмерять с тем, что видит на экране, в спектакле, читает в книге.

– Но при этом вы говорите, что делаете арт-мейнстрим, то есть внутри жанра вы пытааетесь раскрыть стереотипы по-новому. И таким образом старые разрушаются, новые не приживаются, а для людей стереотипы часто являются психологическим каркасом, ориентиром, «как жить». Если в искусстве они ломаются, то человек остается без опоры...

– Да, согласен. Как в стихотворении «Гамлет» Высоцкого: «А мы все ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса»... Искусство не дает прямых ответов. Оно заставит тебя думать над своей жизнью. Ну, вот личный пример: я простой зритель – мне 24 года, 1983 год, будучи инженером-корабелом, я в командировке в Волгограде иду с женой смотреть фильм «Полеты во сне и наяву» Романа Балаяна. И мне стало страшно. Герой мучается, страдает, ни в чем не уверен, запутался, потерялся, полжизни прожил – и ничего у него нет, все чужое... И фильм мне помог – я начал двигаться, твердо решил, что точно уйду из той профессии, которой занимаюсь, потому что боюсь стать в 40 лет тем, кого сыграл Олег Янковский, и не хочу так же зарыться в стог сена. Или как Калягин в «Неоконченной пьесе для механического пианино» Михалкова – не хочу бежать по коридорам и орать: «Все! Жизнь прожита зря!» Для меня это фильмы прямого действия. Хотя я с увлечением работал, были интересные встречи, люди совсем разных социальных слоев – еще в советское время. И сейчас как кинематографист и драматург я этим пользуюсь – все неожиданно всплывает в памяти, я оттуда многое беру. Человеку, который занимается искусством, надо иметь такой резерв.

– Сейчас вы заканчиваете сериал «Обитель» – греющее душу понятие, но это трагедия места: обитель стала острогом...

– Это метафора. А метафора сложилась на Истории: Соловецкий монастырь стал тюрьмой, в обители Христовой устроили концлагерь. Все равно – обитель духа. Причем начали-то белые – прятали туда красноармейцев, потом красноармейцы его отбили и, что называется, довели до ума. Очень много неподтвержденных данных, со всех сторон. Люди, отбывавшие на Соловках сроки, вспоминают: началась стрельба, он где-то спрятался, пересидел, потом он вернулся в роту, и какой-то сиделец ему говорит, что расстреляли 300 человек. Он запомнил это на всю жизнь. И мы смотрим интервью с величими людьми – я фамилии специально не называю – и верим, потому что им нельзя не верить, они всей жизнью доказали, что они правы. Но все-таки мы поднимаем документы: в тот конкретный день было расстреляно 36 человек, в основном своих – чекистов. И картина меняется полностью... На Соловках мы узнали о таком странном понятии, как «соловецкая параша» – это истории, рожденные из разных воспоминаний, часто абсолютно противоположных, и найти истину практически невозможно. Потому что личные воспоминания всегда эмоциональны, а значит – противоречивы и преувеличены.

– Тем не менее это история убийцы...

– Не хочу сейчас «спойлерить», отвечу только пословицей: «От сумы да тюрьмы не зарекайся». Господь вложил в каждого из нас частичку себя, которая называется «совесть». То есть Бог в нас – это и есть совесть: тебе стыдно за свой поступок, не хочется вспоминать о нем, а надо, потому что надо покаяться... Люди часто говорят: как надоела эта чернуха. А вы пойдете смотреть кино про человека, который просто счастлив? «Москва слезам не верит» – замечательный фильм, но все решается через предательство. И любое достойное кино всегда идет через конфликт – внутренний или внешний!

– Человек становится самим собой, обретает свою личность только в экстремальных условиях – такой катализатор?

– Эйзенштейн говорил, что драматург – это как взбесившийся регулировщик: «Регулировщик должен разрушивать ситуацию на дороге, а драматург делает все для того, чтобы всех столкнуть»... Я хотел на Соловки поехать лет тридцать – у меня не получалось. Прилетел в первый раз, с трапа самолета сошел и обычно звоню родным, что долетел, жив-здоров – а у меня на телефоне слетели все буквы, остались только цифры! Не маленькое и не большое, а просто чудо... Вот о чем говорили вначале – материализуется мечта. И все мои фильмы в общем-то об этом. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОЛЬГОЙ КУЗНЕЦОВОЙ

ТВЕРСКОЙ ПЕТЕРГОФ

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

РАСПОЛОЖЕННЫЙ НА САМОМ ПРИВИЛЕГИРОВАННОМ ТРАКТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, «ГОСУДАРЕВОЙ ДОРОГЕ», СОЕДИНИЮЩЕЙ ПЕТЕРБУРГ И МОСКВУ, ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ В ТВЕРИ БЫЛ ПОСТРОЕН ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЕНЦЕНОСНЫЕ ОСОБЫ МОГЛИ ПЕРЕДОХНУТЬ ПОСРЕДИ МНОГОДНЕВНОГО ПУТИ. ОДНАКО ОН ПРЕВРАТИЛСЯ В УНИКАЛЬНЫЙ ДЛЯ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПАМЯТНИК, ПЕРЕЖИВШИЙ ВРЕМЕНА И РАСЦВЕТА, И УПАДКА. ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРЦА В ТВЕРИ РАСКРЫВАЕТ СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ ВЯЧЕСЛАВ САВЕЛЬЕВ.

— **Д**

ВОРЕЦ ВО ВСЕХ ДОКУМЕНТАХ
числится Императорским,
однако неофициально его не-
редко называют путевым.

Насколько это точно?

— Не будем повторять этой вынужденной ошибки советской историографии. В то идеологизированное время культуры исследований монархического бытового уклада, по сути, не существовало. Повседневная жизнь венценосных особ оценивалась довольно прямолинейно. Соответственно, была непонятна и функция Тверского дворца

в системе императорских резиденций, которая охватывала всю страну. Современные исследования дают возможность взглянуть на это явление более широко.

Для обслуживания императорской фамилии в придворном ведомстве существовала обширная сеть разного рода строений. Были места для постоянного пребывания императорской семьи, были любимые дворцы, были резиденции для поездок, охоты, летнего отдыха. И среди прочих есть одна, которая занимает в этой системе хотя и не первое, но важное место. Это — Тверской императорский

АЛЕКСАНДР КОРНЕВ

Историограф
дворца
Вячеслав
Савельев –
правнук
последнего
императорского
управляющего
тверской
резиденцией

дворец. Он был главной императорской резиденцией на пути из одной столицы в другую. Если Тверской дворец и был когда-то путевым, то не более четверти века. Очень быстро он был переведен в статус полноценных императорских резиденций и просуществовал в этом качестве столетие.

– *Что представляет собой классический путевой дворец?*

– Сеть путевых дворцов на дороге, связывавшей Петербург и Москву, появилась при Петре I. Они стояли через каждые 30–40 верст – столько способна пройти за день запряженная в карету лошадь. Подобные резиденции возникли в крупных селах

и практически во всех уездных и губернских городах. По большей части это были несколько более обустроенные дорожные станции, где можно было собрать нужное количество новых лошадей, отдохнуть и перекусить. Несмотря на свое громкое название, путевые дворцы были не очень приспособлены для жизни. Иногда в них останавливались проезжающие по дороге члены императорской фамилии и высокие гости, но в основном они стояли пустыми. Монархи их не любили, предпочитая останавливаться в богатых дворянских усадьбах или архиепископских дворцах. Таким же неуютным был и путевой дворец в Твери, пока Екатерина II не попыталась придать ему иной вес. Екатерина, тогда молодая и энергичная императрица, много ездила по делам между двумя столицами. У нее возникла потребность в более благоустроенной резиденции. В силу совпадения некоторых обстоятельств все условия для ее появления нашлись в Твери. Однако в этом городе не было даже отдельного дома для царственных особ, и Екатерина понапалу останавливалась в доме местного архиерея. В то время в провинции предпочитали не строить полноценных императорских резиденций, совмещая их с местом жительства местного главы. Например, в Новгороде, который был губернским городом, путевым дворцом по совместительству была резиденция губернатора. Тверь не была губернским городом, зато она была центром епархии. Поэтому в Твери монарший путевой дворец возник «на паях» с местным архиереем.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

— Как раз в это время произошло еще одно событие, определившее судьбу Императорского дворца. В 1763 году Тверь пострадала от страшного пожара, город был полностью уничтожен.

— Екатерина, только что короновавшаяся, находилась в этот момент в Москве и восприняла тверской пожар как сигнал к решительным действиям. Реформаторский пыл молодой императрицы требовал демонстрации новых подходов ко всем сферам жизни. Она стремилась внести больше регулярности в российскую действительность. Сгоревшая Тверь дала ей возможность воплотить все эти намерения. В результате архитектурного эксперимента Тверь стала первым провинциальным городом России, который был построен по заранее составленному плану. В нем учитывались практически все архитектурные характеристики, все возможности благоустройства. Это был, по сути, идеальный классицистический город. А в идеальном городе существование императорской резиденции было оправдано.

— Строить новую Тверь мыслилось по образу Петербурга? Невский проспект упирается в центральную площадь, где и находится императорская резиденция. Подобная планировка отчасти была воспроизведена в Твери.

— В роли местного аналога Зимнего дворца оказались сгоревшие архиерейские палаты. Начальник тверской стройки граф Виллим Виллимович Фермор, которому предстояло восстанавливать после пожара архиерейские палаты, в прошлом был главой Канцелярии от строений, и самой известной его постройкой был ныне существующий Зимний дворец в Петербурге. Влияние этого опыта было, конечно, опосредованным, единственная прямая цитата относится к расположению резиденции на плане Твери. Разговор может идти, скорее, о проявлении в малом стиля мышления Фермора — пристрастии к барокко и привычке к размаху. На месте палат возникла полноценная дворцовая резиденция, которая по габаритам могла сравняться если не с самим Зимним, то уж точно с пригородными резиденциями Петербурга — старой частью Екатерининского дворца в Царском Селе, Павловским и отчасти Петергофским дворцами.

Поначалу новому зданию, построенному в 1763–1778 годах известным русским градостроителем Петром Романовичем Никитиным, было отказано даже в статусе дворца. Он назывался Архиерейским домом, хотя и имел царскую половину — архиерей и молодая императрица делили здание между собой. Но подобное соседство начало стеснять Екатерину. Было решено, что императорский быт трудно совместить с бытом духовенства. Архиерею за казенный счет построили другую резиденцию, и Тверской дворец стал императорским.

Но за время своего правления Екатерина II побывала здесь немногим более десятка раз. Расцвет Императорского дворца начинается во времена

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОЛЬГОЙ КУЧЕЛОВОЙ

Александра I. Именно тогда Тверь становится резиденцией его любимой сестры, великой княгини Екатерины Павловны, и ее мужа, принца Петра-Георга Ольденбургского. Екатерина Павловна была интересная женщина с мужским складом ума и большими политическими амбициями. Она претендовала на определенное влияние при дворе, ей важно было сохранять контакт со своимвенценосным братом. И она решительно не хотела отправляться за границу женой второстепенного иностранного монарха. Поэтому был организован ее брак с принцем Ольденбургским. По брачному контракту переехавшему в Россию Георгу полагались на выбор любое генерал-губернаторство и высокая должность. Принц выбрал губернию, специально по этому поводу составленную из самых благоустроенных областей Центральной России — Тверской, Новгородской и Ярославской. Георг Ольденбургский также стал директором путей сообщения. В то время Тверь лежала на пересечении двух основных транспортных артерий европейской части страны. Здесь сухопутная дорога из Петербурга в Москву пересекалась с Вышневолоцкой водной системой, по которой грузы с Волги через систему притоков и каналов шли в Петербург. Неудивительно, что для своей резиденции управляющий путями сообщения Российской империи выбрал этот город.

Княгиня Екатерина Павловна и Георг Ольденбургский поселились во дворце в 1809 году, а в 1812-м их тверское жилье было прервано войной с Наполеоном. Супруги покинули Тверь, а по возвращении в одном из военных госпиталей принц Георг заразился тифом и умер. Княгиня навсегда покинула город. Самый яркий период в истории Тверского императорского дворца закончился. Но за эти три года он прожил насыщенную жизнь великолюбской резиденции, которая по богатству сюжетов и оби-

Голубая гостиная — первая в ряду мемориальных императорских «внутренних покоев». Она сохранила подлинное убранство в стиле ампир

Парадная анфилада дворца. Ее открывает кабинет великой княгини Екатерины Павловны, где располагался ее знаменитый политический салон

лию значимых гостей была гораздо интенсивнее, чем, например, жизнь Михайловского замка в Петербурге. В гостях у великой княгини часто бывал Александр I. В Тверь заглядывал его младший брат, Константин, наведывались императрица-мать Мария Федоровна, столичная аристократия.

– В Императорском дворце сложился и своего рода политический салон? Ведь Екатерина Павловна претендовала на негласное руководство национальной консервативной партией при российском дворе.

– В Твери был интеллектуальный штаб этого движения. Одной из его главных фигур был писатель и историк Николай Михайлович Карамзин. По предложению Екатерины Павловны Карамзин составил известную «Записку о древней и новой России», в которой критиковал программу либеральных преобразований, намеченную молодым императором. С помощью княгини записка была передана Александру I и послужила поводом для его охлаждения к Карамзину. В резиденции принцессы Ольденбургской бывал и будущий военный губернатор Москвы Федор Васильевич Ростопчин, оставшийся в истории как «поджигатель» древней столицы в войне 1812 года и автор знаменитых патриотических прокламаций. Благодаря тверскому политическому салону он и получил эту прославившую его должность.

– А самый интенсивный период использования дворца – годы правления Александра I и Николая II?

– Члены царской фамилии постоянно курсировали между Петербургом и Москвой. Императорский род разросся, появилось множество великих князей, которые обзавелись собственными семьями. Все они имели право здесь останавливаться. Помимо них в Тверской дворец приезжали иностранные венценосные особы, вроде прусских родственников российского императора. Здесь останавливался персидский царевич Хозрев-мирза, направлявшийся с извинениями к Николаю I за разгром русского посольства в Тегеране в 1829 году.

При Александре I дворец был сильно реконструирован в соответствии с господствовавшей тогда модой на стиль ампир. Руководил строительством будущий знаменитый архитектор Карл Rossi. В интерьерах дворца появилось много мебели, которая частью была выполнена по его эскизам, а частично поступила из других резиденций и дворцов.

– В конце царствования Николая I между столицами открыли железную дорогу и значение тверской резиденции резко снизилось?

– Да, но упадок Императорского дворца не произошел сразу. В придворном обиходе того времени долго бытовало убеждение, что даже временно пустующая резиденция может пригодиться позже. Но решающим в жизни дворца становилось личное мнение монарха. Если ему нравилось место, он, не принимая в расчет практические соображения, резиденцию возвышал. Именно так к Твер-

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

скому дворцу поначалу отнесся Александр II. Возможно, он помнился ему детскими посещениями. Александр II стал инициатором большой реконструкции дворца. Сегодня дворец, переживший в общей сложности четыре реконструкции, выглядит так, как во времена этого императора.

— Но ведь в истории дворца был эпизод, когда он мог пережить свой второй великолукской период.

— Тогда он едва не стал резиденцией для крайне своеобразной фигуры в семье Романовых – великого князя Николая Константиновича, сына младшего брата Александра II. Блестяще окончив Академию Генерального штаба, Николай Константинович попал в деликатную историю и в одноточье стал изгояем в императорской семье. На одном из балов в Европе он познакомился с американской танцовщицей Фанни Лир. У них начался роман, Лир в этот момент уже была разведена и имела малолетнюю дочь. Поведение Николая Константиновича встревожило его венценосных родителей. С ним обошлись очень жестоко, фактически он был объявлен сумасшедшим и всю жизнь провел под опекой. В качестве одного из вариантов его пожизненного заточения рассматривался и Тверской дворец, который был для царственного изгоя дорогим местом. Но с желаниями узника не очень-то считались, в итоге Николай Константинович был отправлен в Среднюю Азию. История с Николаем была последней, когда дворец еще мог рассматриваться как резиденция. По-

том члены императорской фамилии окончательно потеряли к нему интерес. В резиденции текла обыденная жизнь. Но при этом каждый монарх придавал ей свои индивидуальные черты. Тверь в этом смысле счастливый город, она видела всех монархов – от Петра I до Николая II. Так или иначе они проезжали через город, а со временем правления Екатерины II до Александра II останавливались здесь надолго. В Твери жизнь венценосных особ составляла часть быта. Как и жители Петергофа, тверичи могли наблюдать повседневность императорской семьи. Им было знакомо рыцарство Николая I: проезжая по городу, тот увидел бездомного инвалида войны и приказал поселить его во дворце. Они видели, как, уехав в 1831 году из охваченной холерой Москвы, тот же Николай I решил показать: закон един для всех – и две недели просидел в Тверском дворце на карантине. Жители города видели и желание Александра I показать свой либерализм. Например, он запретил тверским церквям приветствовать его колокольным звоном – зачем, когда и так понятно, что приехал монарх?

— Последние двадцать лет до революции были особым этапом в биографии дворца?

— Дворец был разделен на две половины. Одну отдали губернатору. В другую, по решению Николая II, въехал Тверской археологический музей, один из старейших музеев русской провинции. Две части дворца зажили самостоятельными жизнями, и каждая из них достойна отдельного рассказа.

Гербовый зал.
Геральдическое оформление, полученное им при Александре II, демонстрировало идею единения правящей династии с Тверским краем

ПРЕДСТАВЛЕНО ОЛГОЙ КУННЕЦОВОЙ

Экспозиция в бывшей императорской опочивальне. В ней сохраняются предметы обстановки, поступившие во дворец при Александре I из Михайловского замка

Музейная часть дворца продолжала содержаться за счет Удельного ведомства (министерство, управлявшее имуществом императорской семьи. – **Прим. ред.**). Это позволило оставить не-прикосновенными все его интерьеры, что было большой удачей. Дело в том, что во времена правления Александра III дворец пришел в упадок. В отличие от представителей старшего поколения этого монарха не связывали с Тверью никакие личные воспоминания. Кроме того, Александр III взял курс на повсеместную экономию, а у исполнителей этот курс приобретал иногда совсем гротескную форму. На содержании дворца экономили повсеместно: на расчистке сугробов, уборке листвьев, отведении талых вод. Из императорской резиденции начали вывозить все – ковровые дорожки, мебель... Открытие музея стало большой удачей: опустошение дворца прекратилось. Музей, которому в следующем году исполнится 155 лет, начинался как областная промышленная выставка. В этот момент в Тверской губернии появился настоящий энтузиаст, увлеченный археологией и русской стариной, – Август Казимирович Жизневский. Он служил председателем Тверской казенной палаты, что не помешало ему в 1872 году стать заведующим Тверским историческим музеем. Жизневский покупал новые интересные экспонаты, снаряжал экспедиции на раскопки курганов и городищ и за несколько лет превратил тверской музей в самый значительный и богатый музей среднерусской провинции. Посещение Исторического музея стало обязательным ритуалом для приезжавших в Тверь лиц императорской фамилии.

– *Пока западная часть дворца жила музейной жизнью, его восточную часть обживали губернаторы.*

– Губернаторский период в истории дворца не менее интересный. Дворец выступал центром управления обширного региона и принимал все вызовы времени. Во время Первой мировой войны в нем находились мастерская противогазов, отделение Красного Креста. В парадной зале размещался госпиталь. За двадцать без малого лет Императорский дворец был резиденцией пяти тверских губернаторов. Трое из них впоследствии получили всероссийскую известность. Первым был князь Николай Дмитриевич Голицын, впоследствии премьер-министр Российской империи, встретивший на этой должности Февральскую революцию 1917 года. Вторым обитателем губернской половины стал князь Сергей Дмитриевич Урусов, будущий масон и видный либерал, а следующим – его политический оппонент, впоследствии известный участник монархического движения и белой эмиграции князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов. Еще двое тверских губернаторов погибли на посту. 25 марта 1906 года взрывом бомбы, брошенной под экипаж, был убит Павел Александрович Слепцов. Ответственность за убийство взяла на себя местная организация эсеров. Позже на месте гибели губернатора была построена часовня, которая, к сожалению, не сохранилась. Но самой трагичной фигурой из обитателей Императорского дворца не монаршей крови был последний губернатор Твери, Николай Георгиевич фон Бюнтинг. Молва приписывала ему внебрачное родство с прусской императорской фамилией. Николай Георгиевич был единственным российским губернатором, убитым в ходе Февральской революции. Он пострадал из-за своих немецких корней. Всему городу было известно, что он пусты и неофициальный, но родственник кайзера. Бюнтинг был непростой человек – сложный, придирчивый. Его не любили. Смерть он встретил как человек чести. Своеобразие ситуации состояло в том, что Бюнтинг мог и не пострадать. Когда в Твери начался бунт, его не было на месте. Но, узнав о событиях, он оставил семью и прибыл в Тверь. По свидетельствам современников, Бюнтингу предлагали бежать, однако он отказался. Губернатор остался во дворце. Рассказывают, что, когда ко дворцу уже шла бушующая толпа, Бюнтинг не дрогнул, не попытался скрыться, а понимая, что сейчас его убьют, позвонил в консисторию и исповедался по телефону какому-то священнику, оказавшемуся у аппарата. Его выволокли из дворца, таскали по городу. Видный тверской юрист и руководитель местного отделения партии кадетов Александр Александрович Червен-Водали пытался спасти Бюнтина. Но Николая Георгиевича закололи штыками те самые солдаты, которых поставили его охранять. Уже убитого, Бюнтина вновь привнесли в рабочий кабинет. В тот же день вся губернаторская половина Императорского дворца была разграблена.

– Да, 1917 год стал водоразделом в старой и новой истории дворца, как и всей страны.

– После революции началась чехарда с использованием губернаторской половины, туда непрерывно въезжали разные конторы. Затем резиденция пережила варварства военного коммунизма, когда ее разворовывали, а мебелью России топили печи. В 1920-е годы дворец был музефицирован целиком, в этом качестве пережил еще один свой расцвет. Руководству музея удалось отстоять весь дворец. В основном потому, что половину здания занимал музей, его дворцовые интерьеры смогли избежать страшного погрома, который учинили на губернаторской половине. В 1920-е произошел колоссальный всплеск новых поступлений. Тогда эмиссары тверского музея отправлялись в уездные города, усадьбы или на крупные местные предприятия, связанные с художественной промышленностью, надеясь выявить там предметы искусства, сконцентрировать их в собственном хранилище и тем спасти.

Основным «донором» художественного собрания музея стала усадьба князей Куракиных Степановское-Волосово в Зубцовском районе. Оттуда поступила грандиозная картинная галерея. Куракинская коллекция формировалась с начала XVIII века и насчитывала немало редких экспонатов. Например, портрет одной из княжон в детстве, датированный первой четвертью XVIII века, что можно считать большой удачей: детский портрет был огромной редкостью в России того времени. Коллекция также содержала изображения монархов – Елизаветы Петровны, Петра I – огромные, больше человеческого роста, картины. Было в собрании князей и довольно большое количество работ зарубежных художников, антикварная мебель. Примерно к 1927 году картинная галерея музея настолько разрослась, что получила самостоятельный статус, со временем превратившись в Тверскую областную картинную галерею.

К сожалению, музейный период в истории дворца продолжался недолго. Вскоре началась идеологизация музейного дела: в экспонатах Императорского дворца теперь видели сохранение сословной памяти уходящего класса, потому музей все больше превращался в набор материалов, связанных с демонстрацией промышленности, природных ресурсов, животного и растительного разнообразия края. Началось уничтожение дворцовых интерьеров. В 1935 году дворец очистили от музея, переселив его в одну из церквей города. В императорской же резиденции разместился облисполком Калининской области.

– В Великую Отечественную оккупационные войска были в городе два месяца. Этого хватило, чтобы Императорский дворец понес невосполнимые потери.

– Во дворце находился немецкий штаб. Уходя из города, нацисты, как они часто поступали, подожгли дворец. Когда бои завершились, здание уже

полностью выгорело изнутри. Сгорело все, что могло гореть, остались только каменные стены. Так же не повезло и музею. Фондам музея был нанесен критический ущерб, и многие коллекции пришлось восстанавливать с нуля.

– *Картиинной галерее повезло бальше.*

– В октябре 1941 года немецкие войска прорвали фронт и заняли Тверь. Никто не был готов, что это произойдет так быстро. Фонды галереи были законсервированы для эвакуации в подвале церкви, в которой экспозиция находилась до войны, но вывезти их не успели. Только благодаря колоссальному везению экспонаты пролежали в ящиках все два месяца, пока немцы находились в городе. Один из сотрудников музея, Сергей Николаевич Юрненев, остался в Калинине, чтобы присматривать за коллекцией. Он представился немцам директором художественного музея. Это было неправдой, но так было проще взаимодействовать с оккупационными властями. Юрненев всеми силами старался отвадить нацистов от драгоценных ящиков. Какими-то малооценными экспонатами ему пришлось пожертвовать. Некоторые картины просто не успели снять, и немецкие офицеры разобрали их на трофеи. Но до основной, самой ценной части коллекции, немцы не добрались. В итоге утраты собрания были незначительны. Но за спасение коллекции Юрненев заплатил высокую цену. Его обвинили в сотрудничестве с оккупантами и дали срок. Отсидев его, конец своей жизни он провел в Средней Азии.

Созданные К.И. Росси диван и кресла, «у которых вместо подставок у локотников крылатые сфинксы» – часть сохранившегося мебельного убранства дворца

Дворцовый сад тверской резиденции. Для главного садового мастера Департамента уделов К.И. Геккеля он стал пробой сил перед созданием парка в Ливадии

– *Был еще один человек, которому художественная галерея Императорского дворца обязана своим существованием, – Елена Константиновна Мроз.*

– Про Мроз говорили, что она ушла от собрания произведений искусства последней и вернулась к нему первой – на девятый день после освобождения города в декабре 1941 года. Стояла холодная зима, в разрушенном, почти полностью выгоревшем городе Елена Константиновна сразу идет в музей и начинает разбирать в подвале церкви чудом сохранившиеся ящики.

– *Как возвращали к жизни Императорский дворец?*

– Практически сразу после освобождения Тверь была включена в список городов, подлежащих первоочередному восстановлению. Она была очень сильно разрушена, сильно пострадал и дворец. Его первая реставрация, которая прошла в 1942 году, не носила научного характера. Предстояло просто восстановить здание – перекрыть крышу, настелить пол. Что-то первым, героическим реставраторам дворца удалось сделать. Например, был восстановлен Белый зал. Правда, при этом допустили несколько невольных ошибок. Зал назывался Белым по цвету стен. Однако при послевоенной реконструкции его покрасили иначе, и довольно долго для жителей города Калинина он оставался «розовым». Это сейчас Императорский дворец отреставрирован на основании многочисленных визуаль-

ных источников, а первые реставраторы восстанавливали его, использовав в виде подсказок детали интерьеров, случайно сохранившиеся во время бомбёжек и пожаров.

После войны дворец долго переживал период случайного использования. Его занимали, сменяя друг друга, разные госучреждения. Сейчас все здание Тверского императорского дворца занимает картинная галерея. Оно приведено в порядок и находится, вероятно, в наилучшем состоянии за последние полторы сотни лет.

– *А как относятся тверичи к Императорскому дворцу?*

– Императорский дворец кажется жителям Твери столь естественным, что им не приходит в голову, что это – редкая особенность, уникальное отличие их города: «А что, разве есть губернские города без императорских дворцов на центральной площади?» Он как воздух и вода.

Императорский дворец так же формирует атмосферу Твери, как и другие монаршие резиденции – Петергоф или Царское Село. Перестраиваясь и погибая под бомбёжками, переживая взлеты и падения, он неотделим от города. Может быть, поэтому у него даже нет прозвища. Как в Петербурге – Зимний, в Твери Императорский тоже – просто Дворец. С большой буквы.

Редакция благодарит Общенациональную ассоциацию Автомототуризма и караванинга за помощь, оказанную в подготовке материала.

ЯРОСЛАВ ПОСЛЕДНИЙ И КОНЕЦ КИЕВСКОЙ РУСИ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ТРИ ГОДА ПОДРЯД НОВГОРОД
СОТРЯСАЛ КРИЗИС. ПО СЛОВАМ ЛЕТОПИСЦА,
«ВЗДОРОЖИША ВСЕ ПО ТОРГУ: И ХЛЕБ, И МЯСА,
И РЫБЫ...». НАЧАЛИСЬ ВОЛНЕНИЯ. В ФЕВРАЛЕ
1229 ГОДА ГОРОЖАНЕ БУРНО СМЕНИЛИ ПОСАДНИКА,
ТЫСЯЦКОГО И ДАЖЕ ЕПИСКОПА, А К ЯРОСЛАВУ
ВСЕВОЛОДОВИЧУ ОТПРАВИЛИ ГНЕВНОЕ ПИСЬМО
С ТРЕБОВАНИЕМ НЕМЕДЛЕННО ВЕРНУТЬСЯ
И СПАСТИ ОБЩИНУ.

МОМЕНТ БЫЛ НА-
столько острый, что
молодые княжичи –
сыновья Ярослава
Федор и Александр, – опасаясь
за свою жизнь, предпочли бе-
жать к отцу. Горожане поняли
это превратно, посовещались и
сменили князя, вновь пригла-
сив к себе представителя чер-
ниговцев – ненавистного Яро-
славу Михаила Всеволодовича.
Это, конечно, была просто побе-
да одной из боярских фракций.
Возможно, она была связана
торговыми интересами с южно-
русскими областями более, чем
с востоком. Впоследствии все
эти бояре бежали в Чернигов,
а потом к немцам, что указы-
вает на их главных союзников.

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №9.

Как бы то ни было, но Новгород Ярослав опять потерял, как и Эстонию и Карелию.

Князь嘗試ed сопротивляться и даже задержать в Смоленске новгородских послов, направившихся в Чернигов. Но тут проявил активность сам Михаил. Он поторопился и уже в начале марта 1229 года прискакал в Новгород, согласившись на все требования беспокойных горожан: «целовал крест на всей воле новгородской и на всех грамотах Ярославлих; и вдал свободу смердом на 5 лет дани не платить тем, кто сбежал на чужую землю, а тем, кто здесь живет, повелел платить дань, как установили прежние князья». Помимо льгот для беглых Михаил провел репрессии среди сторонников Ярослава: их заставили выплатить

большие штрафы – средства, которые потом распределили среди горожан.

Разрешив все по порядку и удостоверившись в стабильности своего положения, Михаил из Новгорода уехал, оставив там сына Ростислава. При этом он даже попытался договориться с Ярославом, чтоб тот не обижался. При посредничестве киевского митрополита князя взяли мир. Но *status quo* продержался совсем недолго. 1230 год опять был тяжелым и неурожайным. Сначала землетрясение, затем солнечное затмение, а потом вдруг заморозки 14 сентября во время сбора урожая. В итоге дороговизна и голод. Многие просто бежали из Новгорода. А Ярослав их принимал. В Переславле-Залесском (ранее Переяславль-Залесский). –

Прим. ред.) оформилась большая и влиятельная колония эмигрантов. В Новгороде же начался мор. Как сообщает летописец, в одну только общую могилу на Прусской улице свезли 3030 трупов.

Михаил из Чернигова с этим ничего поделать не мог. Ситуация стала настолько критичной, что даже его сын, прихватив посадника, решил уехать – недалеко, только в Торжок, поближе к хлебному югу, но этого было достаточно. В воскресенье 8 декабря 1230 года Ростислав выехал из города, а утром в понедельник 9 декабря началось восстание. Были разграблены дворы посадника, тысяцкого, их родственников и близких. Некоторых сторонников черниговцев убили. К власти вновь пришла суздальская партия. И немедленно послали в Переславль. Ярослав не стал медлить – уже 30 декабря 1230 года он примчался и, созвав вече, дал присягу «на всей воле новгородской».

БЕСПОКОЙНЫЙ НОВГОРОД

Непонятно, чем Ярослав был для новгородцев лучше Михаила, но судьба распорядилась так. Сам Ярослав опять не остался в городе, разместив здесь сыновей. А голод не утихал до весны. Ели мох, древесную кору, листья.

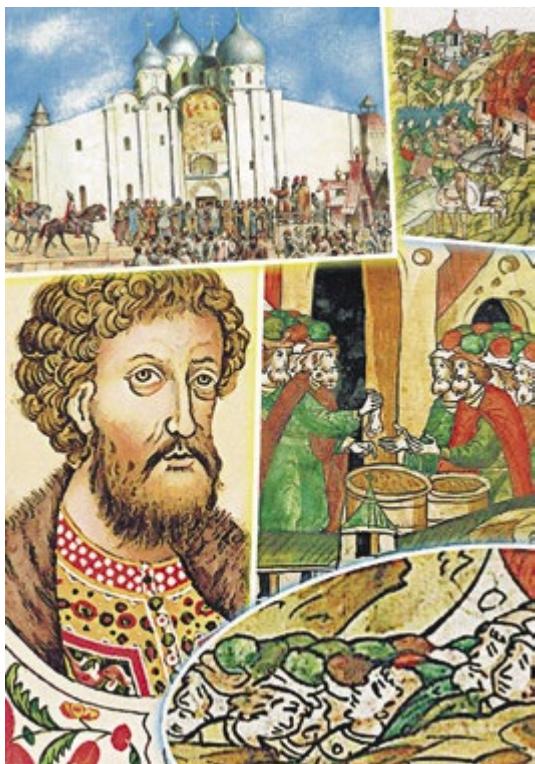
В городе перебили всех собак, лошадей и кошек. «Простая чадь» покушалась и на человечину. Очевидцы даже не могли сосчитать погибших: не менее двух раз наполнялись общие могилы, вырытые по подобию той, что устроили на Прусской улице, то есть зимой 1230/31 года померло не менее 10 тысяч горожан. Положение спасли ганзейские купцы, которые с началом навигации доставили «из-за моря» жито и муку, «створиша много добра», а то, как отмечает летопись, «уже бывше при конци город сии».

Новгород обезлюдел, но выжил, а Ярослав, при котором это произошло, на многие десятилетия смог утвердить здесь свою династию. Счастливый князь. Летопись никак не отмечает его участие в снабжении горожан, но, надо полагать, оно тоже было существенным. Кроме того, Ярослав стремился обезопасить свою власть от внешних угроз – уже осенью 1231 года был организован большой грабительский налет на черниговские земли. Разорили окрестности Серенска и Мосальска. В походе участвовали новго-

сяцким Борисом Негочевичем, которые попытались сами поискать счастья. Сначала они захватили село Буйце у южных границ Новгородской земли. А потом пошли на Псков. И там их приняли. Более того, они смущили жителей какими-то обещаниями и заставили совместно выступить против Ярослава. Вот тогда «бысть мятех велик» в Новгороде. Горожане, судя по всему, не были единодушны. Ярослав немедленно примчался из Переславля и навел порядок. Все встречные псковичи были арестованы, а в остальном против мятехников была введена торговая блокада. Войны никто не хотел. В Пскове началась дороговизна, и этого им хватило. Уже зимой 1232/33 года «Борисову чадь» псковичи выгнали и запросили у Ярослава наместника. На несколько десятилетий это стало чуть ли не последней вспышкой внутренних волнений в Новгороде. Склоки улеглись на долго. Ярослав, кажется, теперь был всем угоден. И он старательно поддерживал статус защитника и гаранта порядка.

Борис Негочевич, однако, не утомился. Он бежал со сторонниками в Эстонию,

в Оденцию, где подговорил возглавить движение против суздальской династии князя Ярослава Владимиевича. Этот гипотетический претендент на псковское княжение был сыном князя Владимира Мстиславича, долго правившего в Пскове и изгнанного оттуда горожанами. Весной 1233 года Борис Негочевич и Ярослав Владимиевич захватили Изборск, но псковичи выступили против единым фронтом. Город взяли штурмом, а Ярослава пленили и отослали к князю Ярославу Все-володовичу в Переславль.

КОЛЛАЖ АНДЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

родцы и переславцы, но также ростовцы. Старший брат Ярослава, великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, пытался упредить междоусобицу, но в бой не вступил. Он был женат на сестре Михаила Всеволодовича Черниговского и пытался примирить родственников. Михаила тогда уже увлекали дела на юге, он готовился захватить Киев и не стал противиться. В итоге, судя по всему, князья замирились. Михаил даже выставил из Чернигова ушедших с ним новгородцев во главе с бывшим ты-

КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ

Но на этом волнения на западных границах не улеглись. Летом 1233 года немцы из Оденпфенсов совершили нападение на верховья Луги, где захватили Тёсов и пленили местного воеводу. Этого уже новгородцы не стерпели. В начале 1234 года они поддержали Ярослава и отправились с ним в большой поход к Дерпту. Нападение было организовано традиционно: против крупных замков выставили заслоны, а остальные воины отправились «в зажитье» – грабить. Немцы попытались этим воспользоваться и напали на тех, кто остался в основном лагере у Дерпта. Но Ярослав, надо полагать, что-то пронал и подготовился. Немцам ответили, смяли, прижали к реке и заставили отступать по тонкому льду, под который многие провалились. Именно этот сюжет ледовой битвы впоследствии использовал режиссер Сергей Эйзенштейн, приписав событиям Ледового побоища 1242 года. На самом деле летопись сообщает о проваливающихся под лед немецких рыцарях именно в бою на реке Эмайиги под Дерптом зимой 1234-го. Это была победа Ярослава Всеволодовича. Дерпский епископ спешно прислал послов

просить мира, который Ярослав заключил «на всей правде своей». Судя по всему, он добился некоторых выплат за свои суженные права в Эстонии, но об этом прямых указаний не сохранилось. Как бы то ни было, безопасность на западной границе была восстановлена.

Более того, кажется, что после 1234 года последовал не только трехлетний мир, но и союз. Само нападение Ярослава на Дерпт, по некоторым свидетельствам, стало результатом его сговора с меченосцами, конфликтавшими с местным епископом.

Меченосцы и позже привлекали к своим акциям русских. В их большом походе в Литву в 1236 году участвовал псковский отряд – 200 человек. Тогда это закончилось трагически – полным разгромом интервентов в битве при Сауле 21 сентября 1236 года, когда погиб великий магистр и большинство братии. Из псковичей вернулся только каждый десятый. Бой привел фактически к истреблению крестоносцев и поставил вопрос о безопасности всех немецких приобретений в Ливонии. Церковные власти обратились за срочной помощью

покоили и русские земли. Впоследствии это станет главной проблемой, а пока волна только поднималась. В 1234-м литовцы дошли до Дубровны и Старой Руссы, и их отгоняли воины Ярослава. В 1239 году они даже захватили Смоленск, откуда их потом тоже выбивал князь. Пока онправлялся. Ливония нейтрализована, литовцы остановлены, и планы у Ярослава были более чем амбициозными.

На юге в это время бушевала междуусобица, в которой противостояли друг другу

черниговцы Михаила Всеволодовича и волынцы – князья Даниил и Василько Романовичи, к которым примкнул киевский князь Владимир Рюрикович. Михаил уже отобрал у Романовичей Галич и претендовал на Киев. Но сил у сторон явно не хватало. Многолетние войны ослабили всех. И тогда киево-волынская группировка решила привлечь к событиям третью силу – могучий клан супальцев. Ярославу предложили стать киевским великим князем. И он согласился. На зиму 1236/37 года он оставил в Новгороде сына Александра и двинулся на юг во главе большого отряда, разоряя по дороге черниговские земли.

Но биться ни с кем не потребовалось. Древнерусскую столицу сдали ему без боя, и «седе в Киеве на столе» Ярослав. Нет ясности, как он поделил власть с Владимиром Рюриковичем, который тоже сохранил там какие-то полномочия. Понятно только, что этот ход обеспечил на некоторое время замирение в южнорусских землях. Но оказалось, что это опять не эпоха, но мгновение, поскольку уже в декабре 1237 года к русским землям подошли монголы, и история страны пошла по другому сценарию.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЬ БУШЕВОЙ

в Рим. 12 мая 1237 года в Витербо папа римский Григорий IX выпустил буллу, согласно которой Тевтонскому ордену поручалось принять под свою опеку «братьев воинства Христова в Ливонии». Вскоре в Прибалтику отправили подкрепление, что в итоге оформило такое подразделение, как «Тевтонский орден в Ливонии», то есть Ливонский орден, просуществовавший в качестве главной военной силы в регионе вплоть до середины XVI века.

Литовские набеги после 1224 года практически ежегодно бес-

КРАТКИЙ ТРИУМФ

Когда кочевая орда осадила Рязань, Ярослав Всеволодович, судя по всему, был в Киеве. Его действия в эти месяцы никак не отмечены источниками. Рязань пала 21 декабря 1237 года, сузdalьские войска были разгромлены в начале января 1238-го у стен Коломны. Известно, что в начале февраля 1238 года, когда князь Юрий Всеволодович отступил из Владимира за Волгу копить силы, он ждал там брата Ярослава с войском. Но тот не пришел. 4 марта 1238 года лагерь Юрия на Сити был атакован монголами и разгромлен. Великий князь Владимирский погиб. Возможно, брат Ярослав просто не успел. Он собирал войска – то ли в Киеве, то ли в Новгороде, нам не известно. События развивались стремительно, и русские правители Северо-Востока точно за ними не спевали. Сложно сделать вывод и о том, готовы ли были новгородцы помочь сузdalьцам. Новгородские земли сами были атакованы; осажден, а потом взят Торжок; монголы 100 верст до столицы волости не дошли. Разорены были коренные вотчины Ярослава – захвачены Переяславль и Тверь. У Юрия с Ярославом после 1212 года неизменно были союзнические отношения. Исключением был небольшой период напряженности в 1229–1232 годах в связи с черниговскими притязаниями на Новгород. Но все давно улеглось. Не может вызывать сомнения желание Ярослава помочь брату. Но что можно было противопоставить натиску Евразийской империи? Ярослав вернулся в сузdalьские земли уже после ухода оттуда монголов. Хоронил родичей, оплакивал погибших. И наследовал велиокняжеский стол, став в 1238 году киевским и владимирским правителем одно-

временно – последний такой случай в русской истории.

Стоит понимать, что никаких представлений о дальнейших планах монголов у русских князей тогда не было. Можно было ожидать, что это просто налет, пережив который все вернется на круги своя. Ярослав попытался использовать свой шанс. Он не только восстановливал разрушенное в своих вотчинах, но и перешел в наступление. В 1239 году он захватил Смоленск, выгнав оттуда литовцев. Тем же летом женил сына Александра, новгородского князя, на наслед-

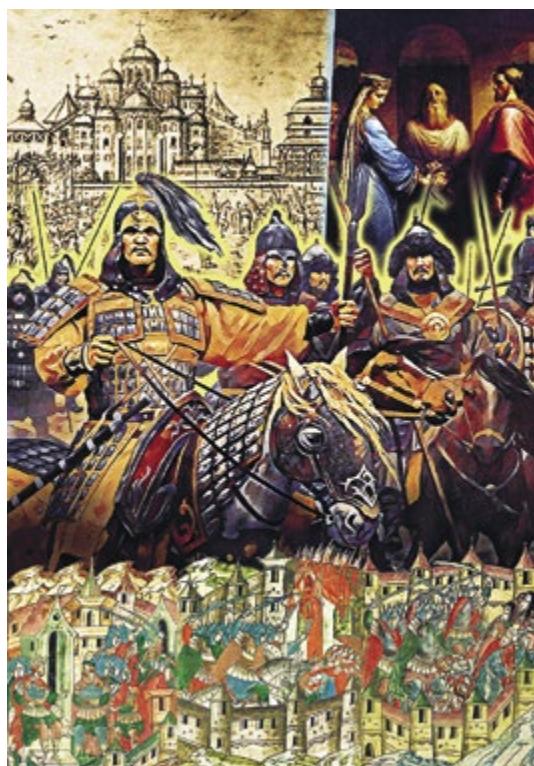
Каменцу, где взял в заложники супругу князя Михаила. В это же время монголы разгромили Чернигов и Переяславль-Южный, а затем подступили к Киеву. В начале 1240 года Михаил Всеволодович бросил все и бежал в Венгрию. Древнерусскую столицу от имени Ярослава занял Даниил Галицкий и передал там власть посаднику Дмитрию.

Перед нами последний всплеск междуусобицы за Киев и триумф сузdalьской династии, представитель которой теперь объединил страну – он великий князь, он Киевский, он Влади-

мирский, он Новгородский, все признают его приоритет, противники изгнаны. Ярослав оказался во главе настоящей империи от Волги до Днепра и от Студеного до Черного моря. Мгновение славы, которое обеспечили ему монголы. Они же и похоронили эту славу.

В начале 1240 года монголы пограбили города вдоль Клязьмы, а во второй половине года начали большой поход в Европу. Были сожжены – разрушены! – Киев, Галич, Владимир-Волынский и другие города. Русские князья тогда просто попрятались и возвращаться начали едва ли не через год, разбирая пепелища и собирая разбежавшийся народ. Михаил Всеволодович вновь захватил Киев, точнее, то, что от него осталось. Но опять ненадолго. В 1242 году монголы стали возвращаться из Западной Европы. Теперь они диктовали условия, и с ними нужно было договариваться.

Сейчас, через века, нам кажется, что современники хорошо понимали последствия своих действий – их масштаб, длительность; думается, информированы они были так же, как мы с вами. Но модернизацией здесь не поможешь. На самом деле мы располагаем лишь об-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

нице Полоцкого княжества. Свадебные торжества состоялись в Торопце, а затем продолжились на Волхове. Тогда же были предприняты меры по защите границ... от литвы. В том же, 1239 году Александр строит оборонительную линию «городков» в среднем течении Шелони (вероятно, Порхов и др.).

Когда Ярослав покинул Киев в 1238 году, город вскоре захватил Михаил Черниговский, но совсем ненадолго. В 1239-м Даниил Романович выбил черниговцев из Галича, а сам Ярослав совершил карательный рейд к

рывочными сведениями о том, что делали, а тем более что панировали тогда русские правители, в том числе и Ярослав. Он никогда не был канонизирован, ему никогда не посвящали специального житийного сочинения. Мы можем довольствоваться фрагментами ситуаций – случайными известиями, зачастую выхолощенными, официальными. Так, вдруг после всех этих бед нашествия великорусский придворный летописец в 1243 году сообщает: «Великий князь Ярослав поехал в Татары к Батыю... Батый же почти Ярослава и мужей его великою честью, и отпустил, и сказал ему: «Ярослав, будь ты старейшим всем князьям в Русском языке». Ярослав же возвратился в свою землю с великою честью».

Кроме того, мы узнаем, что тогда же князь отправил сына Константина к великому хану в Каракорум. На всех уровнях верховенство Ярослава на Руси было подтверждено. Более того, он вошел в число самых именитых правителей Евразии. И в 1244-м, и в 1245 годах он посыпал родственников на поклон в Орду, закрепляя положение. Казалось, он нашел очень надежных могущественных союзников, которые обеспечивают ему власть над страной, но им надо платить дань. Собственно про этот момент при жизни Ярослава мы ничего не знаем. Есть очень позднее известие, что дань начали платить с 1246 года «в Златую Орду». Но это – точно поздняя реконструкция. Ясно, что Ярослав стал вассалом и близким союзником Батыя, но их заинтересованность тогда была взаимной. Ярослав никогда лично не воевал с Батыем, не воевал с монголами. Идеальный кандидат в верховные правители покоренных земель.

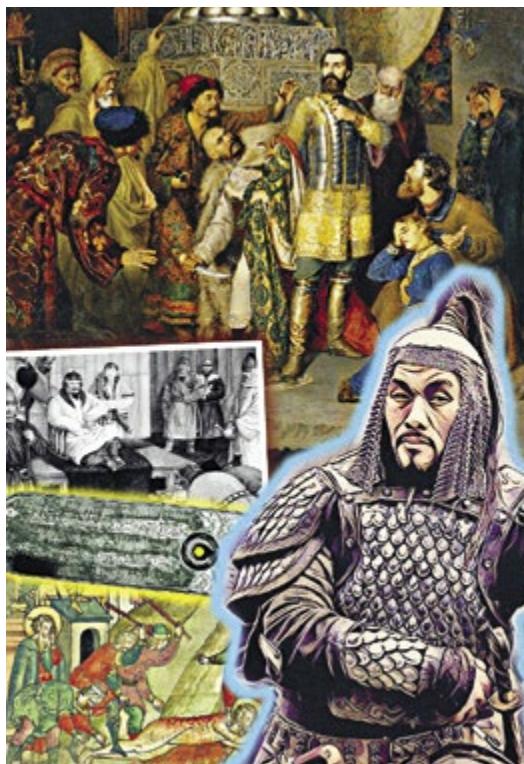
Некогда правитель маленького Переяславля вдруг превратился в значимую фигуру евразийской политики, участника общеконтинентального конфликта в борьбе за власть Монгольской империи. После смерти в 1241 году великого хана Угэдэя готовились выборы его преемника. Именно с этим связывают внезапное завершение Западного похода в 1242 году. Чингисиды возвращались в исконную Монголию, где должны были определить нового наместника Вечного Неба. Батый был очень влиятельной фигурой, победо-

вместо себя самого именитого своего вассала – великого князя Ярослава, который на курултае должен был символизировать улус Джучи. Статус мирового значения, но очень опасный, за что русский правитель в итоге и поплатился. В Монголии он был субститутом Батыя, от которого хотели избавиться, а потому на нем и отыгрались. На обратном пути из Каракорума 30 сентября 1246 года в казахских степях Ярослав умер от отравы, которую ему подложили по поручению хатун Туракины. Батыю недвусмысленно объявили войну. В итоге он, кстати, победил и сделал в 1250 году великим ханом своего ставленника Менгу, но для Руси – это уже другая история.

НЕУДАЧНИК ИЛИ ДЕРЗКИЙ НОВАТОР?

Участие в интригах евразийского масштаба не сделало славы Ярославу. Парадоксальным образом он стал «автором» той одиозной формы зависимости Руси, которая вошла в историю под названием «монголо-татарское иго». Хотя есть все основания предполагать, что при его жизни эта зависимость не выходила за рамки формального вассалитета и взаимных подарков, пусть и очень богатых.

При этом Ярослав с 1237 года, за исключением небольших промежутков в 1239–1240 и 1242 годах, оставался первым князем Руси – Киевским, совмещавшим с 1238 года статус великого князя Владимирского, а также контролируя все другие княжения – Новгородское, Смоленское, Рязанское, Полоцкое и т.д. С его положением определенно считался Даниил Романович Галицкий, который тогда завершал объединение под своей властью западнорусских земель. В 1245 году Даниил также ездил к Батыю, хотя потом отказался от этого союза. В том

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЬ БУШЕВОЙ

носным воином, но интриги вели к тому, что ханом планировал стать сын Угэдэя Гуюк. Его мать, вдова хатун Туракина, проявляла особую активность и все подготовила. Намеченный на лето 1246 года общемонгольский курултай должен был превратиться в триумф этой ветви Чингисидов. Батый с Гуюком враждовал, а потому не ждал для себя доброго приема. Скорее всего, ему был предназначен яд – традиционный метод против конкурентов. Но приличия следовало соблюсти. Батый сказался больным и направил

же году в Орду отправился и князь Михаил Всеяловович, изгнанный уже отовсюду, кроме разгромленного Чернигова. И на приеме у Батыя Михаил погиб, что вполне можно объяснить интригой в том числе русского происхождения. Батый в те годы точно играл на стороне Ярослава. Последний мог почивать на лаврах успеха, но колесо истории довольно быстро сделало свой поворот.

После Ярослава осталось шесть сыновей – Александр, Андрей, Константин, Ярослав, Даниил, Михаил. Троє из них впоследствии побывают великими князьями. Они, кстати, все сохранят формальный титул князей Киевских, но, кажется, никто на Днепр так и не съездит – там теперь хозяйничали монголы. А во Владимире им после смерти отца власть пришлось захватывать. По законам того времени нормой была передача княжеского стола от брата к брату, как случилось и после смерти в 1218 году Константина Всеяловича – тогда великим князем стал Юрий; после Юрия в 1238 году – следующий по старшинству, Ярослав; а после Ярослава в 1246-м – понятное дело, Святослав. Но вот Ярославичи решили иначе и дядю Святослава свергли. С тех пор все русские правители, вплоть до московских князей, ведут свой род именно от Ярослава, который оставил богатое, но неоднозначное наследие.

Ирония исторической рецепции привела к тому, что чуть ли не все действительно значимые инициативы Ярослава забыты или приписаны другим. Они с братом Юрием – неизменные союзники, активные колонизаторы. Некоторые исследователи полагают, что их наступление на соседние языческие племена было совмест-

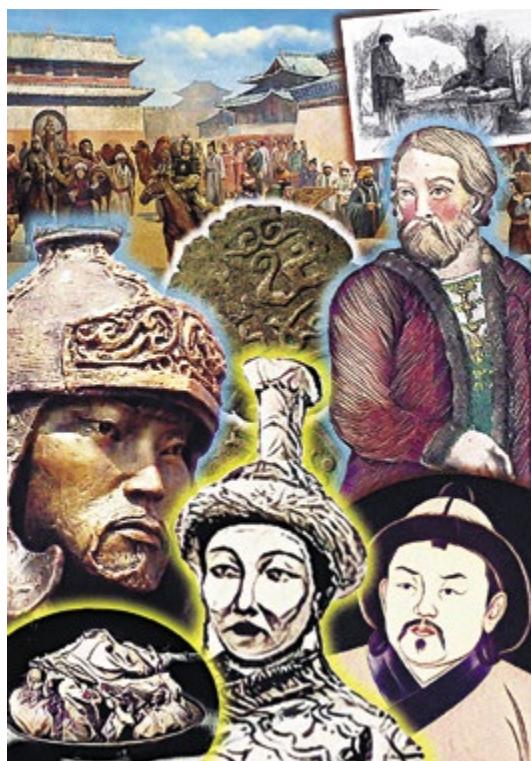
ным и согласованным. С 1226 по 1232 год суждальские князья почти ежегодно совершают походы в мордовские земли, используя в качестве форпоста крепость в устье Оки, основанную в 1221 году. В 1232-м на морду отправились совместно дети Юрия и Ярослава – Всеялов и Федор. Ярослав, как мы видели, в те же годы пытался основать свои княжения в Эстонии и Карелии. Он ходил на Ревель и Тарту, бился в снегах Финляндии, «куда никто из русских князей прежде не ходил». Его успехи сменялись пораже-

(тавастов) было 2 тысячи воинов! А ведь и в 1240 году новгородским сюзереном формально оставался Ярослав – то есть он и победитель шведов. Ледовое побоище на Эмайыги в 1234 году вполне сопоставимо по масштабу и результату с успехом Ярославича в 1242-м – даже кинематографически, именно там под лед немцы проваливались. А ведь на Чудском озере рядом с новгородцами бились переславские полки, отправленные туда Ярославом в помошь сыну. Наконец, великим князем, признанным всеми, Киевским и

Владимирским в одном лице, последним таким русским правителем, был именно Ярослав. Хотя его дети и унаследовали титулы, но никакого влияния на события на юге или западе Руси не оказывали. И виноват ли Ярослав в утверждении ига, оформленного численниками и баскаками при его наследниках? И было ли это при нем именно иго – тяжелое бремя зависимости? Или перед нами еще один перспективный проект Ярослава, реализовать который не позволили непредвиденные обстоятельства? Батый точно при жизни Ярослава, да и вообще до избрания великим ханом Менгу в 1250 году, дела

ми на Руси не занимался и никакой системной дани не взимал. Об иге в эти годы говорить можно только с большими оговорками.

Закрепиться Ярославу на юге мешали черниговцы, навести порядок в Новгороде – ростовцы, завоевать Эстонию – псковичи, покарать финнов – новгородцы, а стать объединителем Руси – монголы. Одни скажут – неудачник, другие скажут – дерзкий новатор, а мы просто внимательно присмотримся и не будем судить по себе. Он жил в свое время – был последним, но точно не худшим. ■

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУЛУГЕВОЙ

ниями, и если Эстония была потеряна, то Карелия до сих пор с нами. И кто знает, какую роль в этом сыграло крещение, организованное переславцами? Однако только Юрия поминают как основателя столицы Поволжья – Нижнего Новгорода, и он же последний защитник Руси в битве на Сити; ему памятники, а Ярослав – данник Батыя? Невская битва 1227 года, конечно, не может сравниться по значимости с боем князя Александра в 1240-м, но по численности – скорее всего, вполне превосходит: в 1227 году еми

«ИСПОЛНЕН РУССКИМ НЕУНЫВАЮЩИМ ДУХОМ»

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

РАННЯЯ ВЕСНА 1779 ГОДА В НОВОЙ АНГЛИИ ВЫДАЛАСЬ МОРОЗНОЙ. БЕСКРАЙНИЕ ЛЕСА И СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ ПОГРУЗИЛИСЬ В БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ. БРИТАНСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ВОЙСКА ПРИОСТАНОВИЛИ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ОСЕВ НА ЗИМНИХ КВАРТИРАХ. ТОЛЬКО ДОЗОРНЫЕ ПИКЕТЫ МЕРЗЛИ НА ХОЛМАХ И В ДОЛИНАХ, И, ЛИШЬ ВНИМАТЕЛЬНО ПРИГЛЯДЕВШИСЬ, МОЖНО БЫЛО ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ГДЕ-ТО РЯДОМ ПРОХОДИТ ЛИНИЯ, РАЗДЕЛЯЮЩАЯ АРМИИ ПРОТИВНИКОВ. ОДИН ИЗ ТАКИХ АВАНПОСТОВ РАСПОЛОЖИЛСЯ В НЕБОЛЬШОМ ДОМЕ У ДЕРЕВЯННОГО МОСТА, НА ДОРОГЕ ИЗ ФИЛАДЕЛЬФИИ В БОСТОН.

УЖЕ СМЕРКАЛОСЬ, КОГДА до караульного солдата американской армии, укрывавшегося за выступом скалы, донесся хруст снега. Из-за поворота показался человек, одетый в широкий изодранный плащ грубого сукна и закрывавшую лицо широкополую шляпу.

– Стойте или смерть вам! – прокричал солдат.

Захваченный врасплох путник вскинул голову. Подняв руки, он услышал новую команду:

– Сдавайтесь!

– Зачем мне сдаваться? Я не армейский, пробираюсь из Бостона.

– Расскажете это офицеру. Идите вперед, да пошевеливайтесь, шатаются тут всякие...

У начальника пикета было строгое предписание: всех подозрительных не раздумывая вешать на дереве.

– Английский шпион? Разведываете о передвижениях наших войск, чтобы помешать намерениям генерала Вашингтона?

– Вы думаете, Вашингтон подписался бы под вашими словами?

– Вне всякого сомнения. Генерал осуждает вас в моем лице. У вас ведь наверняка нет пропуска.

Тут пленник достал из тюка за плечами жестяную коробочку и, открыв ее, протянул офицеру небольшой листок. «Теодор Каржавин, учитель иностранных языков» – прочел тот в паспорте...

Мог ли помыслить русский путешественник и торговец Федор Каржавин, что его когда-либо захвачет на американский континент, который в далекой России грезился как-то мифологической землей?

ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Родился Федор Каржавин в январе 1745 года в Петербурге. Его отец, выходец из ямщиков, купец-раскольник Василий Никитич Каржавин, открыл в Москве торговлю кожевенными товарами и держал лавку в Лесном ряду у Покровских ворот. Его знали как человека строптивого нрава, строгого и прижимистого, который при случае не брезговал ростовщичеством. Еще поговаривали, будто Василий увлекся модной философией и отошел от истинной веры – хулил «благочестие», нахваливал лютеранство, чуть ли не впал в атеизм. Неслыханное дело для тогдашней российской действительности! В 1752 году, нарушив российские законы, запрещавшие людям низких сословий ездить за границу, он взял с собой сына и уехал в Данциг, а затем в Лондон, где, по слухам, торговал драгоценными камнями и жемчугом. В Россию он вернулся без Федора, которого оставил на попечение своего родного брата Ерофея. Тот покинул отчизну еще в 1740-годах – «по склонности к наукам» решил ехать без документов и паспорта и теперь колесил по Европе, служа переводчиком. Федору отец хотел дать европейское образование. Посему Ерофею было поручено приставить 7-летнего племянника к наукам, пусть даже и ценой отлучения от родины. Очень скоро Федор изъяснялся по-французски как француз.

Обучение свое он продолжил в парижском колледже Лизье на улице Сент-Этьен. К тому времени политический климат на родине потепел. В 1760 году Тайной канцелярией было прекращено возбужденное против братьев Каржавиных дело по обвинению в религиозном вольнодумстве и антиправительственных высказываниях. Дядя Федора вернулся в Россию, а 15-летний юноша был оставлен студентом при Парижской русской миссии с жалованьем 300 рублей в год. Одновременно он обучался в пансионе профессора греческого языка Жана Вовилье и посещал лекции в Сорбонне.

Страсть к знаниям была отличительной чертой людей века Просвещения, но другая его сторона – это либертины, авантюристы, любители вольных нравов и галантных приключений. Денис Фонвизин, литератор и личный секретарь руководителя Иностранный коллегии графа Никиты Панина, будет предостерегать родителей, собирающихся отправить свое чадо на учебу за рубеж, «в Парижи»: «Я думаю, что если отец не хочет погубить своего сына, то не должен посыпать его сюда ранее двадцати пяти лет, и то под присмотром человека, знающего все опасности Парижа». В столице искусств и куртуазности молодого Каржавина привлекали не только занятия науками. В последний год своего парижского «отрочества» Федор жил в доме русского посланника графа Сергея Салтыкова. Один из первых фаворитов Екатерины II, граф на весь Париж славился своим мотовством и амурными похождениями. Усвоив его уроки, юный отпрыск московских староверов с головой погрузился в океан соблазнов. В Петербург следуют депеши: Каржавин, «окончавший свои науки», живет в праздности, плохо владеет русским языком и в Миссии использован быть не может. Вести о предосудительном поведении сына дошли и до отца, и тот настоял на возвращении Федора домой.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Чумной бунт
в Москве.
Убийство
архиепископа
Амвросия.
Гравюра
И. Матюшина

ЧУМА

Каржавин вернулся на родину европейски образованным человеком. Наставления и получение отца он встретил с усмешкой, попытки заставить его заниматься торговлей вызвали у него негодование. В итоге Федор порвал с родными и уехал в Москву, решив пробиваться в жизни самостоятельно. Несколько лет он преподавал французский и немецкий в семинарии Троице-Сергиевой лавры, а затем стал помощником своего друга, известного архитектора Василия Баженова,

Сергей
Васильевич
Салтыков
(1726–1765),
русский
посланник
в Гамбурге,
Париже,
Берлине.
Гравюра Бине

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

которому была поручена перестройка обветшавшего Кремля. В самый разгар работ, летом 1771 года, в Москве вспыхнула эпидемия чумы. Улицы опустели, люди бежали в подмосковные села, подальше от мертвого города. Церкви не вмещали молящихся. Солдаты волокли умерших к скрипучим фурам и под гулкий стук колес везли трупы к свежевырытым могилам. В те страшные дни среди жителей Москвы разнесся слух, будто список с Боголюбской иконой Богородицы на Варварских воротах Китай-города исцеляет от болезни. Горожане, в том числе и больные, толпами шли к святому образу. Опасаясь скопления людей и распространения чумы, московский и калужский архиепископ Амвросий распорядился перенести икону в церковь Кира и Иоанна, а пожертвованные на икону деньги запечатать и передать в Воспитательный дом. Это вызвало ярость толпы. Ночью с 15 на 16 сентября в Китай-городе начались драки, с колоколен грязнул набат, и туда со всех концов Москвы ринулся народ с кольями, топорами, рогатинами. Из карантинных домов, перебив стражников, вырвались на свободу каторжники и разбойники, начались грабежи. «Улицы все наполнились людьми, бегущими домой с добычею, кто с напитками, кто с книгами, кто с холстами <...> расколачивали бочки с виноградными напитками, из них черпали шляпами и колпаками. <...> По улицам ходили мятежники партиями и артелями явно и без всякого страха ругающие архиерея, ободряющие всякого звания чернь, грозящие офицерству и всем верным к отечеству своему гражданам» – так вспоминал события Каржавин. Неизвестно, где и как он скрывался в те дни, но ему удалось уцелеть. Он рассказал, как разъяренная толпа разгромила дом архиепископа, а затем, намереваясь расправиться с владыкой, двинулась к

Чудову монастырю. «Пришедш в монастырь, многих били и допрашивали, тут ли архиерей; нашли его, он исповедывался и, приобщаясь святых таинств, слушал обедню. После чего оделся в серой мужицкой кавтан и скрылся в церкви за иконостасом на хорах. Оттуда злодеи его вытащили, однако по его просьбе пустили его приложиться к образам. Потом вытащив на двор, один злодей ударили колом по хребту, отчего он присел, но вдруг прочие закричали: «Его не бить в монастыре и святое место кровью его чтоб не осквернить». И так его волокли за монастырь, где начальники <...> ударили его кольями в голову, и прочие все принялись его бить, глаза прокололи, лице изрезали, бороду выдрали, грудь искололи, кости переломали».

Власти ввели в город войска. Бояни шли перед Кремлем, у храма Василия Блаженного, на Тверской, на Моховой, в Обжорном ряду – в ход пошла картечь. «Мы теперь пьяны, но завтра увидим», – кричали бунтовщики, разбегаясь по дворам. Но привести свои слова в исполнение им не удалось. По всему городу расставили посты – мятежники бросились прочь из города. В Москву вскоре приехал граф Григорий Орлов, возглавивший комиссию по борьбе с чумой. А мятежников вешали, били кнутом и секли плетьями.

«КАК ТРАВА ОТ ВЕТРА КОЛЕБЛЕМА»

В 1773 году Каржавин под предлогом поправки здоровья решил «искать счастья» за границей. Хотя настоящие причины его отъезда доподлинно неизвестны. Баженову он признался, что недоволен условиями службы, небольшим жалованьем. Его душа жаждала больших дел, он не был готов много лет низкоклонствовать ради медленного восхождения по служебной лестнице. А именно так было тогда со всяким, кто пробивался из ни-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Варварские
ворота
Китай-города.
Литография
1840-х годов

зов, не имея протекции. Родные не оказывали Федору даже моральной поддержки. Более того, отец, от которого он находился в полной материальной зависимости, подавлял его властным авторитетом, «свирепством». Между ними постоянно вспыхивали конфликты. О горечи и безысходности своего тогдашнего положения Каржавин в 1772 году едко писал в сатирическом журнале «Живописец», скрывшись под псевдонимом Богодар Вражкани (Богодар – русская передача греческого имени Федор; Вражкани – анаграмма фамилии Каржавин. – Прим. авт.). Изображая ростовщика-скрягу

Живодралова, Каржавин видел перед собой отца и протестовал против его деспотизма. «Какая бы вам радость, что за утеха, если бы вы узнали во мне рабской дух», – спустя несколько лет напишет он в письме отцу. В конце концов после острого конфликта, случившегося при отъезде сына за границу, причины которого не вполне ясны, отец отрекся от Федора и проклял его. «Ты мой не сын, – написал Василий Каржавин, – а буде ты б меня именем всемогущаго бога проклят на веки... и не даждь Господъ Бог тебе никокова благополучия и шатайся как трава от ветра колеблема». Выхода, каза-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.Т. Некрасов.
Портрет
В.И. Баженова
в кругу семьи.
1770-е годы

лось, не было – в России он никогда не сможет жить как хочет, пора в путь, искать счастья за границей. Была, правда, и еще одна версия его стремительного отъезда. Почти детективная.

Еще летом 1770 года Московская розыскная экспедиция расследовала дело об отравлении некоей 17-летней девицей Анной своего мужа – крепостного столяра Гаврилы Яковлева, принадлежавшего Баженову. По показаниям Баженова, тот внезапно «занемог и страдавши рвотою в три дни жалуясь при том великою в животе и сердце резью в 20-е число по утру умер, но как всему причину подавало сомневаться о его смерти тем особливо, что живущий при мне команды моей архитектурный помощник коллежский актуариус Федор Каржавин мне объявил что оная женка Анна Андреева 16-го числа просила у него мышьяку для изводу в доме матери ее мышей от которого ей кусочек един для той надобности и дан и потому на спрашивание мое означенная его женка Анна повинилась, что она его Гаврилу Яковлева тем мышьяком отравила...».

Дело было темное. Анна прожила с супругом в браке всего неделю, «а потом напала на нее тоска, и тот ея муж сделался ей постылым а по какой причине не знает, ибо тот муж не делал ей никакого озлобления. И будучи в тоске мужа она любить уже не стала и все плакала». «Утешителем» ее оказался Каржавин, который, по материалам следствия, пребывал с Анной в «блудном житии». Отравительницу приговорили к наказанию кнутом и отправили на каторгу, ее невольный или возможный соучастник остался в тени. Вполне возможно, впрочем, что Каржавин бежал за границу, скрываясь от уголовного преследования: «не положил [я] своей головы под поднятое уже над нею колесо». Возможно, роль молодого либертена и вызвала такую

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ярость раскольника-отца, про клинавшего совершенные сыном «самые дьявольские поступки».

Перед отъездом Каржавин заручился помощью известного богача-филантропа Прокопия Акинфиевича Демидова, внука петровского горнозаводчика Никиты Демидова. Промышленник решил послать Федора в Париж вместе со своим внуком. Демидов также поручил Каржавину доставить в кунсткамеру принца Оранского подарки – «натуральные российские и сибирские редкости». Отплывая на чужбину, Каржавин словно отрезал себе все пути возвращения на родину. Едва добравшись до Амстердама, он написал отцу полное горечи письмо: «Лишился я места, жалованья, приятелей, благодетелей, сродников и отечества, чтобы вас уверить, что я вам не злодей, но сын, и желаю вас видеть спокойна». Для отца он навсегда остался «всезлобным, проклятым, неблагодарным сыном Федькой Каржавиным».

Д.Г. Левицкий.
Портрет
Прокопия
Акинфиевича
Демидова.
1773 год

ТОРГОВЫЕ ПРОЖЕКТЫ

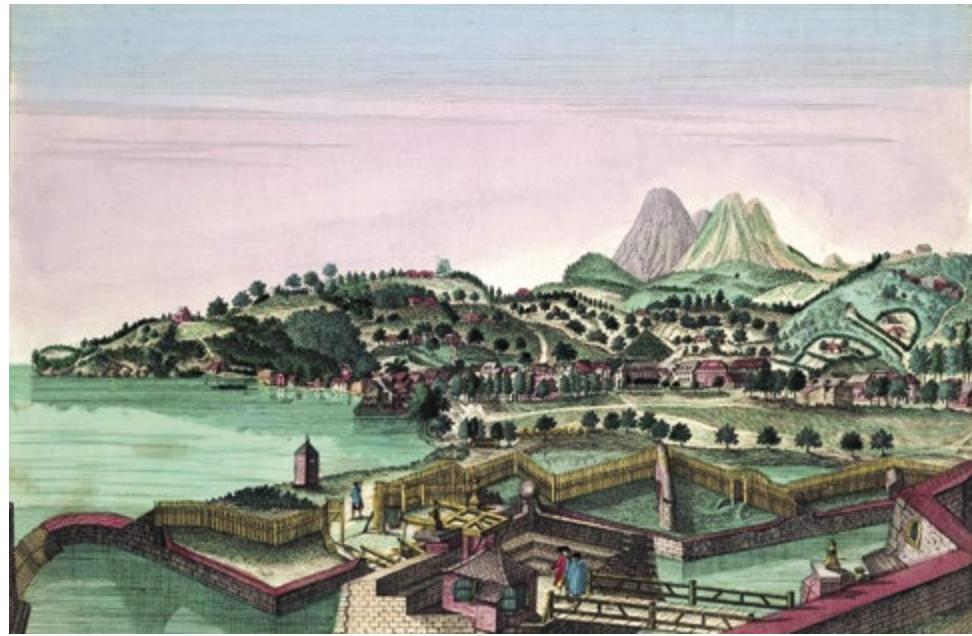
Начались скитания по Европе. Голландия, Германия, Фландрания, почти родная Франция. На несколько лет он осел в Париже, где летом 1774 года женился на бедной сироте, модистке Маргарите Шарлотте Рамбур, занимавшейся шитьем и учившейся «убирать и чесать волосы». Небольшие сбережения, полученные от Демидова, таяли. Молодожены жили в бедности, перебиваясь случайными заработками. Жена устроилась гувернанткой, сам Каржавин изготавливал мази и притирания, давал уроки, продолжал ходить на лекции по физике и медицине. Хотелось и переводить, и заниматься наукой – но денег нет. К тому же во Франции он – иностранец. Во время поездок по приморским городам Каржавин наступал настоящее золотое дно – торговлю колониальными товарами: сахаром, вином, хлопком, кофе. Для европейца, разумеется, в этом не было ничего нового – в портах Атлантики крутились тогда колоссальные деньги. Русские же в океанической торговле были людьми новыми и несведущими. А не попытаться ли наладить торговые связи с новым континентом, а там, глядишь, и стать посредником в торговых связях России с Америкой? Трудно представить, что Каржавин ничего не знал о давних планах отца, который еще в 1750-х годах предлагал создать монопольную торговую компанию в Санкт-Петербурге. Предполагалось заниматься централизованными закупками пеньки, льна, воска, холста, железа, льняной пряжи, а затем через сеть филиалов в крупнейших европейских портах перепродавать их за границей. Иностранным же купцам – и старший Каржавин особо на этом настаивал – закупать названные товары запрещалось. Выходит, сын, хотел он того или нет, следовал все же по стопам отца. Но пошел он еще дальше. Его цель – американская торговля. «Имею намерение ехать

прогуляться в Мартинику и Сан-Доминго, – писал он отцу в мае 1775 года. – От глаз далеко, и самому лутче побывать».

Смущала его, правда, тревожная политическая обстановка в Америке – надвигалась война американских колоний против британской короны. Шаг предстоял нелегкий. Отчий дом был для него закрыт, но мысленно он нередко пересекал его порог, спрашивал родительского совета. Писем Каржавина сохранилось немного, но все они обращены к одному человеку – к отцу. Надеялся получить прощение? Или брался за перо, когда охватывала тоска по родине? Ответное письмо сохранилось только одно, других, может быть, и не было: отец распечатывал послания Федора, читал их, но, показывая характер, упорно не отвечал. Раздумывая, стоит ли рисковать начальным капиталом, Каржавин в одном из писем ему размышлял о возможных последствиях своей затеи: «Здесь начинаются битвы немаловажные, за которыми воспоследовать могут опасения и разорения, а может и война». На время он отложил свои американские планы. А затем, получив помошь от французских компаний, осенью 1776 года с разными паспортами, в том числе на имя Теодора Лами, отплыл в Вест-Индию.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАБАНДИСТА

«Прогулка» началась удачно. С «великим числом картин, книг и редкостей» Каржавин за 36 дней преодолел Атлантику и прибыл на французскую Мартинику – центр контрабандной торговли с восставшими английскими колониями. «Вспомните, – отписывал он отцу, – сколько раз вы мне в ребячестве показывали на малом корпусном атласе остров Мартинику, думали ли вы, чтобы вашему сыну быть на оном когда-нибудь! – тако соизволил Бог». За несколько месяцев ему удалось выгодно продать привезенные товары и приобрести необходимые знакомства. «Господин

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мартиника.
Форт-Рояль.
Конец XVIII века

Лами» быстро уловил особенности местной конъюнктуры – чтобы «удвоить свой капитал», недостаточно традиционных для местного товарооборота табака, водки, патоки, хлопка и кофе. Преуспев в торговле и выгодно продав «великое число картин, книг и редкостей», Каржавин тем не менее понял, что самой прибыльной коммерцией здесь являются военные поставки. Однако контрабандная торговля оружием и военным снаряжением была смертельно опасным делом – приходилось балансировать на грани закона, подставляя под удар не только капиталы, но и голову. Лондон объявил, что всякая торговля, идущая вразрез

с британскими интересами, будет рассматриваться как вражеская и караться по законам военного времени. Особенно если в ней замешаны французы. Но нашлось немало рисковых людей, готовых поставить все на карту. Один из них нам сегодня прекрасно известен – француз Пьер-Огюстен Карон де Бомарше, прославленный создатель «Женитьбы Фигаро», в разгар военных действий основал торговый дом и несколько лет вел контрабандную торговлю с американскими колониями. Он поставлял восставшим колонистам ружья, порох, палатки и пушки и стал смертельным врагом англичан. Таким был этот век!

Русского негоцианта с французским паспортом ждала не менее авантюрная судьба. Весной 1777 года Каржавин снарядил «большое судно» и направился в первый рейс к берегам Северной Америки, рассчитывая вернуться через четыре месяца, «ежели, – как он впоследствии вспоминал, – к старым англичанам в плен не попадусь». Согласно официальным бумагам, господин Лами вез груз во французскую Канаду. Однако истинной его целью было побережье бунтующих американских штатов, блокированное британским флотом. Корабль Каржавина с оружием и порохом почти

Мартиника.
Карта XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Англичане задерживают контрабандистов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

добрался до побережья восставшей Виргинии, но был перехвачен британским фрегатом и пленен. Англичане повели взятое судно в Галифакс, но в сгустившемся тумане Каржавин сумел бежать и привести свой корабль к американским повстанцам в порт Хэмптон.

Два года Каржавин, меняя паспорта, странствовал по охваченным войной Американским штатам. Авантурная жилка не давала ему сидеть на месте, он все время пускался в какие-то новые предприятия. Америка в буквальном смысле слова превратилась в самый настоящий полигон свободомыслия. Многие европейцы, впитав в себя просветительские идеи о свободе и равенстве, устремились в

Новый Свет сражаться против британцев и освобождать колонии от «ига деспотизма». Будущий лидер Французской революции маркиз де Лафайет, предтеча коммунизма герцог де Сен-Симон, национальный герой Польши Тадеуш Костюшко сражались вместе с американскими колонистами за свободу. В сложных политических интригах оказался замешан и Каржавин. Находясь в тогдашней столице Штатов Вильямсбурге, он не раз слышал об английских проектах подавления восстания в Америке. Англия испытывала нехватку воинских контингентов. Король Георг III обратился к императрице Екатерине II — не может ли британская корона рассчитывать на использование

Война за независимость США. Вооруженное столкновение

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

русских солдат в далекой Америке? Американские газеты раздули дело и сообщили, что Георг III нанял 20 тысяч русских. Точно неизвестно, но не из-за возможного ли появления русских военнопленных Каржавин как раз в это время пытался стать переводчиком с русского языка при виргинском правительстве? Тогда же американский конгресс отправил в Париж дипломатическую миссию, которую возглавил известный ученый, физик Бенджамин Франклайн. Легенда гласит, что виргинское правительство намеревалось отправить посольство и в Петербург. Эту миссию американцы собирались возложить на Каржавина. Плану не суждено было сбыться. Россия готовилась провозгласить вооруженный нейтралитет в англо-французской войне. Появление в российской столице представителя американских инсургентов, да к тому же русского, замешанного в уголовном скандале и проклятого семьей, могло только навредить американским дипломатам и нарушить политическую игру русской императрицы.

ДОКТОР БАХ

Политика, впрочем, не мешала торговле. В феврале 1779 года Каржавин «с богатым грузом» поднял якорь, но не успело его судно выйти в открытое море, как вновь был взято англичанами. Они выбросили экипаж прямо на лед неподалеку от берега, а корабль со всем грузом увезли в Нью-Йорк. У многих после такой неудачи опустились бы руки — Каржавин не думал отчаиваться: «исполнен русским неунывающим духом, к удивлению всех знакомых, пустился я пеший в путь с сумой на плечах, пытаясь солдатским казенным хлебом по билету, яко военно-пленник, пострадавший от англичан». Пройдя «сквозь Вашингтонову армию», боясь попасть в руки и англичанам, и американцам, он скрывался в лесах среди индейцев. Попади он тогда в руки британцев, его бы «пристрелили на дереве, словно белку».

Весь год прошел в переездах, Каржавин «разносил мелочный товар по лесам», торговал в лавке знакомого французского торговца. Наконец в середине февраля 1780 года Каржавину удалось возвратиться на Мартинику – без денег и, казалось, без будущего. Перебиваясь случайными заработками, он находился на грани нищеты, едва не умер от малярии, отравился на табачной фабрике и «пять месяцев походил более на мертвеца, вставшего из гроба». В ту пору Каржавин не брезговал никакой работой – подрабатывал фармацевтом, служил доктором, переводчиком, учил то французскому, то русскому языкам. На Мартинике 12 октября 1780 года Каржавин пережил катастрофу, равной которой русским людям видеть еще не приходилось – чудовищный тропический циклон, вошедший в историю под названием «Ураган Сан-Калисто» или «Великий ураган 1780 года», считающийся самым смертоносным ураганом в истории североамериканского региона. Бушующий ветер, доходивший до 320 километров в час, сеял смерть на своем пути. Было затоплено множество кораблей, в том числе военные корабли французского и британского флотов, массивные артиллерийские орудия сдвигались с места как детские игрушки. Очевидцы рассказывали, что дождь под воздействием мощного ветра сдирал кору с деревьев, прежде чем они валились на землю. Каржавина ураган застиг в городе Сен-Пьер, где он тогда держал аптеку. «Море поднялось горою», – записал он в дневнике. На остров обрушился ужасающий водяной вал, который смыл почти все дома, уничтожив и аптеку Каржавина. В стихии погибло более 9 тысяч человек.

Прожив на острове еще полтора года, Каржавин вновь отправился в путь. Он собственно ручно выправил себе паспорт, сам поставил «архиерейскую» печать – теперь он назывался российским доктором Иваном Бахом, – сел на американский

Вид Гаваны.
Со старинной
голландской
гравюры

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великий ураган
1780 года.
Гравюра,
опубликованная
в 1784 году

корабль и направился в США. В водах близ Пуэрто-Рико «доктор Бах» в третий раз попал в плен к англичанам – те поддержали его на острове Антигуа три недели, а затем, выдав английский паспорт, отпустили на все четыре стороны. В очередной раз лишившись всего имущества, Каржавин – у него остались только две книги, лекарства, ланцет и пластыри – устроился на испанский корабль, направлявшийся в Нью-Йорк, а затем на остров Сан-Доминго. Следующие два года своей жизни Каржавин провел на Кубе, жил в Гаване, «лечил больных, составлял медикаменты для аптекарей, делал различные водки для питейных лавок и домов и учил по-французски».

ПУТЬ ДОМОЙ

Заканчивался 1783 год, Война за независимость в Америке подоходила к концу. Неутомимому искателю приключений было уже под 40, в Новом Свете его жизнь так и не устроилась. Каржавин, претерпев немало невзгод и лишений, потерял все до нитки и опять находился на грани нищеты. Его американская эпопея обернулась полным крахом. В конце измученный, он вынужден был это признать и засобирался обратно. Но сперва надо было раздобыть денег у родных. Отец его в 1786 году умер, так и не простиив непутевого сына, хотя тот все эти годы не терял надежды на примирение. В своих письмах он жаловался на «пропасти морские»,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДСТАВЛЕННО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

которые препятствуют ему «всю фамилию увидеть», и, словно раскаиваясь в своих прегрешениях, подчеркивал, что становится «стар и слаб», «страстей время прошло» и единственное его желание – «спокойно умереть». Но на полную «капитуляцию» гордец Каржавин нешел. В чем его вина? В том, что он спас отца от суда Всевышнего, «не подверг себя отцовскому свирепству и допустил бы его быть сыноубийцей?» Он напоминал «милостивому родителю» библейскую историю об Аврааме: «Прости бедного Исаака, что он шею свою от вашего ножа скрыл по воле и по определению Божьему, а не по своей непокорности, ибо его покорность была бы и вам самому вредна и бесчестна». Но встретиться и простить друг друга им не привелось.

Мать Каржавина поначалу и слышать не хотела о том, чтобы послать «Федьке» денег на обратную дорогу. Затем, уступив его настойчивым просьбам, она-таки отправила ему необходимую сумму, оговорив, впрочем, что вычтет все сполна из положенной ему доли наследства.

В 1787 году при помощи русского консула в Кадисе Иоганна Фридриха Бранденбурга Каржавину удалось получить от родственников деньги на обратную дорогу и добраться до Парижа. Он разыскал жену, какое-то вре-

мя прожил с ней, но желание увидеть родные берега не покидало его. Супруга ехать с ним в Россию не собиралась, и, кое-как разобравшись со своими парижскими делами, Каржавин в 1788 году отправился в Петербург.

Родина встретила его неприветливо. При дележе наследства мать, ставшая главной в семье, решила отписать львиную долю младшему сыну, Матвею. Федору и сестрам, по ее словам, и так получившим богатое приданое, оставались жалкие крохи. Начались бесконечные судебные тяжбы. В августе 1791 года грянула новая беда – мать была убита в собственном доме своими же дворовыми, которые утверждали, что сделали это по наущению ее младшего сына. Последовали его арест, следствие, получение наследства затягивалось. Каржавин остался без средств и крова. Устроиться на службу ему также не удалось – Баженов, на помощь которого он рассчитывал, пребывал в немилости у императрицы, и все, что он мог сделать для друга, это приютить его у себя. Обретя наконец крышу над головой, несостоявшийся американский посланник поселился затворником в каморке, набитой книгами и всевозможными заморскими диковинами. Этот утративший иллюзии и разочарованный жизнью человек предпочитал сидеть дома у ка-

Дж. Кваренги.
Адмиралтейство
и Зимний
дворец.
Рисунок 1790-х
годов

мелька, не показываясь на улице, да и с людьми он старался встречаться только при крайней необходимости. Дни проходили в чтении, переводах, сочинительстве собственных писаний. Просвет как будто наметился с воцарением Павла I, который благоволил Баженову и поручил ему масштабную работу в столице – возвести императорскую резиденцию, Михайловский замок. По протекции Баженова Каржавина приняли «англо-американским переводчиком» в Адмиралтейств-коллегию, и там он, занимая мелкую чиновничью должность, дослужился до чина надворного советника.

1 июля 1810 года он женился на Надежде Никитичне Барановой, дочери служителя при Дирекции императорских театров, но его жизненные силы были на исходе, и счастье оказалось недолгим. 28 марта 1812 года Каржавин скончался, завещав все свое имущество вдове. Существует, правда, версия, согласно которой Каржавин покончил жизнь самоубийством...

Стремительно пронеслась изобиловавшая событиями жизнь «русского американца». Он был типичным сыном своего века, торопился жить, спешил чувствовать, хотел все увидеть и успеть и не замечал, как бежит время. В одном из своих писем Каржавин словно подводит итог пережитому и говорит отчасти горькие, но исполненные внутреннего достоинства слова: «прошел сквозь огонь, воду <...> видел разные народы, знаю их обычаи, их промыслы, я изменил пучины и глубины, иногда с риском для жизни, но все то для кого и для чего? Лучше я бы был башмачик, нежели терять мою жизнь напрасно <...> Я себя щитаю не меньше Кристофора Колумбуса, различие только то, что он имел милость от своего государя, я же не имею от отца своего: и не стараюсь искать, пусть ищут милость те, кто того не достойны, а я заслужил своим достоинством, своими трудами и своею наукой». Так писал он в одном из своих писем. ●

АНДРЕЙ СЕМАШКО

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ 1.0

АВТОР

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

РОВНО 190 ЛЕТ НАЗАД НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ СВЕРШИЛОСЬ ЧУДО БОЛДИНСКОЙ ОСЕНЬИ. НИ ДО, НИ ПОСЛЕ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН НЕ ПИСАЛ ТАК БЫСТРО, ТАК МНОГО, ТАК БЕЗУМНО ТАЛАНТЛИВО, КАК В БОЛДИНЕ ОСЕНЬЮ 1830 ГОДА.

« П

О ИНТЕНСИВНОСТИ труда Болдинская осень не имеет себе аналогий не только в творчестве Пушкина, но и в русской литературе, – пишет известный нижегородский литературовед Николай Фортунатов. – Это явление уникально. То, что это был мощнейший взрыв, очень редкий, творческой энергии – это ясно, хотя и трудно постижимо. Но самая, пожалуй, поразительная, почти фантастическая черта этой осенней поры – в постоянстве громадного творческого усилия, в невероятной концентрации этого усилия».

В ту осень Пушкин впервые припал к своим родовым корням, о которых раньше вообще мало задумывался. Дожив до 30 лет, он так и не удосужился побывать в родовых землях Пушкиных в Нижегородской губернии. И ехал он туда не для того, чтобы просто их повидать или поклониться могилам предков. Подвигла Пушкина на путешествие предстоящая свадьба. 6 мая 1830 года состоялась его помолвка с Натальей Николаевной Гончаровой. Биограф Пушкина Ариадна Тыркова-Вильямс – журналистка, помещица, видная деятельница партии кадетов

и школьная подруга Надежды Крупской – справедливо замечала: «Самая поездка была вызвана имущественными делами, с которыми он не привык возиться. У него никогда не было никакого имущества. Были только деньги, которые он зарабатывал стихами. Когда он эти деньги разматывал, проигрывал, проживал, он умел обходиться

и без денег. Одна голова не бедна. Но, входя в семью Гончаровых, он знал, что надо наладить денежные дела. Это была надоедливая мысль».

По случаю предстоящей свадьбы Сергей Львович Пушкин выделил сыну «в вечное и потомственное владение» часть нижегородского родового имения – 200 незаложенных крестьянских душ в деревне Кистенёво (в 10 верстах от также принадлежавшего Пушкиным села Болдина), «которые могут дать 4000 рублей ежегодного дохода, а со временем, быть может, дадут тебе и больше». 27 июня 1830 года запись об этом была сделана в Петербургской палате гражданского суда: «Он, сын мой, до смерти моей волен с того имения получать доходы и употреблять их в свою пользу, так же и заложить их в казенное место или партикулярным лицам; продать же его или иным образом перевести в постороннее владение, то сие при жизни моей ему воспрещаю, после же смерти моей волен он то имение продать, подарить и другие крепости за кого-либо другого укрепить». Теперь Александру Сергеевичу предстояло официально вступить во владение двумя сотнями душ, что можно было оформить только на месте.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕМ

Неизвестный художник.
Портрет Пушкина.
1831 (?) год

СЧАСТЬЕ СОЗДАНО НЕ ДЛЯ МЕНЯ

Из Петербурга Пушкин отправился в компании ближайшего друга князя Петра Андреевича Вяземского, который 18 августа записал в дневнике: «10-го выехали мы с Пушкиным из Петербурга на дилижансе. Обедали в Царском Селе у Жуковского. В Твери виделись с Глинкой. 14-го числа утром приехали мы в Москву». В доме Вяземского в Чернышевском переулке Пушкин и гостил до отъезда в Болдино. Уже в день приезда он повстречался с братом Львом и навестил Гончаровых. Дни, предшествовавшие отбытию в Болдино, были одними из наиболее тяжелых в жизни Пушкина. Он потерял самого близкого ему родного человека – дядю Василия Львовича. Человека, приходя к которому Пушкин чувствовал семейное тепло, – в доме дяди все любили друг друга, любили его, ценили его друзей. Доброго дядю-поэта, с которым прошло его московское детство, который заботился о нем в лицейские годы, ободрял его в поэтических занятиях. Именно Василий Львович познакомил юного племянника с Николаем Михайловичем Карамзиным, передал его «Воспоминания о Царском Селе» в «Российский музей». «Поэт был привязан к Василию Львовичу гораздо более, чем к своему отцу, и помнил в нем своего первого наставника на путях в Лицей, в «Арзамас» и в русскую поэзию. Это был не только ближайший родственник, но и «дядя на Парнасе», один из тех, кто входил в «сладостный союз

поэтов», – замечал литературовед Леонид Гроссман.

Василий Львович всегда гордился литературным талантом Александра, не раз вставал на его защиту. Его последнее в жизни стихотворение – написанное тем летом послание «А.С. Пушкину»:

Крылов и Вяземский в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своей,
Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
Печатай им назло скорее Годунова.
<...>

Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придишки и затеи!
Счастливцу некогда смеяться даже им.
Благодаря судьбу, ты любишь и любим.

Александр получил этот поэтический подарок с трогательной припиской дяди: «Шлю тебе мое послание с только что внесенными исправлениями. Скажи мне, дорогой Александр, доволен ли ты им? Я хочу, чтобы это послание было достойно посвящения такому прекрасному поэту, как ты, – на зло дуракам и завистникам».

Пушкин приехал в Москву, когда дядя был при смерти. Каждый день Александр – у ложа умиравшего в доме на Басманной. 19 августа он слышит его последние слова. 20 августа у постели умирающего были Пушкин, Вяземский и семейство Сонцовых. В третьем часу пополудни все было конечно. Вяземский вечером писал жене в Остафьево: «Не на радость приехал я в Москву. Я приехал быть свидетелем кончины бедного Василия Львовича. Он умер сегодня в два часа с че-

то, в самое то время, как читали ему молитвы и соборовали его маслом. С вчерашнего дня он был уже очень плох. Я приехал к нему сегодня часов в одиннадцать. Он имел смертную хрипоту, лицо было бесстрашно и бесчувственно, но он был еще в памяти и узнал меня, но равнодушно. <...> Вообще смерть его была очень тиха. Пушкин был тут во все время, благопристоен и тронут.

Александр Сергеевич взял на себя хлопоты и расходы по похоронам. Только за могилу на кладбище Донского монастыря отдал 620 рублей. Вместе с братом рассыпал траурные билеты: «Александр Сергеевич и Лев Сергеевич Пушкины с душевным прискорбием извещают о кончине дяди своего Василия Львовича Пушкина, последовавшей сего Августа 20 дня в два часа пополудни; и покорнейше просят похаловать на вынос и отпевание тела, сего Августа 23 дня в приходе Св. Великомученика Никиты, что в Старой Басманной в 10 часов утра; а погребение тела будет в Донском монастыре».

На отпевании, зафиксировал Вяземский, «была депутация всей литературы, всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев и Лжедмитриев, Снегирев». От церкви траурная вереница карет прошествовала через всю Москву к Донскому монастырю. Весь неблизкий путь братья Пушкины провожали катафалк пешком.

Ну а сразу после смерти самого близкого человека – размолвка с Гончаро-

К. Гампельн. Сергей Львович Пушкин.
1824 год

Ж. Вивьен. Василий Львович Пушкин.
1823 (?) год

Лев Сергеевич Пушкин

выми, с любимой невестой, размолвка, которая на тот момент казалась необратимой.

Известный философ и пушкинист Михаил Гершензон справедливо утверждал, что «все три недели, проведенные им в Москве, были, несмотря на его влюблённость, настоящей пыткой для него. Будущая теща малопривлекательная дама; ее снисхождение к нему – и плохо скрываемое чувство, что к нему снисходят; ее настоящия и укоры относительно его денежных обстоятельств, и беспрестанные разговоры о деньгах, о приданом; чванный, разорившийся дедушка – Гончаров, к которому пришлось ездить на поклон в Калужскую губернию».

Мать невесты, Наталья Ивановна, сердилась, что жених Богу не молится, и все еще колебалась, выдавать ли Ташу за непутевого поэта, имевшего нелады с большим начальством и не имевшего денег. Афанасий Николаевич Гончаров, дед Натальи, сердился, что жених недостаточно настойчиво добивался в Петербурге у министра финансов графа Канкрина казенной ссуды на поправку расстроенных дедушкиных дел (неизвестно, на каком основании) и недостаточно энергично пристраивал имевшуюся у него в Полотняном Заводе медную статую императрицы, продажа которой якобы должна дать 40 тысяч на приданое Наталье. Пушкин как мог успокаивал дедушку в письме 24 августа: «Смерть дяди моего, Василия Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выйти из долга, как опять вынужден был задолжать. На днях отправляюсь я в нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной. Надежда моя на Вас одних. От Вас одних зависит решение судьбы моей».

Вечером 26 августа Пушкин был у Гончаровых на балу, устроенном в честь сразу двух именинниц – Натальи Ивановны и Натальи Николаевны, родившихся 25 и 26 августа. А 27 августа будущая теща устроила такой разнос, что Пушкин счел возможным вернуть Наталье Николаевне ее слово выйти за него замуж. Поэт отправил невесте письмо, которое начиналось словами: «Je pars pour Нижний, incertain de mon sort...» – «Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша мачеха решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Наталья Ивановна Гончарова, урожденная Загряжская (1785–1848), мать Натальи Николаевны Пушкиной. Акварель неизвестного художника. 1820-е годы

А.П. Брюллов.

Наталья Николаевна Пушкина.
Конец 1831 – начало 1832 года

ей, – я подпишусь под всеми предлогами, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорблении, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а не прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь».

Одновременно Пушкин информировал Веру Федоровну Вяземскую, урожденную княгиню Гагарину и супругу

князя Петра: «Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно было себе представить. Она мне наговорила вещей, которые я по чести не мог терпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь. Мне не хотелось говорить об этом с князем, скажите ему сами, и оба сохраните это в тайне. Ах, что за проклятая штука счастье!»

Словно ища опоры в прошлом, Пушкин перед отъездом в Болдину побывал в старом бабушкином сельце За-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сельцо Захарово. 1879 год

харове, где провел много счастливых дней в детстве. Имение было давно продано, но в соседней деревне жила дочь Арины Родионовны, Марья. Она рассказывала, что Пушкин обежал все свои любимые места, но не все застал. Часть березовой рощи была вырублена, флигель снесен: «Все наше рушили, все поломали, все заросло», – сказал он ей невесело и скоро уехал.

Пушкин уехал в ужасном настроении. 31 августа он пишет своему старшему другу, редактору «Северных цветов» Петру Плетневу: «Сейчас еду в Нижний, то есть в Лукоянов, в село Болдино – пиши мне туда, коли вздумаешь. Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женинного человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери – отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения – словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое мое время – здоровье мое обыкновенно крепнет – пора моих литературных трудов настает – а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень утешно. Еду в деревню, Бог весть буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского.

Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Черт меня догадал бредить о счасти, как будто я для него создан. Довольно было мне довольствоваться независимостию, которой обязан я был Богу и тебе. Грустно, душа моя, обнимаю тебя и целую наших».

Из Москвы в Болдину Пушкин стартовал 1 сентября. Будь настроение получше, он мог бы и разуметь ехать в Нижегородскую губернию, куда уже надвигалась эпидемия холеры. 28 августа министр внутренних дел Арсений Закревский доложил императору Николаю I, что болезнь вторглась в Центральную Россию. Эта «индийская зараза» от персидской границы и Кавказа поднималась по Волге – от Астрахани к Царицыну, затем – к Саратову. Российские города и веси пропахли хлоркой – главным тогда сред-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П.Ф. Соколов. Портрет А.С. Пушкина.
1836 год

ством дезинфекции. О холере знали мало и пытались бороться с ней по примеру чумных эпидемий: устанавливали заставы и карантины, к околицам приставляли караульных, отводили избы под больницы. Помогало это мало. Николай I направил Закревского с чрезвычайными полномочиями на передовую – в Саратов. Но и Саратов вскоре оказался в тылу наступающей заразы. В народе шло брожение, местами переходившее в бунт: власти и докторов обвиняли в том, что они сознательно морят людей.

Пушкин, зная, что в Нижегородской губернии эпидемия, тем не менее продолжал свой путь. Он объяснит это позднее невесте своим душевным со-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет князя Петра Андреевича
Вяземского

стоянием: «Не будь я в дурном расположении духа, когда ехал в деревню, я бы вернулся в Москву со второй станции, где узнал, что холера опустошает Нижний. Но в то время мне и в голову не приходило поворачивать вспять, и я не желал ничего лучшего, как заряды». Но все-таки это была, скорее, версия для супруги.

В чуть позже написанной в Болдине автобиографической заметке «О холере» он был более точен: «О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 году старая молдаванская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. <...> Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме, как элегия к дифирамбу».

Приятели (у коих дела были в порядке или в привычном беспорядке, что совершенно одно) упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество. <...> Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой». Думаю, ехал он не только ради того, чтобы вступить во владение крестьянами Кистенёвки. Наступала осень, пора творить, любимая пора поэта. Он ехал писать. И просто для того, чтобы вырваться на волю, побывать с самим собой.

Маршрут Пушкина лежал через Богословск, Покров, Владимир, Муром. При въезде в Нижегородскую губернию на встречу хлынул поток людей, колясок, карет. «На дороге встретил я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой, – писал Пушкин. – Бедная ярмарка! она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!»

В сам Нижний Новгород поэт не заезжал: взял южнее – на Арзамас, Тепло-во и Лукоянов. Преодолев от Москвы 540 верст, 4 сентября он впервые въехал в нижегородскую вотчину Пушкиных.

РОДНОЕ ПЕПЕЛИЩЕ

Большое Болдино разместилось в 250 километрах на юго-восток от столицы Нижегородской области, на границе с Мордовией, на правом берегу Азанки, которая впадает в речку Чеку. Первые жители стали обустраиваться в Болдине в первой половине XVI века. Изначальное название селища – Ель Болдино, – вероятно, татарского происхождения. Позже официальное название сократилось до Еболдино. В начале XVII века источники упоминают поселение как деревню, но уже в 1619 году оно называлось селом. И с этого времени его называли «Болдино», а затем «Большое Болдино».

В документе 1585 года название села и фамилия Пушкин впервые звучат вместе и становятся уже неразрывными. Евстафий Михайлович Пушкин был награжден поместьем в Болдине Арзамасского уезда в составе 120 четвертей за службу без права передачи по наследству. Воевода и окольничий, участник Лифляндского, Польского, Выборгского походов войск Ивана Грозного, крупный дипломат, Евстафий Михайлович имел титул Муромского наместника.

Фортунатов замечал: «Но само Болдино и вместе с ним Пушкины упоминаются значительно раньше, такие свидетельства уходят в глубокую старину... Своими корнями поэт связан не только с вотчинным селом, но и с самим Нижним Новгородом, и с Нижегородским краем. Уже древние предки его числились в составе нижегородского дворянства или имели прямое отношение к Нижнему и к его округе». И дальше судьбы Пушкиных и Нижегородского края были неразделимы. «Род Пушкиных и в других его представителях теснейшим образом связан с Нижегородским краем. Никита Михайлович, брат Евстафия Михайловича, первого владельца Болдина, в 1616 году был воеводой в Арзамасе; Федор Семенович, стольник, жалован вотчиной в Арзамасском уезде; за Степаном Гавриловичем (брат Григория Гавриловича Косого) – поместья в Муромском уезде».

Во время Смуты, когда полегло на поле боя или продало Отечество множество вотчинников, их земли жаловались родственникам и особо отличившимся в борьбе с польскими

Село Болдино. Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

захватчиками. В списке соратников воеводы князя Дмитрия Трубецкого от 2 ноября 1612 года значился и Иван Федоров сын Пушкина, «в полу он у боярина и воеводы Ивана Мартиновича Зарутцкого». Этот Пушкин, троюродный племянник Евстафия Михайловича, и стал вотчинником Болдина. Сохранилась «грамота к воеводе и дьяку о наказании крестьян в деревне Еболдиной, данной в вотчину Ивану Пушкину, за неповиновение вотчиннику», вызванная его жалобой на непослушание крестьян. В ответ Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский из Москвы 15 ноября 1612 года направили указ арзамасскому воеводе: «И ож будет так, как нам Иван Пушкин был челом, и вы-б, господа... крестьянам велели слушати во всем Ивана Пушкина, пашню на нево пахати и доход вотчинников платить, чем он их изобличит. А будет которые крестьяне не учнут Ивана Пушкина слушати, а вы-б тех крестьян, выбрав лутчих человек двух или трех, велели бити кнутьем, а бив кнутьем,

велели вкинуть в тюрьму на неделю, а ис тюрьмы выдати их головою Ивану Пушкину... записьми в том, что им Ивана Пушкина вперед слушати во всем». В 1614 году бездетный Иван Федорович оказался в плену и погиб от рук «немецких людей». В 1619 году «за московское осадное сидение» его брату Федору Федоровичу Сухоруку была пожалована вотчина «в Арзамасскому <уезду> Залесскому стану, за Шатиловскими вороты, село Болдино, что было деревня Забортники, под большим мордовским черным лесом». С этого времени в родословной росписи Пушкиных значатся постоянно владения в Арзамасском уезде, к которому тогда относилось Болдино. Для Сухорука это село не стало большим территориальным приращением. Всего за ним в Алаторском, Арзамасском, Шацком и Московском уездах числилось 550 четвертей поместья и 959 четвертей вотчины. Болдинская вотчина составляла северо-западную часть заметно расширявшегося имения. К нему было присоединено Казариново (Нефедьево). В Казариновскую рощу любил ездить

верхом поэт во время своего пребывания в Болдине, хотя в те дни Казариново уже не принадлежало Пушкинам. Федор Федорович владел и деревней Тимашево, которая и станет той самой Кистенёвкой, где Александр Сергеевич получит 200 душ.

Федору в 1681 или 1682 году наследовал его сын Иван Федорович Пушкин, который получит прозвище Шиш, что не помешает ему стать заметной фигурой российской истории. Стольник, затем воевода и окольничий, он в малолетстве царевичей Ивана и Петра был одним из семи членов регентского Верховного правления. Иван Федорович сполна воспользовался служебным положением для приращения фонда вотчинных земель. В 1684 году он получил в поместье «по грамоте великих государей» дополнительные 200 четвертей земли. Именно этой землей и будет владеть отец поэта и сам Александр Сергеевич.

С 1697 года Болдином владели два его сына (каждый по 43 двора) – Федор и Иван Ивановичи. После смерти Федора Болдино целиком досталось Ивану Пушкину, который стал стольником еще в 1683 году, позднее сопровождал Петра I в его путешествии в Архангельск и в Рижском походе, а в 1703 году значился капитаном. Он не оставил потомства, и по его завещанию от 8 марта 1719 года Болдино и другие имения, всего 1330 четвертей, унаследовал двоюродный племянник Александр Петрович Пушкин, прадед поэта.

Александр Петрович служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Получив Болдино, он начал скаптывать и смежные земли. Женат был на Евдокии Ивановне, дочери генерал-кригскомиссара Ивана Михайловича Головина. По сведениям, источником которых был и сам Александр Сергеевич, а затем подтвержденным документально, несчастная Евдокия Ивановна была зарезана собственным мужем «в припадке ревности или сумасшествия» во время родов в 1725 году. Александра Петровича арестовали, и вскоре он умер «в заточении». Делами малолетних детей его, в том числе управлением Болдино, одновременно занимался отец убиенной Иван Михайлович Головин, прапрадед поэта и одновременно родной прапрапрадед Льва Николаевича Толстого. Таким образом, Пушкин приходился

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генеалогическое древо рода Пушкиных

четвероюродным дядей Толстому. По этой же линии у Толстого и Пушкина был общий великий предок – святой князь Михаил Черниговский, загубленный в Золотой Орде.

В 1740 году вотчина перешла ко Льву Александровичу Пушкину, деду Александра Сергеевича. Родился он в 1723-м, умер в 1790 году. Был в службе: с 1739 года – капрал, в 1741-м – сержант, в 1747-м – штык-юнкер, в 1749-м – подпоручик, в 1757-м – капитан, в 1759 году – майор. Остался до конца верен императору Петру III, а после его свержения и убийства провел два года в тюрьме за противодействие восшествию на престол Екатерины II. Но она же его и выпустила и, как утверждал внук-поэт, в дальнейшем относилась с уважением. Но семья считалась опальной.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Герб рода Пушкиных

Выйдя в отставку подполковником в сентябре 1763 года, Лев Александрович жил в своих деревнях. Болдино получил в 1741 году по разделу с сестрой М.А. Ушаковой. В 1761 году за них было 1400 душ. Лев Александрович позаботился о Болдине – благоустроил усадьбу, начал строительство церкви Успения Пресвятой Богородицы и господского дома, имение приносило доход.

Пушкин расскажет о деде в «Начале автобиографии»: «Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась – чуть ли не моим отцом». Когда этот рассказ появился в печати, Сергей Львович выступил с решительным опровержением, защищая «священную память» своего отца. Рассказ поэта документально подтвержден быть не может: из формулярного списка дедушки явствует только, что он «за непорядочные побои находящегося у него на службе венецианца Харлампия Меркадин был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить».

После Льва Александровича в право владения вступили его дети – Сергей и Василий. Они разделили Болдино: Василию Львовичу отошла северо-западная часть, Сергею Львовичу – юго-восточная. После смерти Петра, сына Льва Александровича от первого брака, к отцу поэта перешло также Кистенёво. «Это было золотое дно, – уверяла Тыркова-Вильямс, – но управляющие, пользуясь дальностью расстояния и небрежностью владельцев, довели мужиков до нищеты. Братья, Сергей и Василий Львовичи Пушкины, ни во что не вмешивались, только широко пользовались своим правом закладывать и перезакладывать в казну земли, постройки и живой ин-

вентарь – крепостных мужиков. Ни отец, ни дядя толком не знали, кому и сколько они должны, но умудрились по нижегородским именьям задолжать более 100 тысяч рублей. У Сергея Львовича было еще 500 душ в деревне Кистенёвка, в десяти верстах от Болдина. Из них-то он и выделил Александру 200 душ».

В не дописанной в Болдине «Истории села Горюхина» прозрачно угадываются услышанные Пушкиным рассказы о судьбе семейных владений: «Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное, что все жители оного были зажиточны, что оброк собирался единожды в год и отсыпал неведомо кому на нескольких возах. <...> Но предки мои, владея многими другими отчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну. Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою называемом.

Но в течение времени родовые владения... раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже уменьшившегося. Грозные предписания следовали одно за другим. Староста читал их на вече; старшина витийствовал, мир волновался, – а господа, вместо двойного оброка, получали лукавые отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом».

И вот 1 сентября 1830 года впервые обширные пушкинские родовые владения посетил самый знаменитый представитель рода. По рассказу одного из болдинских крестьян, записанному в 1860-е годы, кто-то поздно ночью с колокольчиком подъехал к барскому дому. «Наутро сказывают, что молодой барин приехал. Потом позвали нас к барскому крыльцу. Вышел он к нам, милостиво поздоровался».

Собственно, село Болдино во время пребывания там Пушкина занимало немного более 220 десятин, имело 330 крестьянских дворов, где обитали 2282 жителя. А всего имение отца охватывало 500 дворов, где проживала тысяча душ, 6 тысяч десятин земли – пахотной, луговой и под лесом (если считать в сотках, то полу-

П.И. Челищев. А.С. Пушкин.
Начало 1830 года. Рисунок карандашом

местность степная, безлесная, встречаются лишь небольшие рощицы из дубняка и осинника...

Старый барский дом, в котором жил Пушкин, по преданию старожилов, находился на том же месте, где и теперь стоит господская усадьба... Это был небольшой одноэтажный дом, с деревянной крышей, с черным двором и службами, обнесенный мелким дубовым частоколом. Кругом дома был пустырь: ни цветников, ни сада; недалеко от дома находился только небольшой пруд... Из окон дома открывался унылый вид на крестьянские соломенные крыши... Все население села Болдина – русское, православного вероисповедания; занимались хлебопашеством. <...> Кроме хлебопашства, жители Болдина занимались приготовлением черного поташа из золы сорных трав и соломы (до 20 домов). Главный промысел болдинских крестьян был санный. Зимой почти все село работало крестьянские сани. Во владении С.Л. Пушкина в Нижегородской губернии к 1830 году состояло сельцо Кистенёво, где было 476 душ, и половина села Болдина находилась во владении брата его, Василия Львовича.

Сельцо Кистенёво (Темяшево тож), соседнее с Болдино, в пограничном Сергачском уезде, при р. Чеке, впадающей в Пьяну, расположено улицами, которые носили особые названия: Самодуровка, Кривулица, Стрелецкая и Бунтовка. Уже наружный вид жилых построек ясно говорил постороннему взору, что кистенёвские крестьяне жили в большой нужде <...> Кистенёво показано как часть прихода с. Болдина. Вероятно, оно было выселено сюда «по господскому велению» за самодурство и бунты; недаром улицы Кистенёва получили столь характерные наименования, как Самодуровка и Бунтовка. Все население Кистенёва, как и в Болдине, было русское, православное; кроме хлебопашства, крестьяне были заняты выделкою рогож. Весною значительная часть уходила на Волгу в бурлаки, в Оренбургские степи гуртовщиками и в Самарскую – жать пшеницу».

«В Кистенёвке был небольшой господский дом, в котором жил Александр Сергеевич Пушкин, когда приезжал сюда на охоту из Болдина в

АДРЕЙ СЕМАНКО

1830 году», – говорилось в материалах статистической комиссии 1853 года. О том, сохранился ли болдинский дом до наших дней или современный дом-музей – новострой, до сих пор ведутся споры. В нижегородском исследовании 1951 года читаем: «Дом, в котором жил Пушкин в Болдине, не сохранился до нашего времени. По свидетельству племянника Пушкина, барский дом, существующий и ныне, был построен в 1846 году. Не было во время пребывания здесь поэта и пышно разросшегося теперь парка с его сквозными аллеями из берез, акаций и лип. Лишь густые серебристые ивы склонялись тогда над прудами, «раздольем уток молодых». Отец Пушкина здесь никогда не жил, приезжал сюда лишь два раза (в 1825 и 1846 годах) на самое короткое время... Не сохранилась в окрестностях Болдина и Кистенёвская роща, любимое, по устным преданиям, место прогулок поэта. Роща «Лучник» была вся вырублена, но на этом месте успел вырасти густой, разнообразный по своим породам молодой лес».

Первое время после приезда в Болдино рабочим столом Пушкину служил карточный столик, покрытый зеленым сукном

Но другие исследователи уверяют, что в 1846 году престарелому и разорившемуся Сергею Львовичу Пушкину было точно не до перестройки дома в Болдине, и сейчас мы имеем возможность войти в тот самый дом, где творил чудеса Александр Сергеевич. Усадьба, когда в нее заселился Пушкин, была запущенной. Дом, давно нежилой, стоял неубранный, полупустой. В 11 комнатах, по которым прошелся новый хозяин, из мебели насчитывалось 24 стула, 6 кресел, 4 стола и диван. «Все настолько плохонькое, что дом со всей обстановкой был оценен в 5 тысяч. Зато кругом на нескольких десятинах раскинулся сад, через который тянулась длинная липовая аллея. В конце ее стояла полюбившаяся Пушкину скамейка». Сначала – дела. Первым делом – 4–6 сентября – «с помощью писаря П.А. Киреева Пушкин составляет просьбу в Сергачский уездный суд о разрешении вступить во владение дву-

мя сотнями крепостных душ; все хлопоты по оформлению он поручает П. Кирееву». Пушкину нужно было оформить вступление во владение и тут же заложить собственность, получив необходимые для свадьбы деньги. В Центральном архиве Нижегородской области сохранились три автографа Пушкина, связанные с его первым визитом в Болдине. Это подпись под вводным листом на владение Кистенёвом и две подписи на «верующих» письмах (как называли тогда доверенности). Обычно за владельцев имений хлопотали по процедуре залога их доверенные лица. Чаще всего это были управляющие или грамотные дворовые. «Пушкин хлопоты о залоге Кистенёва поручил писарю болдинской вотчинной конторы Петру Александровичу Кирееву. Заверять доверенности, как и сейчас, полагалось лично, для чего Пушкин дважды ездил в Сергач в уездный суд. Первая доверенность написана 19 сентября 1830 года, вторая – 4 октября того же года».

Как только поэт появился в родовом гнезде, кистенёвские крестьяне тут же пожаловались Пушкину на управляющего. «Государь Александр Сергеевич, Просим вас государь в том что вы таперя наш господин, и мы вам с усердием нашим будем повиноваться, и выполнять в точности ваши приказания, но только в том просим вас государь, зделайте великую с нами милость, избавьте нас от нынешнего правления, и прикажите выбрать нам своего начальника, и прикажите ему, и мы будем все исполнять ваши приказания». Ясно, что не от хорошей жизни.

«Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляют деревни, учреждаются карантины. Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению. Мятежи вспыхивают то здесь, то там.

Я занялся своими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не езда по соседям».

Пока проворачивался бюрократический механизм, а люди в Нижегородской губернии переходили на столь нам знакомый режим самоизоляции, Пушкин приступил к творческой деятельности. ●

Продолжение следует.

Наталья
Гончарова.
1910-е годы

Н

АТАЛЬЯ ГОНЧАРО-

ва родилась 3 июля
1881 года под Тулой,

в селе Ладыжино. Да,

род художницы из тех самых Гончаровых. Дед художницы – племянник Натальи Гончаровой-Пушкиной. Но если та, светская красавица, украшение всех балов – воплощение праздности, то рожденная через семьдесят лет – результат совсем иной ветви развития. Она – гимн созидательности, красота, сама себя выковавшая. От отца, московского архитектора Сергея Михайловича Гончарова, художница унаследовала тягу к монументальности, к форме, требующей большой работы; от матери, Екатерины Ильиничны, в девичестве Беляевой, дочери профессора Московской духовной академии, – христианское мироощущение, жизнь как труд подвижничества. А место и время рождения определили взгляд на жизнь как на вечное движение от посевной к жатве, как на круговорот радостного усилия, приводящего к богатому урожаю, – все просто и ясно.

В этой ясности, в этой ярости девочка прожила первые десять лет жизни

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВСЕ ПРОХОДИТ...

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

РЕВОЛЮЦИЯ В ИСКУССТВЕ ЧАСТО ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЧЕМ-ТО ЛЕГКИМ И БЕСШАБАШНЫМ. СНЕСТИ ВСЕ, СБРОСИТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ, ТУДА ЖЕ ШИШКИНА, РЕПИНА, РАСКРАСИТЬ ЛИЦА И СТАТЬ КАК ДЕТИ – ЭТАКИЙ ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ. НО ВСЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ НОВОЕ РАСТЕТ ИЗ СТАРОГО: ИЗ ТЯГОТ УЧЕНИЯ, ИЗ БЕСПРЕСТАННОГО ПОИСКА, ИЗ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПАХОТЫ. ВСЕ ПОЗНАТЬ, ВСЕ ПОПРОБОВАТЬ, ВСЕ ОБЪЯТЬ – ИЗ ТАКОГО ВСЁЧЕСТВА РОДИЛОСЬ АВАНГАРДНОЕ ИСКУССТВО РУССКОЙ ХУДОЖНИЦЫ НАТАЛЬИ ГОНЧАРОВОЙ.

Сергей Николаевич Гончаров
(1815–1865), брат Натальи
Николаевны Пушкиной, прадед
Натальи Сергеевны Гончаровой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЕСНА ЖИЗНИ. РОЖДЕНИЕ ХУДОЖНИКА

В 1891 году семья переезжает в Москву. Здесь через семь лет Наташа оканчивает с серебряной медалью IV женскую гимназию. В 1900 году она пробует себя на медицинских курсах, но бросает их через три дня. В том же году учится на историческом факультете Высших женских курсов, хочет вместить в себя все века развития человечества и вместе с ними искусства. Но выдерживает всего полгода. Тогда же знакомится с Михаилом Ларионовым.

Сближение их происходит в 1901 году, когда Наталия Гончарова учится уже в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, готовясь стать скульптором. И сближение происходит через размолвку. Ларионов критикует молодую ваятельницу, ее работы кажутся ему чудовищными (позднее он изменит мнение. – Прим. авт.), он уверен, что она ищет себя не там. «У вас глаза на цвет, а вы заняты формой, – досадует он. – Раскройте глаза на собственные глаза». Три дня молодые влюбленные не виделись.

ПРЕДОСТАВЛЕНОМОМ ЗОЛОТАРЕВЫМ

Наталия Гончарова и Михаил Ларионов на фоне декораций к балету «Золотой петушок» в мастерских Большого театра. 1913 год

В эти три дня с 19-летней Гончаровой происходит перелом. Переполняющие ее чувства она преобразует в труд: обида, злость, недоумение и страстное любопытство – все идет в дело. Через три дня стены ее комнаты заполнились яркими рисунками и картинами. Так Наталия Гончарова становится художницей, а Ларионов, как говорила она позднее, ее «рабочей совестью, камертоном, пробным камнем на фальшь». А еще он становится для нее кем-то вроде импресарио. Гончарова, не зная себе цены, не торопится заявлять о себе зрителю: она продолжает учебу, теперь – на отделении живописи, во все вникает, все пробует, от занятий отвлекает-

ся разве что на участие в сельскохозяйственных выставках. Ларионов, напротив, спешит представить талант подруги всему миру: он использует для этого все возможности и самые разнообразные средства. Например, в 1906 году, когда Сергей Дягилев приглашает его на Осенний салон в Париже, Ларионов ставит условие – непременное участие работ Гончаровой. Что до средств, то Ларионов не брезгует в продвижении Наталии ни эпатажем, ни откровенными мистификациями.

Впрочем, русская жизнь начала XX века была такова, что скандал мог возникнуть порой и сам собой, буквально на пустом месте. Скандалом закончилась первая персональная выставка Гончаровой. 24 марта 1910 года в литературно-художественном кружке Общества свободной эстетики художница представляет 22 картины, две из которых взрывают общество точно бомбы. Наталию Гончарову обвиняют в порнографии, выставку закрывают. Казалось бы, просто обнаженная натура, уже тысячи раз все изображалась. Но впервые изобразила женщина.

В этом же году Михаил Ларионов создает общество «Бубновый валет» – стихийно возникший скандал нужно использовать во благо художникам. Работы Гончаровой на этой новой выставке приковывают зрителя. И, конечно, шокируют. Полиция требует убрать с выставки картину Гончаровой «Божество плодородия». Картину, которую можно сравнивать с созданиями самых первых художников в истории человечества! Это ведь, по сути, одна из Венер палеолита в цвете, возвращение к истокам, к детскости искусства. О необходимости дать пощечину общественному вкусу футуристы напишут только через два года. Сама же пощечина прозвенела в декабре 1910 года. Пощечину нанесла обывателю Гончарова.

СЕРГЕЙ ПЯТКОВИЧ НОВОСТИ

Портрет Наталии Николаевны Пушкиной (Гончаровой) на открытии выставки «Прижизненные издания и публикации А.С. Пушкина» в собрании Государственного музея А.С. Пушкина. Москва. 2017 год

РИА НОВОСТИ

ЛЕТО. ВЕСЕЛЬЕ. ПАХОТА

Творческая дерзость избранника Натальи Сергеевны достигает пика в 1912–1913 годах. Это ведь он предлагает художнице участвовать в акции футуристов, марширующих по улицам с раскрашенными лицами. Это ведь он перед крупной выставкой в Художественном салоне на Большой Дмитровке сочиняет Гончаровой фантастическую биографию, изображая ее ученицей Моне, Ренуара, Ван Гога и Гогена. Художнице такой пиар чужд, сама бы она не решилась на такие манипуляции, но она не противится, ведь однажды она уже доверилась Ларионову и не прогадала.

Гончарова и Ларионов как море и река. Она – невозмутимое море, всегда в самой себе. Море ровно и беспредельно, в нем несметные богатства, в нем целая жизнь, полная самых невероятных красок, но все это скрыто, все это еще надо извлечь. А он – горная река: бурливая, шумная и затейливая. У реки – направление, цель, река всегда знает, куда, зачем и как. Река, устремляясь к морю, указывает путь к сокровищам и другим.

Почему рекламные ухищрения Ларионова не задевают Гончарову? Потому что он лучше знает, как надо для нее. А ей нетрудно подчиниться, для нее это все – внешнее. Пройти по улице с ли-

Дизайн задника
к балету
«Жар-птица»

Участники
Русских сезонов
С. Дягилева.
Слева направо:
сидят –
Н. Гончарова
и И. Стравинский;
стоят – Л. Мясин,
М. Ларионов,
Л. Бакст.
Лозанна. 1915 год

цом в розах? Так это ее оболочка идет, а она в себе, в своих морских глубинах. «Десять кинематографов трещат, толпа глядит, а я – сплю», – вспоминала художница. Ну а мистификация? Не оскорбительна ли она для большого художника? Но если время таково, что капризной публике нужны такие крючки и уловки, то что ж... Если для того, чтобы явить миру что-то важное, настоящее и величое, нужно маленькое хулиганство, то... пусть. Если на одной чаше весов

невинная выдумка и детское озорство, а на другой – 761 картина, тринацать лет нечеловеческой пахоты, огромный путь через импрессионизм, примитивизм, кубизм, футуризм, луизизм к своему, к всечеству, то не очевиден ли выбор? И выбор вновь оказывается верным. Наталья Гончарова получает заслуженное признание: работы сваливаются еще больше, а ей, ударнице новой русской живописи, только того и надо. Одна за другой проходят вы-

Тамара Карсавина в роли
Шамаханской царицы.
Балет «Золотой петушок». 1914 год.
Костюм по эскизу Н. Гончаровой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

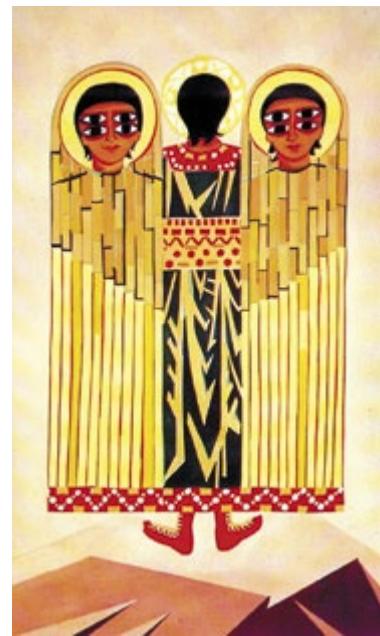
ставки, футуристы наперебой заказывают иллюстрации для своих сборников, выпускается каталог-монография. Предисловие каталога открывается признанием: «Мною пройдено все, что мог дать Запад до настоящего времени, – а также все, что, идя от Запада, создала моя родина. Теперь я отряхаю прах от ног своих и удаляюсь от Запада <...> – к Востоку».

А Восток, в свою очередь, Гончарова несет на Запад. В 1914 году Дягилев приглашает ее в Париж для работы над «Золотым петушком» в качестве scenicografa. Удивительно, но Дягилеву советует взять в работу Гончарову Александр Бенуа, критиковавший ее еще год назад. «Петушок» оказывается золотым во всех смыслах: после премьеры Наталья Сергеевна просыпается уже мировой знаменитостью. В декорациях Гончаровой проявилась не столько восточная пестрота, экзотичная для Европы, тут выплеснулся весь гончаровский подводный мир – скрытое стало явным. Это ведь и есть русскость – широта и глубина при внешней простоте. Успех был грандиозный, он оглушил саму Гончарову. Успех стал новым вызовом. «Представьте себе, что

вам заказывают театральную вещь, – объясняла Гончарова Марине Цветаевой. – Вещь удастся, – не только вам, но и на сцене, – успех, – очередной заказ... Отказываться не приходится, да и каждый заказ, в конце концов, приказ: смоги и это!» Гончарова в своей жадности охватить, успеть все боится застремлять в чем-то одном, к тому же она чувствует: театр – не то. Тянет развернуться еще шире, вгрызться в почву еще глубже, дух требует масштабного замысл

Велосипедист.
1913 год

Н.С. Гончарова.
Конец 1910-х
годов

Эскиз костюма серафима к балету
Л. Мясина «Литургия»

ла, дух метит в вечность. И вот Первая мировая – стихия истории. Гончарова выпускает литографическую серию «Мистические образы войны».

Еще ранние картины художницы наполнены религиозным смыслом, многие могли бы стать иллюстрациями к христианским притчам. Эти ранние работы несут еще детскую радость веры и подвига, в них принятие и приятие, жизнь и труд как праздник. Картины написаны непосредственно, как откровение. Зрителем, для которого религия только трудное смиление, только лишение и скорбь, эти яркие сюжеты не воспринимаются, отторгаются. В 1912 году Гончарова обращается к христианским сюжетам уже явно, без иносказательности. Но демонстрация «Евангелистов» на выставке с названием «Ослиный хвост» не способствует возникновению доверительного диалога между творцом и зрителем.

И вот «Мистические образы». Тут все сошлось по-новому и так, как нужно – единственным возможным способом. И первоначальная – не выдуманная, увы, страшно-реальная, и форма – не свойственная для Гончаровой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

литография, отсутствие цвета. В сцепке с новым, не искусственным вызовом и новой формой старое обращение к христианству, не ортодоксальному, но народному, дает удивительный, поистине мистический эффект. «Мистические образы войны» – это не «агитационные работы патриотического содержания», это пророчество, новый Апокалипсис. Это даже уже не Гончарова, а то, что через нее прошло. Ведь «Град обреченный» – это весь жестокий XX век, еще только предсказанный.

Есть в этой работе и пророчество собственной судьбы – прощание с родиной. Последняя прижизненная выставка Натальи Гончаровой в России проходит в 1915 году. После она вновь уезжает по приглашению Дягилева в Париж. Думала на время, вышло – навсегда.

ОСЕНЬ. ПОСЛЕ РОССИИ

После очередного отъезда Гончарова и Ларионов живут в Швейцарии, потом – в Париже, затем – в Испании, первую половину бушующего 1917-го – в Риме. Путешествуя, проводят выставки, оформляют спектакли. На излете рокового 1917-го, когда понимают, что вернуться в Россию не получится, они снова в Париже. Они снимают квартиру на улице Жака Калло, обедают тут же, в кафе

Эскиз декорации
к спектаклю

«Золотой
петушок»

Архистратиг
Михаил.

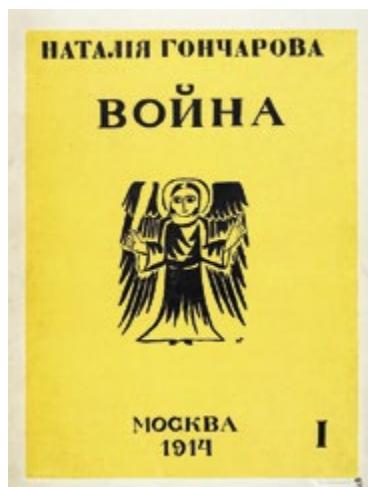
Лист из альбома
литографий
«Война
(Мистические
образы войны)»
(М., 1914)

«Палитра», много работают. Тоскуют по родине.

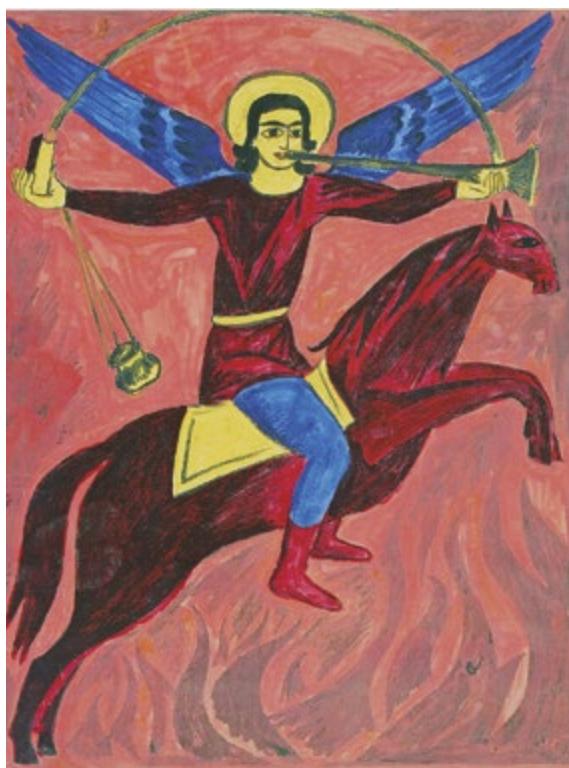
Еще в феврале 1917 года в письме поэту Сергею Боброву Наталья Гончарова пишет, что понимает китайцев, которые «зашивают, уезжая из дома, горсть земли в подошвы туфель, чтобы всегда ходить по своей земле». Впоследствии тоска только усиливается. Оба борются со своим сиротством как умеют. У Ларионова – роман с

выпускницей Сорбонны Александрой Томилиной. У Гончаровой – нежная дружба с эмигрантом-меньшевиком Орестом Розенфельдом. Никто никого не ревнует, иногда все четверо даже вместе прогуливаются. Впрочем, это – только внешняя сторона жизни.

В Наталье Гончаровой опять зреет новое. Во время путешествий по Европе только одно место по-настоящему очаровало ее, показалось близким, почти родным – Испания. То была большая командировка во время гастролей Русских сезонов. «Мы посетили Бургас, Севилью, Авилю, Мадрид, – вспоминала позже Гончарова. – Смотрели испанские танцы в маленьких театрах, скорее,очных кабачках, где танцевали местные танцовщики и звучала гитара. Хотя некоторые па были рискованны, а публика очень экспансивна, но серьезность, уважение к артисту и его искусству, к женщине царили в зале». Вот это уважение к искусству при внешней легкости, неявность, многослойность и подкупили художницу. Гончарова постоянно фиксирует в блокноте сцены, фигуры и лица. На время замысел в этих зарисовках застывает: пока переезды, пока неустроенность, пока нет хорошей мастерской – не до воплощения.

Обложка альбома литографий
«Война (Мистические образы войны)»
(М., 1914)

В начале 1920-х годов в Париже Наталья Сергеевна получает мастерскую и заказ на оформление особняка знаменитого музыканта и дирижера Сергея Кусевицкого. Вот для него-то она и пишет огромное панно «Испанки». А потом уже для себя. Еще и еще. И они, испанки, ошеломляют. Казалось бы, вот есть Гончарова со своими желто-синими полотнами, на которых гимн цветению, плодородию, жатве – конечно же, кому, как не ей, писать испанок яркими, гвоздично-апельсиновыми, в размашистых движениях, в танце, с летящими юбками! Но она пишет совсем других испанок. Она пишет совсем не так, как писала раньше.

Теперь много серебристо-голубого, плавных переходов, появляется внезапный черный, из старых приемов – сильно вытянутые вертикально холсты. Все вместе передает вдруг грустную нежность и вместе с тем строгую торжественность. Когда в 1924 году политики «Испанки» предстал перед зрителем на выставке, один из газетных рецензентов воскликнул: «Да это же не женщины, это – соборы!» Так и есть. Настоящая готика: и чинность, и воздушность, и устремленность ввысь, и стрельчатость, и кружевность... и умиротворенность. У Гончаровой, за что она ни возьмется, во всем гармония: и в буйстве цвета, и в его сдержанности,

Лес. Красно-зеленое.
1914 год

и в ломанных линиях, пересечении плоскостей, и в плавной грации. Сегодня ее сравнивают иногда с Фридой Кало, у той тоже – цвет, цветы и травы, юбки, яркая, грубая, но прекрасная жизнь, но у нее еще и почти во всем – надломленность, часто катастрофа или предзнаменование ее, хоть во взгляде, хоть в жесте. А сравнивать-то нельзя. Гончарова – раньше, Гончарова – больше, Гончарова – полнее, и... как ни разнообразно ее наследие, она вне драмы и катастрофы. По-настоящему страшное у нее – только в надчеловеческом, вышнем, да и там... В «Граде обреченном» бомбы на дома обрушают ангелы. А это что-то да значит.

Гончарова – воплощенная гармония. Гармония даже в малом. Малость есть человечность, а Гончарова еще и женщина со своими слабостями и капризами. Она может позволить себе увлеченно работать и на модные дома. Еще в России Наталья Гончарова сотрудничала с Домом моды Надежды Ламановой (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2017 год, статья «Королева иглы и нитки». – Прим. ред.). В Париже с 1924 года Гончарова создает эскизы для знаменитых домов Muybog, Marie Muelle и Chanel, работает над коллекциями вместе с Пабло Пикассо и Фернаном Леже. Гончарова привносит в коллекцию экзотичные восточные мотивы, свою собственную, ни на что не похожую русскость.

И в том же, 1924-м – вот противоречие! – Наталья Гончарова издевается над буржуа. Пишет знаменитый «Завтрак». Тихая семейственность, бюргерство, довольство жизнью здесь выглядят, без сомнения, карикатурными. Но гармония не нарушается. Да, Гончарова верна себе и здесь, и там. Она переживает непростое время. Посетившая ее в 1924 году художница Валентина Ходасевич отмечает в Гончаровой задумчивость, сдержанную грусть, даже холодность. А во вторую встречу Гончарова вообще грубо попросила Ходасевич не говорить о том, что их когда-то объединяло, а теперь

Михаил
Ларионов
и Наталья
Гончарова
в Париже.
1930-е годы

разделяет. Гончарову съедает все та же тоска по родине. И, по всей видимости, усиливающаяся природная интроверсия. «Мне всегда немного тяжело с чужими или мало знакомыми людьми». «Я малообщительное существо», – признается она в письмах Розенфельду. Лечится художница единственным верным способом – работой.

В эти же годы Гончарова занимается книжной иллюстрацией, продолжает в качестве ведущего художника антрепризы сотрудничать с Дягилевым, вплоть до его смерти в 1929 году, преподает, дает уроки рисования дочери Марине Цветаевой – Ариадне Эфрон. Преподавание Гончаровой тоже интересный момент. Она ведь не теоретик, у нее нет концепции, все, чему может она научить другого, – это познанию себя через труд. «Все проходит, – говорила она ученикам, – любовь, дружба... Только труд остается». Сама она трудится в это время не меньше, чем в любое другое: она увлеченно и много пишет свое, для себя, для всех – новое.

Гончарова и сама – опять новая: ее вдруг влечет к природе, к форме самой по себе, к природе такой, какая есть, к тому, что Ларионов, дискутируя с ней, называет живописью-списыванием. Гончарова все равно пробует. «Живопись-списывание просто с природы ни к чему и только годится как средство изучения, – объясняет она позже. – Но ведь точной копии и не бывает. Ясно одно, нужна форма». И вот Гончарова пишет медленно, подолгу дорабатывает картины, возвращается почти к академизму, но потом... опять разворачивается, экспериментирует, пробует себя в сюрреализме, возвращается, чтоб на конец рас прощаться, к кубизму, соединяет плоскостную живопись с неореализмом.

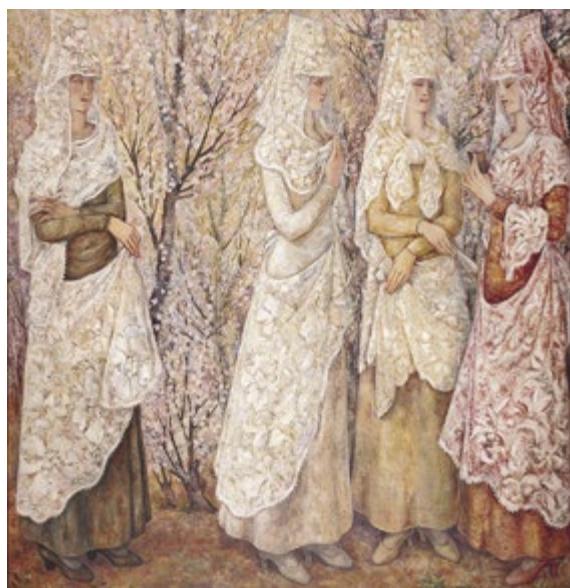
Внешним итогом этого десятилетия становится персональная выставка 1931 года. Внутреннего итога нет, Гончарова находится в состоянии беспрерывного поиска. Разве что, быть может,

Эскиз
вечернего платья
«Анютины
глазки».
1925 год

Весна.
Белые испанки.
1932 год

1932 год. «Весна. Белые испанки» если не итог, не точка, то яркий восклицательный знак. Тут все: и отход от первых испанок, и их художественное обобщение, эпилог, и форма и текучесть, и цвет, и отказ от него, и реализм, и сюрреализм, и импрессионизм, и земная жизнь, и небо, и весна и уже угадывающаяся в ней осень, и даже совсем несвойственная Гончаровой зима (все запорошено белым), и религиозный подтекст.

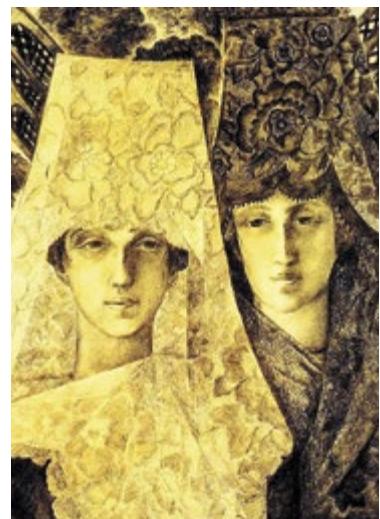
ЗИМА. ИТОГ ЖИЗНИ

В 1930-е интерес к русскому искусству на Западе снижается. И вообще к искусству. Настаивают тревожные времена. Но Гончарова, кажется, до последнего не замечает перемен, она с прежним старанием работает над редкими заказами, много работает в себя и для себя. Да, живут они с Ларионовым трудно – но когда она обращала внимание на быт? Даже в 1938-м, когда катастрофа в Европе делается зримой и осозаемой, художники оформляют французское гражданство, кажется, больше потому, что их уговаривают друзья.

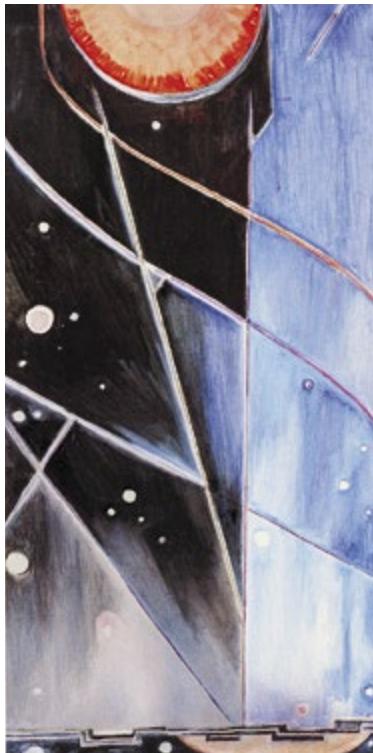
Во время войны неприспособленные к быту художники живут на грани нищеты. Их буквально спасает влюбленная в Ларионова Александра Томилина – она добывает еду, убирает, стирает. Друг Натальи Сергеевны, Орест Розенфельд, творческой семье помочь не в силах, его отправили в концлагерь. Гончарова бросается на выручку, доказывая фашистским властям, что Розенфельд не еврей, так как его отец в России был генералом. Розенфельд выжил, но находился в концлагере Любек до 1945 года.

Творчество в этот период почти

замирает. Нет холстов. Нет повода для радости, не с чего писать гармонию. Но даже в этой жуткой действительности Гончарова

Испанки. Около 1916 года

Космос. 1958 год. Это одна из последних картин художницы

рова вырывает, выгрызает возможность для работы: пишет на картонках, некоторые размечтом с ладонь... И пишет цветы, натюрморты, абстракции. После войны в Европу возвращается культурная жизнь: выставки, спектакли, концерты. Само собой Гончарова рада при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

годиться везде: заказы множатся один за другим, она не успевает писать. А пишет в это время она вновь серию натюрмортов, увлекается беспредметностью, возвращается к лучизму. Гончарова почти не пишет зиму. Зима – это сон, беспамятство природы, вынужденная праздность. Зиму художница-созидательница игнорирует так же, как отрицает бездея-

Наталья
Гончарова
и Михаил
Ларионов.
1956 год

Евангелисты.
Тетраптих.
1911 год

тельность. Но жизнь человека, как жизнь всего в природе, неминуемо ведет к закату. В середине 50-х Наталья Сергеевна слабеет, выходив разбитого параличом Ларионова, сдает сама, ее мучает ревматизм.

В 1956 году слабеющая Наталья Гончарова официально заключает брак с Михаилом Ларионовым. Все люди как люди скрепляют свои союзы одной только верой в будущее, авансом, оплачивая любовь в кредит, а эти двое браком подвели итог жизни, зафиксировали данность. «Как встретились, так и не расставались», – говорила Гончарова про их с Ларионовым союз. Зачем же штамп? Для того, чтобы, когда уйдет один, другой смог распорядиться общим наследством. Наследство – картины, многочленного картин, старых и совсем новых.

В 1957 году, когда каждое движение Наталье Сергеевне дается с трудом, она начинает свой космический цикл – отклик на запуск спутника Советским Союзом. В сентябре того года Гончарова являет миру 50 новых полотен! Она мечтает, чтобы эти картины увидели на родине. В России как раз «оттепель», появляется надежда. Художники, охваченные прозрачной мыслью воссоединения с Россией, живут более чем скромно, почти ничего не проходят, берегут, но не успевают ничего предпринять.

Наталья Гончарова умерла в Париже 17 октября 1962 года. Похоронена на кладбище Иври-сюр-Сен. Михаил Ларионов пережил ее менее чем на два года. В 1966 году в Россию благодаря усилиям Александры Томилиной возвращаются первые работы Гончаровой. Символично, что первыми из вернувшихся работ стали «Евангелисты», за которых на Наталью Гончарову нападали до ее отъезда. В 1988–1989 годах Советскому Союзу были переданы другие картины художников, большая часть их творческого наследия.

МЕЧТА
ОБ ИДЕАЛЬНОМ
САДЕ

АВТОР

ВИКТОР ГАВРИКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПРОСПЕКТ МИРА – ОДНА ИЗ САМЫХ ОЖИВЛЕННЫХ МАГИСТРАЛЕЙ МОСКВЫ. ЗДЕСЬ И ВЫСОЧЕННЫЕ ТОРГОВО-ОФИСНЫЕ ЗДАНИЯ, И ОСОБНЯКИ ИЗ ПРОШЛЫХ ВЕКОВ, НАПОЛНЕННЫЕ НОВОЙ ЖИЗНЬЮ. БЛИЖЕ К МЕТРО – ХРАМ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛИППА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО, ВЫШЕ – МОСКОВСКАЯ СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ. МЕЖДУ НИМИ – СПОРТКОМПЛЕКС «ОЛИМПИЙСКИЙ», КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ КВАРТАЛ, КОТОРЫЙ ПО ГРОХОЛЬСКОМУ ПЕРЕУЛКУ СОСЕДСТВУЕТ С МЕСТОМ ЛЮБИТЕЛЕЙ УЕДИНЕНИЯ – АПТЕКАРСКИМ ОГОРОДОМ БОТАНИЧЕСКОГО САДА МГУ.

И

ДТИ К АПТЕКАРСКОму огороду просто, а вот найти его – сложно. На станции лучшего в мире московского метро, «Проспект Мира», – указатель. Потом мимо художника, который летом и зимой торгует милыми акварельками, мимо Музея Серебряного века в коттедже Валерия Брюсова, в ко-

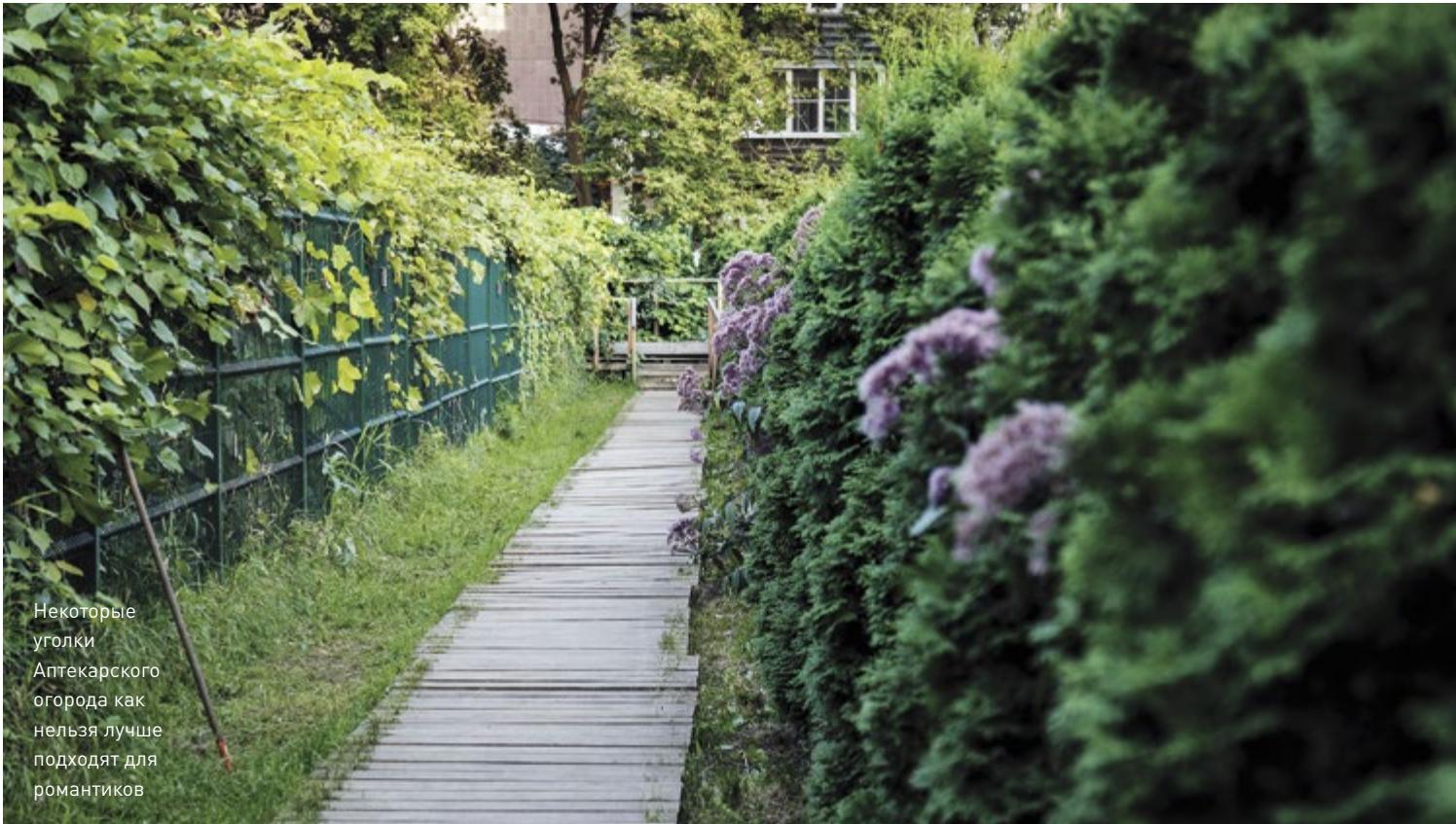
тором поэт провел последние четырнадцать лет своей жизни. Далее – параллельно проспекту, ориентируясь на старую, красного кирпича стену, поросшую мхом. Стена внезапно заканчивается, спрятавшись за современное здание, обитое зеленой рейкой. В глубине за ним – типичная московская фуд-зона со смузи,

чизкейками и всевозможными вариациями на тему кофе, которые ест и пьет московский и приезжий люд. Отсюда начинается удивительное путешествие в прошлое.

«Обалдеть, здесь еще и рыбы плавают!» – восторженно восклицает девушка лет 16, кавалер которой готовится к селфи. Это типичная реакция тех, кто еще не был в Аптекарском огороде: Москва, центр, асфальт, машины и гарь, а тут – пруд, куб с золотыми рыбками и шмели, до последних осенних дней собирающие нектар с местного разнотравья. Невесты и женихи, веселые свидетели. А также фотографы и видеооператоры, полюбившие местную фактуру за неповторимый колорит вечного увядания природы, на которой выигрышно смотрятся молодожены. И, конечно, много цветов и трав, наполняющих воздух чудесными ароматами. И вот что еще интересно: здесь очень тихо. Хотя, казалось бы, всего в нескольких метрах шумит стремительная Москва.

Гортензии
Аптекарского
города
наполняют
воздух
чудесными
ароматами

Некоторые
уголки
Аптекарского
огорода как
нельзя лучше
подходят для
романтиков

ЕГО ЦВЕТОЧНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

Пока мы любовались огромным кубом-аквариумом с золотыми рыбками, к нам параллельными курсами приближались директор Аптекарского огорода Алексей Ретеюм и вальяжный черный котяра с белым «галстуком» и аккуратными белыми «носочками».

Алексей Ретеюм вот уже 27 лет возглавляет Аптекарский огород Ботанического сада МГУ. А кот – просто Его цветочное величество – именно так и никак иначе просил называть его сам директор. Вообще-то здесь несколько котов и кошек, но этот – самый старший. Все коты находятся под постоянной опекой сотрудников огорода. В период пандемии, например, за рацион их питания отвечал ландшафтный архитектор сада Артем Паршин. Кстати, по словам директора, из-за карантина Аптекарский огород потерял значительную часть средств, которые обычно идут на закупку редких растений и поощрение сотрудников.

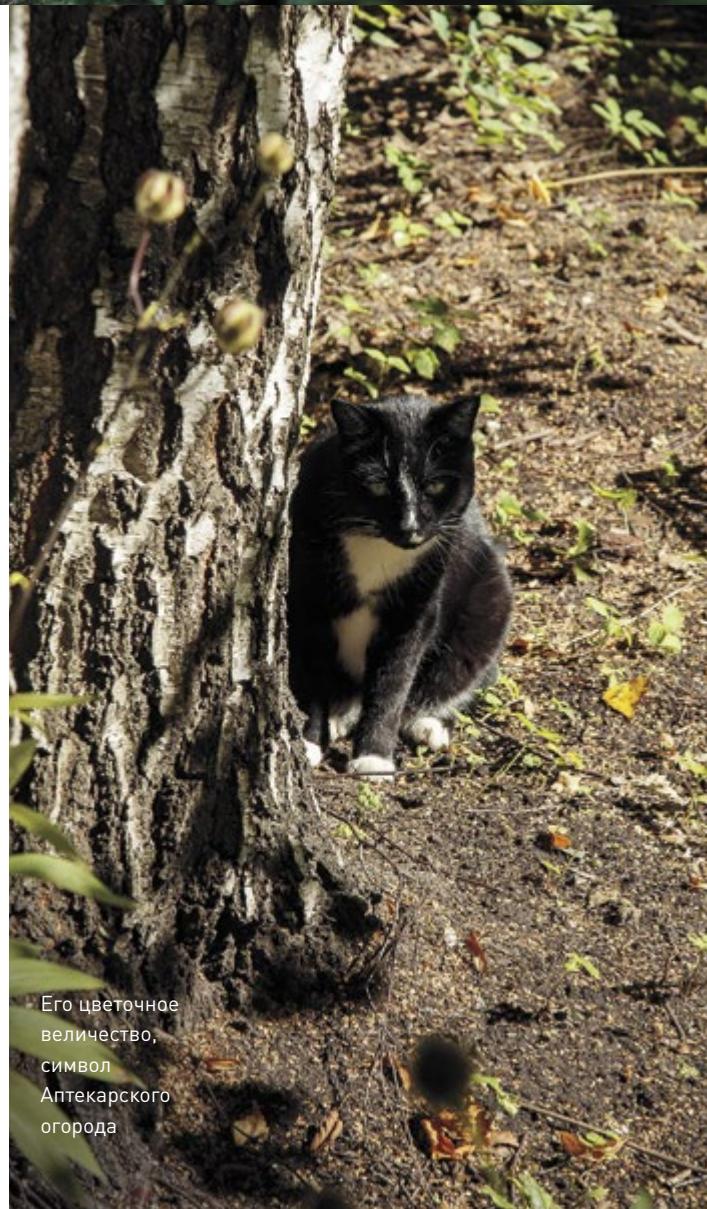
Есть у Его цветочного величества привилегия: во все кофейни и рестораны, окружающие огород, коту разрешен вход. Вот он и спит то в огороде, а то на мягкой подушечке в кафе – побли-

Алексей Ретеюм называет
Аптекарский огород островом
будущего

же к теплу. Особенно полюбились коту заведения восточной кухни и касса Аптечного огорода, где для него всегда припасены уютная коробка и лакомства. В благодарность за заботу кот периодически пугает кассирш, принося им мышек.

Про происхождение местных котов ходит легенда, что они – потомки аптекарских котов Петра I, основавшего огород в 1706 году. Кстати, это вполне возможно, ведь уже три столетия здесь выращивают валериану. Это одна из самых древних культур, кото-

Его цветочное
величество,
символ
Аптекарского
огорода

Этот дуб
в 1805 году
посадил
директор
Ботанического
сада Георг
Франц Гофман

рая буквально притягивает в Аптекарский огород всех окрестных котов и кошек. На страничке огорода в Instagram пост об этом каждый год набирает рекордное количество лайков. Не знаю, пах ли валерианой наш редакционный фотограф, но Его цветочное величество как приkleенный ходил за ним по тропинкам.

Скульптура
джек-рассел-
терьера Ричи –
собаки Алексея
Ретеюма

В апреле 2016 года случилась беда: черный кот пропал. Сотрудники сутки искали зверя, сбились с ног. На следующий день нашелся: жительница одного из соседних домов увидела, что по Грохольскому переулку гуляет красивый котяра. «Ничей!» – подумала она и забрала его домой. А узнав о переполохе, вернула кота, получив взамен годовой абонемент на посещение Аптекарского огорода.

Сотрудники огорода так разбаловали своих пушистых любимцев, что со смехом рассказывают, как вместо котов сами ловили крысу, уничтожавшую орхидеи. И тут же добавляют, что у их обожаемых лентяев губа не дура: именно они умудрились съесть первый урожай бананов, который был выращен в огороде!

СТАРЕЙШЕЕ ДЕРЕВО

Тенистые аллеи огорода неизменно приведут к огромной сибирской лиственнице, которую надежно поддерживает десятиметровая опора. По легенде, лиственницу собственноручно посадил Петр I. Он очень любил именно этот сорт деревьев за устойчивость к гниению: из нее строились фундаменты домов не только в Санкт-Петербурге, но и в Венеции.

В начале XX века в лиственницу попала молния, сильно повредив дерево. Одна его половина погибла, вторая жива до сих пор. На ее ветвях находят себе приют не только голуби и вороны. Но и сойки, зяблики, синицы и дрозды-рябинники. А всего в Аптекарском живут 52 вида птиц и растет около 5,5 тысячи сортов, видов и форм растений. 3,6 тысячи из них – в оранжереях. Как заметил ландшафтный архитектор Аптекарского огорода Артем Паршин, от времени гиганта спасает та самая десятиметровая опора, украшенная деревянной головой человека.

«Это единственное дерево, сохранившееся в нашем саду с петровских времен, – рассказывает Алексей Ретеюм. – Хотя на территории есть еще несколько переживших века». Например, ива белая. Считается, что она постарше сибирской лиственницы Петра I будет. И, наконец, самое фотографируемое дерево огорода – дуб черешчатый, который в 1805 году посадил директор Ботанического сада Георг Франц Гофман. Около него – скульптура джек-рассел-терьера Ричи – собаки нынешнего директора. А по лужайке, вокруг дуба и собаки, ползают раскрашенные под боязливых коровок роботы-газонокосилки. Они сами решают, когда стричь и когда заряжаться энергией в собственной «ракушке». Таков он, огород – исторический и современный.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРЯДКИ

Москва так стремительно меняется, что трудно поверить – когда-то это был город, утопающий в зелени парков и садов. «Чудесное смешение зелени с домами, цветущих садов с высокими замками древних бояр, чудесная противоположность видов городских с сельскими видами» – так описывал Москву в 1812 году Константин Николаевич Батюшков в своей «Прогулке по Москве».

Действительно, в отличие от западноевропейских городов с тесно поставленными каменными домами и собором внутри крепостных стен, русский город многие века был как бы «сельским городом». При каждой усадьбе – огорода, сады, пруды, иногда небольшие поля. Москва не являлась исключением.

На левом берегу реки, напротив Кремля, много лет находились фруктовые сады, а Сокольники и Лосинный Остров были охотничими угодьями. На террасах Большого Кремлевского дворца и крышах боярских теремов располагались «висячие сады». В них выращивали в основном цветы.

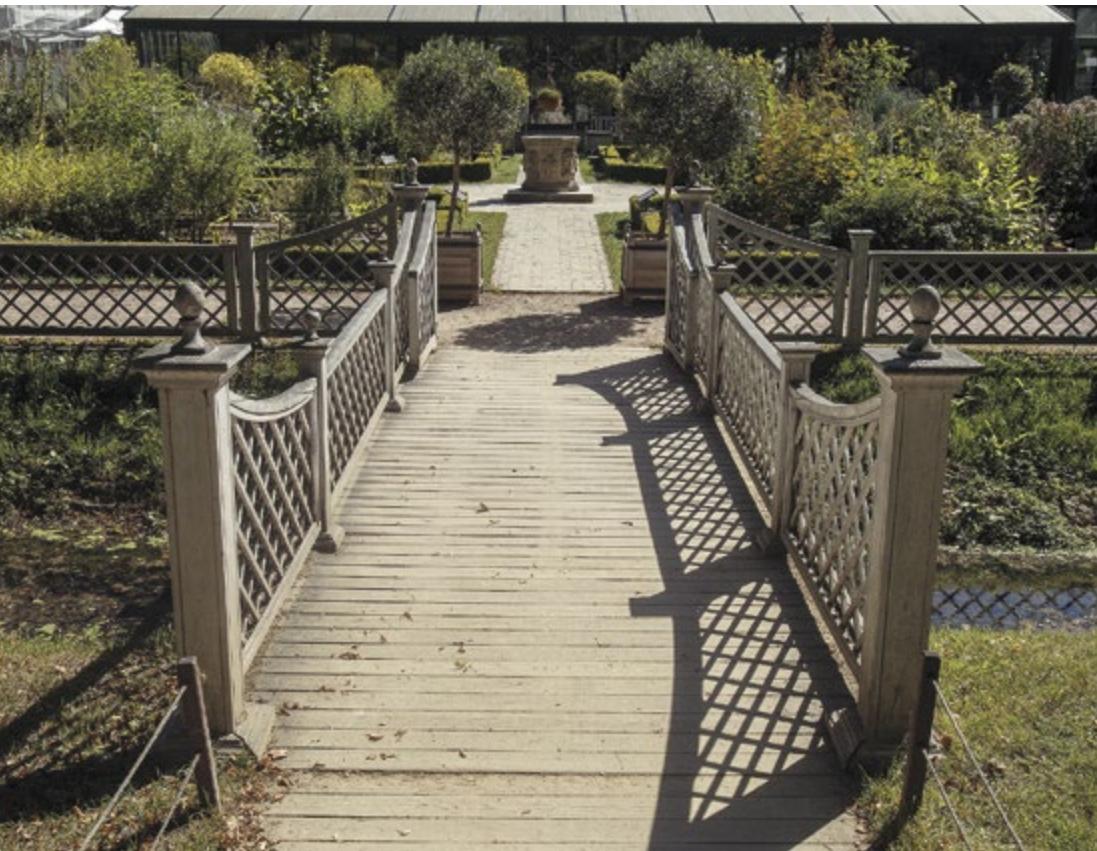
Первые аптекарские огорода были посажены у Каменного моста, Мясницких ворот и в Немецкой слободе. Нынешний, Аптекарский, был устроен в 1706 году по указу Петра I за Сухаревой башней. Но возможное наступление шведов на Москву заставило перенести его в Мещанскую слободу, где огород находится и сейчас. Место выбрал сам Петр: высокое, ровное, вблизи прудов. А вот обустройство на за-

падный манер было поручено первому директору сада, доктору медицины из Лейпцигского университета Траутготту Герберу. При Екатерине II директором сада стал Фридрих Стефан. Оба они много сделали для развития российской ботаники и садово-паркового искусства. А опыт работы в России позволил Стефану создать книги «Список растений Московской губернии» и «Изображения растений к нему»,

Старый пруд заложил Петр I, а перестроила Екатерина II. Таким он и остался до сих пор

Грядки огорода помнят учеников Медико-хирургической академии с конца XVIII века

На этом мостике любят фотографироваться молодожены

Аптекарский огород – идеальное место для душевных фото

которые сейчас являются библиографической редкостью. Грядки огорода помнят первых учеников Медико-хирургической академии и слушателей Московской медицинской школы, которые с конца XVIII века изучали здесь ботанику, а в лабораториях при огороде – фармацевтику.

Собственностью Московского университета Аптекарский огород стал 1 апреля 1805 года. Университет заплатил огромные по

тем временам деньги – 11 тысяч рублей серебром. Сделку одобрил сам Александр I. Инициатором ее был попечитель Московского университета сенатор Михаил Никитич Мурavyev. Цель была сформулирована четко: переориентировать эту, как бы сейчас сказали, площадку с выращивания лекарственных растений на сбор ботанических редкостей и работу над их сохранением. Тогда же директором Аптекарского

огорода был назначен молодой профессор Гёттингенского университета Георг Франц Гофман. Со временем он стал Георгом Францевичем и до конца своих дней жил в Москве. Поскольку нашел условия для занятий наукой в Московском университете самыми лучшими для себя. В 1805 году он посадил дуб, которым до сих пор восхищаются посетители Аптекарского огорода...

После того как Наполеон покинул Москву, большая часть оранжерей Аптекарского огорода была разрушена, в огне сгорели уникальные коллекции Гофмана. «Пожар истребил большую часть Москвы, но не меньший ущерб причинили французские мародеры. Ни один стул, скамья, ни один инструмент не оставлены при разорении сада неприятелем», – писал несчастный директор. Гофман вернулся в Москву в 1814 году и до своей смерти в 1826-м занимался восстановлением Аптекарского огорода.

Еще одним легендарным директором огорода был ботаник Константин Игнатьевич Мейер, работавший в Ботаническом саду МГУ с 1911 года. Аптекарским огородом он руководил с 1940 по 1948 год. В своих воспоминаниях он писал: «Угроза замерзания не раз нависала над оранжереями. К весне 1920 года все заборы, окружавшие Ботанический сад, оказались разобранными окрестными жителями, и сад превратился в проходной двор. <...> Большинство культур было уничтожено, и в голодное время на их месте разводили овощи. Деревянные перекрытия оранжерей быстро сгнили и провалились, стекла вывалились, и их стали расхищать местные жители». В годы Великой Отечественной войны ему удалось сохранить коллекционные фонды сада, хотя большая часть сотрудников ушла на фронт. Оставшиеся днем ухаживали за растениями, а ночью боролись с «зажигалками».

СТУЛ УИЛКИ

С началом перестройки и в 1990-е годы Аптекарский огород оказался на грани закрытия. Сад был запущен, выглядел заброшенным. Оранжереи и лабораторный корпус требовали срочного ремонта. Директор – профессор МГУ Вадим Николаевич Тихомиров – стучался во все двери, но безуспешно.

«Господи, какое тогда было здесь захолустье! Разрушающиеся оранжереи, скромные коллекции растений, скучная экскурсия», – вспоминает Алексей Ретеюм. – После этого я долго не мог приходить сюда. Но все-таки через несколько лет пришел к тогдашнему его директору, Вадиму Николаевичу Тихомирову, с идеей организовать здесь что-то вроде клуба любителей бонсай. Он предложение поддержал.

Мы стоим у центрального входа на территорию огорода – у пруда с золотыми рыбками. Сейчас пруд окружает цветущие мимоносы и ухоженные деревья. Когда-то на этом месте стоял знаменитый директорский дом, снесенный в 1960 году. Здесь с 1820 по 1917 год жили все директора и главные садовники Аптекарского огорода. Директору полагалась девятикомнатная квартира

с видом на Мещанскую слободу, главным садовникам – с видом на сад. Из всей этой застройки остался только дом Брюсова.

Здесь же, у пруда, ставил свой стул знаменитый ландшафтный архитектор Ким Уилки, известный работами над пространством садов перед Музеем Виктории и Альберта и другими ставшими хрестоматийными работами. «Он здесь сидел часами в поисках вдохновения и утверждал, что место должно само вдохновить его на действия, – рассказывает Алексей Ретеюм. – Уилки так и говорил: «Нужно найти сердце участка и постараться почувствовать дух этого места – тогда, возможно, он подскажет единственно верное решение».

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Возрождение сада, переименование и последующее возвращение ему исторического названия «Аптекарский огород» началось в 1996 году, когда директором стал 25-летний кандидат биологических наук Алексей Ретеюм. В 2000–2002 годах был реконструирован корпус, в котором и сейчас располагаются администрация и уникальная научная библиотека, равной которой, по признанию Ретеюма, в России нет.

«Мне стало жалко сад, и мы с моим другом Артемом Паршиным, нынешним ландшафтным архитектором огорода, написали программу возрождения. Понапачалу было очень тяжело: ни спе-

территория
огорода утопает
в цветах.
Особенно
во время
весеннего
и осеннего
цветочных
фестивалей

В Суккулентной
оранжерее около
3 тысяч растений
из разных стран
и континентов

Художники
и фотографы
любят работать
в Суккулентной
оранжерее

Про таких,
как Алексей
Корнейчук,
говорят:
«Зеленые
руки!»

циалистов, ни денег, ни умений. Одни идеи». Ретеюм начал с поиска специалистов. Оказалось, что даже специальности «ландшафтный дизайнер» в стране нет. Так в огороде появился ландшафт-

ный архитектор Ким Уилки, затем – первый со времен Екатерины II – английский садовник Харви Стивенс. А Артем Паршин отправился учиться в Эдинбургский университет на ландшафтного архитектора.

В итоге Алексей Ретеюм понял, что нужно искать не только дипломированных специалистов, но еще и энтузиастов. «Про таких садовников мы говорим, что у них «зеленые руки». Когда чувствуется, что у него полный контакт с растением, и, что бы он ни посадил, все приживается и растет. Это скорее чутье, чем наука. Можно получить много образований, но не найти контакта с растением. А можно с нулевым образованием разбираться в них, знать, как за ними ухаживать. Экспериментировать и как-то чувствовать их. И таких людей очень много», – считает Алексей Ретеюм. Один из таких самородков – садовник Алексей Корнейчук. Он работает в Суккулентной оранжерее, насчитывающей тысячи растений. Раньше он был механиком. Но с детства Алексей Корнейчук собирал кактусы. Приходил в Аптекарский огород сначала посетителем, потом волонтером. И вот уже пять лет работает садовником. И таких, как он, здесь немало.

ПОЧЕМУ РАЗЛЕТАЮТСЯ СУККУЛЕНТЫ?

В Суккулентной оранжерее около 3 тысяч растений из разных стран и континентов. Есть коллекции, приобретенные меценатами. Например, одну из них подарила актриса и гастроном Юлия Высоцкая. Есть и растения, которые присылают по почте, потому что не могут за ними больше ухаживать. Вот и теперь в служебном помещении стоит несколько коробок с кактусами, которые пришли в Москву с Дальнего Востока. Здесь любят проводить фотосессии новобрачные. Но не всегда понимают, что работают в хрупкой и ранимой среде. Садовники рассказывают, что иногда жених начинает так кружить невесту, что растения разлетаются в разные стороны.

А экспонаты очень интересные! Например, эхинопсереусы и опунции, которые прекрасно переносят зиму. Они вместе еще с несколькими видами морозоустойчивых кактусов круглогодично живут на открытой веранде оранжереи и в солнечные дни служат моделями для многочисленных учащихся художественных студий, которые приходят сюда рисовать кактусы. Стойками они рассаживаются прямо на

полу – с мольбертами, пастелью и акварелями.

Вместе с садовником мы поднялись на балкон технического помещения. С высоты нескольких метров хорошо видно, как из-под новых конструкций оранжереи кое-где проступают очертания прежних строений. Это именно то, чего добивался Ретилюм: сочетание старых и новых элементов, которые придают саду милую архаичность и незавершенность. «Здесь невероятно сложно все переплетено: каждый элемент, даже новый бассейн, построенный в 2000-х годах, не лишен исторической структуры и построен в габаритах оранжереи, которая была разобрана еще в XIX веке. Поэтому его история связана с историей этого места», – уточнил директор.

Удивительные суккуленты

КАКАО, ВИКТОРИЯ КРУСА И НАША ГРУНЯ

Площадь Аптекарского огорода всего около 7 гектаров. Экспозиции открытого грунта занимают около 5 гектаров, а площадь оранжерей вместе с производственными теплицами составляет около 1250 квадратных метров.

В XVII столетии нынешний Аптекарский огород был разрезан широкими прямыми аллеями на отдельные части. Одна

из аллей, около центрального входа, до сих пор радует посетителей спокойным шумом огромных лип. Молодые мамы любят гулять здесь с колясочками, а бабушки – посидеть на скамееках. При Петре I в этом месте выкопали прямоугольный пруд. А вот таким, какой он есть сейчас, его сделала Екатерина II. При ней же появились первые перголы, увитые виноградом. Сад стал загадочнее и романтичнее. Тогда же,

Среди растений тоже есть хищники. Все они собраны в этой экспозиции

Дерево какао чувствует себя комфортно и исправно плодоносит

Тропические кувшинки Виктория Круса действительно выдерживают до 35 килограммов веса

в XVIII веке, появились и оранжереи. На месте одной из них, скрытой, очевидно, в XIX веке, сейчас у входа расположен бассейн. Выяснилось это при подготовке к строительству фонтана, когда из земли показалась целая оранжерейная стена, говорит Алексей Ретеюм.

В середине 2000-х Суккулентная, Пальмовая и коллекционные оранжереи были объединены в один теплый корпус. И теперь даже в лютые морозы

переходить от коллекции к коллекции стало гораздо удобнее и комфортнее. А посмотреть есть что: в Пальмовой оранжерее много старинных пальм. Есть, например, саговник, который в 1806 году подарил страстный любитель ботаники граф Алексей Кириллович Разумовский. Когда в 1805 году Московский университет купил Аптекарский огород, он из своего частного ботанического сада в подмосковных Горенках вы-

брал в подарок несколько растений, в том числе и этот саговник. Есть здесь и цератония, небольшое растение, вес семени которого стал эталоном для ювелиров – каратом. Есть в коллекции Аптекарского огорода единственное в России бразильское вечнозеленое дерево Теофраста царственная. Есть суккуленты и орхидеи, которых, кроме как в Аптекарском огороде, нигде в России больше не увидишь.

В соседней оранжерее – знаменитый бассейн с цветущими тропическими кувшинками Виктория Круса. Их огромные листья, похожие на зеленые блюда, спокойно лежат на зеркальной поверхности бассейна. Они действительно выдерживают до 35 килограммов веса, при условии, что он будет равномерно распределен по поверхности листа. Есть несколько эффектных фотографий, на которых запечатлен ребенок, стоящий на листе Виктории Круса. Но вообще-то не все так просто: для придания листу устойчивости перед съемкой под него подкладывается лист фанеры.

А еще здесь есть цербера, какао, которое регулярно плодоносит,

и другие интересные тропические растения.

На открытых площадках тоже есть на что посмотреть: собственно, сам аптекарский огород с лекарственными растениями. Например, Сад лекарственных трав с итальянским колодцем дивной красоты. Альпийская горка. Вересковая горка. Или Фермерские грядки, на которых созревает урожай деревенских овощей. У городских детей есть возможность посмотреть, как растут кукуруза, огурцы, помидоры, цукини. А дальше – Сад медоносов. И новшество – компостный двор с «отелем» для насекомых-хищников. Сюда будут доставлять растительные отходы из сада, где их измельчат и перерабатывают. Как пояснил Алексей Ретеюм, огород никогда не вывозит растительные остатки за пределы сада, предпочитая перерабатывать все на месте. Потом мульча используется для устройства садовых дорожек, ил из пруда становится компостом. В переработанную массу и заселят насекомых-хищников: божью коровку, златоглазку, клопов, которые позволяют поддерживать экологический баланс в саду и

не давать размножаться вредным насекомым. Вместительность «отеля» поражает – более тысячи убежищ.

Два раза в год огород проводит весенний и осенний фестивали цветов. В этом году пандемия оставила любителей цветов без созерцания ковра из первоцветов и тюльпанов. А вот осенний фестиваль хризантем состоялся. Так же, как и ежегодная церемония выбора самой тяжелой тыквы. В этом

году победила красавица из под Луховиц весом 401 килограмм. Ей дали имя Аграфена Федотовна Дусева-Гусева, или попросту Груня. Хозяин рекордсменки – дачник Андрей Гусев. До 1 ноября она будет красоваться в Аптекарском огороде, а потом из нее сварят кашу, которой накормят посетителей. К слову, до мирового рекорда она сильно недотягивает. Он принадлежит «малютке» из Бельгии – 1,3 тонны.

Самая тяжелая тыква – Груня из-под Луховиц. Ее вес – 401 килограмм

Сочетание старых и новых элементов придает саду милую архаичность и незавершенность

Многие из нынешних сотрудников Аптекарского огорода – вчерашние волонтеры

Новшество Аптекарского огорода – компостный двор с «отелем» для насекомых

И БУДЕТ ГОРОД-САД

«Моя бабушка, Галина Алексеевна Ретеюм, окончила кафедру геоботаники биологического факультета МГУ и каждое лето увозила нас с сестрой Анной на дачу под Загорск. Мы ходили в лес, сами выращивали растения, создавали альпийские горки и собирали грибы. Все растения бабушка называла латинскими названиями. Она хотела, чтобы я стал «чистым» ботаником, а я стал администратором. Я и гуляю по

Аптекарскому огороду, и работаю здесь: сложно провести грань. Ботанический сад для меня – это жизнь. Здесь получается хороший симбиоз из традиционных видов деятельности ботанического сада – науки, образования, просвещения, культуры и познавательного досуга», – объясняет Алексей Ретеюм, пока мы обходим его владения.

Мы сетуем на то, что пруд совсем зарос ряской, и спрашиваем, почему его не чистят. Оказывается,

пруд и каналы здесь в ряске не потому, что их не убирают, а потому, что все здесь должно идти согласно природным циклам. И, несмотря на ряску, огари и кряквы в пруду чувствуют себя прекрасно. «Мы за 27 лет добавили бассейн, теневой сад, создали современные экспозиции, которые гармонично пересекаются с древними стенами оранжерей, которые мы прикрыли стеклом. Так они стали элементами декора. Остались все исторические элементы: капители, коньки, колонны, фасады. Один из них служит частью интерьера Субтропической оранжереи», – рассказывает Алексей Ретеюм.

Он называет Аптекарский огород островом будущего, попыткой «создать мало-мальски гармоничное пространство для сосуществования людей, растений, животных и искусства». «Понятно, что идеальная гармония недостижима по определению, потому что есть мыши и кошки, олени и пантеры. Мир сложно устроен, и так будет всегда. Но стремиться к гармонии мы должны», – подытоживает Алексей Ретеюм. А на вопрос, сколько еще предстоит сделать, директор отвечает, что пока пройдена лишь треть пути к идеальному саду.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОБОРОМ

ЛЮБОВЬ К НОКТЮРНАМ И СЕВЕРНОЙ ПАЛЬМИРЕ

АВТОР

АНАСТАСИЯ МАК КЕЙБ

ИРЛАНДСКИЙ ПИАНИСТ БАРРИ ДУГЛАС, ПОБЕДИТЕЛЬ VIII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ИМЕНИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО В МОСКВЕ, ВСПОМИНАЛ, ЧТО В РОССИИ ЕМУ ЧАСТО ГОВОРИЛИ: «ВЫ ИГРАЕТЕ КАК РУССКИЙ!» «НЕТ, – ОТВЕЧАЛ ОН. – ЭТО ВЫ ИГРАЕТЕ КАК ИРЛАНДЦЫ, ПОТОМУ ЧТО ДЖОН ФИЛД УЧИЛ ВАС ИГРАТЬ!»

КТО СОЗДАЛ ЗНАМЕНITУЮ во всем мире российскую фортепианную школу? Если задать этот вопрос современным музыкантам, большинство на-

зовут Антона и Николая Рубинштейнов, поскольку именно они стояли у истоков формирования системы профессионального музыкального образования в России. Лишь немногие

вспомнят Джона Филда – человека, сыгравшего весьма значительную роль в процессе становления российской музыкальной школы.

Во второй половине XVIII – начале XIX века на развитие пианизма в России повлияли последователи итальянской, немецкой и лондонской школы. Ярким представителем последней являлся Муцио Клементи, учеником которого был и Джон Филд. В свою очередь, в числе учеников Филда в России были Михаил Глинка и Александр Дюбюк. Великий композитор Глинка в представлениях не нуждается. Что касается Дюбюка, то он стал не только известным композито-

ром, но и признанным педагогом. Именно у него учился еще один великий русский композитор, глава «Могучей кучки» Милий Балакирев. Уроки у Дюбюка брал и будущий известный педагог Московской консерватории Николай Зверев, у которого обучались композиторы Сергей Рахманинов и Александр Скрябин, а также известные пианисты Константин Игумнов и Александр Зилоти.

ЮНОЕ ДАРОВАНИЕ

Сегодня на улице Голден-Лейн в Дублине не осталось ни одного старинного дома – сплошь новодел. Но здесь стоит памятный камень, напоминающий, что на этой улице 26 июля 1782 года родился пианист и основатель музыкального жанра ноктюрн Джон Филд. Отец мальчика зарабатывал игрой на скрипке в театрах, так что музыкальная одаренность Джона не осталась незамеченной. Сначала его обучали дед и отец, затем Джону был нанят учитель – итальянец Томмазо Джордани. Свой первый концерт Филд дал в Дублине в возрасте 10 лет.

Затем семья переехала в Лондон, где Джон продолжал вы-

ступать и был замечен Муцио Клементи – композитором, пианистом и основателем фабрики музыкальных инструментов. Впечатленный талантом юноши, Клементи предложил заниматься с ним бесплатно. Правда, Филд помогал итальянцу продавать рояли, играя на них.

В 1802 году Клементи решил устроить тур по Европе с одновременной рекламой продукции своей фабрики. Демонстрировать возможности инструментов, играя на них, Клементи попросил 20-летнего Джона Филда.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Клементи и Филд побывали в Париже и Вене. В Австрии Джон играл перед Бетховеном и удостоился похвалы. В Санкт-Петербурге гастролеров также ждал успех. Очень скоро местная публика стала приходить не столько посмотреть на инструменты, сколько послушать игру Джона Филда. Если в Европе ценились виртуозность и сногсшибательная техника, то в России всегда замечали в первую очередь лиричность музыки и исполнения. Именно поэтому Джон Филд пришелся по душе российской публике. А Санкт-Петербург пришелся по душе Филду. В итоге он отказался дальше сопровождать Клементи в туре. Джон успел обзавестись не только полезными знакомствами, но и учениками из среды петербургской аристократии. Клементи, судя по всему, воспринял решение ученика с пониманием: перед отъездом он даже посодействовал назначению Филда на пост преподавателя в Нарве, представив его как своего заместителя. Это гарантировало Филду достаточно высокую ставку оплаты за уроки игры на фортепиано.

БЕЗ ШАМПАНСКОГО НИКАК

Филд зажил жизнью русского барина, принимал гостей, любил застолье. Он мог позволить себе жить на широкую ногу. Его занятия стоили дорого: если ученик приезжал к нему домой, то урок стоил 15 рублей и бутылку шампанского. А если Филд выезжал к ученику на дом, то урок стоил уже 25 рублей и бутылку шампанского. Шампанское было непременным условием! Правда, с одаренными учениками, такими, как, к примеру, Александр Дюбюк, Джон Филд занимался бесплатно.

Филд был влюблена в Россию. И его талант здесь был оценен по достоинству. С 1804 года он регулярно выступал с концертами в Санкт-Петербургском филармоническом обществе, активно гастролировал и про-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

должал заниматься преподавательской деятельностью. В 1811 году Филд женился на своей бывшей ученице Аделаиде Першерон. В браке у пары родился сын Адриан, ставший, как и родители, пианистом. У Джона Филда был еще один сын – Леон, матерью которого была петербургская певица француженка Шарпантье. Впоследствии Леон стал известным в России оперным певцом Львом Ивановичем Леоновым. С 1822 года Филд жил в Москве, где быстро освоился и стал за всегдатаем модных литературно-художественных салонов. В московской богеме его звали Иваном Романовичем.

Современники восторгались Филдом как пианистом-виртуозом. Его композиторский дар был оценен позднее: именно его стали называть создателем ноктюрна как жанра фортепианной музыки. Ноктюрны Филда, как и его фортепианные концерты, были любимы-

Московский
пианист
В.И. Рябчиков
в Дублине.
Конкурс им.
Джона Филда

ми произведениями русских музыкантов и публики. Не зря в «Войне и мире» Лев Толстой упоминает Джона Филда: «Эдуард Карлыч, сыграйте, пожалуйста, мой любимый Nocturne москве Фильда, – ска-

зал голос старой графини из гостиной»... В 1832–1835 годах Джон Филд отправился в большое турне по Европе: он выступал с концертами в Лондоне, Париже, Брюсселе, Лионе, Милане и других горо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Конкурс им.
Джона Филда.
Ирландия

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

дах. Но его здоровье было подорвано, Филд вернулся в Москву, где продолжал давать концерты. Пианист умер 11 января 1837 года и был похоронен на Введенском кладбище Москвы.

СВЯЗЬ СКВОЗЬ ВЕКА

«Хотя мне и не посчастливило слышать его игру слишком часто, я отчетливо помню его энергичное и в то же время утонченное и четкое исполнение, — вспоминал Михаил Глинка. — Мне казалось, что он даже не нажимал на клавиши, его пальцы просто падали на них подобно каплям дождя, скользили как жемчужины по вельвету. Ни я и никто из истинных почитателей музыкального искусства не может согласиться с Листом, который однажды сказал, что Филд играл вяло. Нет. Игра Филда всегда была смелой, беспорядочной и разнообразной, он никогда не уродовал искусство подобно шарлатану, как это зачастую делают очень популярные пианисты».

Победители
II Конкурса им.
Джона Филда.
Дублин. Февраль
2020 года

Могила
Джона Филда.
Введенское
кладбище,
Москва

Филд придавал огромное значение технике извлечения звука. Его манера исполнения отличалась вниманием к мельчайшим деталям, оттенкам, к каждой ноте. В первую очередь Филд ценил утонченность в игре. Возможно, поэтому не так уж просто играть написанную им музыку.

В 2017 году ирландская ассоциация «Русский мост» и московский пианист Виктор Рябчиков учредили Международный конкурс им. Джона Филда, рассчитывая вернуть музыку ирландского пианиста и педагога в репертуар молодых пианистов. Игру Джона Филда сравнивали с искусством «итальянского бельканто», поэтому в конкурс включена и номинация «Вокал».

В знак любви и уважения организаторы конкурса посетили могилу Джона Филда в Москве. Они привезли горсть ирландской земли, которую взяли на Голден-Лейн — улице, где он родился. Пусть частичка Изумрудного острова — родины Джона Филда — останется с ним навсегда.

Удивительна связь между Россией и Ирландией в мире классической музыки. Не без старания Филда. Возможно, поэтому одним из немногих иностранных победителей знаменитого Конкурса Чайковского стал ирландский пианист Барри Дуглас. Потому что он играет как русский. ☺

«Я СЕРДЦЕМ НИКОГДА НЕ ЛГУ...»

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВЫСОКИЙ БЕРЕГ, ШИРОКАЯ ЛЕНТА РЕКИ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПРОСТОР И НЕВООБРАЗИМАЯ, КАКАЯ-ТО ЧИСТАЯ И ЗВЕНЯЩАЯ КРАСОТА... СЕЛО КОНСТАНТИНОВО ВРОДЕ БЫ ТАКОЕ ЖЕ, КАК И ТЫСЯЧИ СЕЛ В РОССИИ, НО ВСЕ, КТО ПРИЕЗЖАЕТ СЮДА, ПОРАЖАЮТСЯ, УВИДЕВ ОТКРЫВАЮЩИЙСЯ С БЕРЕГА ОКИ ПРОСТОР. «ДА, – ЗАМИРАЮТ ГОСТИ, ПЫТАЯСЬ ОХВАТИТЬ ВЗОРОМ НЕОБЪЯТНУЮ ШИРЬ, – ЗДЕСЬ НЕЛЬЗЯ НЕ ПИСАТЬ СТИХИ...».

«Мы всегда говорим, что в нашем музее помимо пяти основных экспозиций есть еще и шестая – это наша природа, вид с высокого берега, – улыбается заведующая отделом маркетинга и связей с общественностью Государственного музея-заповедника Сергея Есенина Ирина Агапова. – Существует легенда, что Богоро-

дица летела и обронила пояс – как он упал, так Ока и потекла». И этот берег, и эта река действительно являются частью музея – наверное, потому, что и сам Есенин, прославивший родное село на весь мир, был частью этой природы... Это его край, «задумчивый и нежный»... Край, где он родился. Эти места были его родником, источником вдохновения.

«МОЙ КРАЙ, ЗАДУМЧИВЫЙ И НЕЖНЫЙ!»

С того момента, когда 3 октября (21 сентября по старому стилю) 1895 года в селе Константинове Кузьминской волости Рязанского уезда Рязанской губернии появился на свет золотоволосый поэт, прошло 125 лет. И, наверное, никто из сельчан не мог даже представить, какие перемены ждут Константиново из-за мальчика, родившегося в семье Александра Никитича Есенина и Татьяны Федоровны Титовой. Кто мог предположить, что сюда будут приезжать тысячи людей, чтобы своими глазами увидеть дом, где родился великий поэт, пройтись по родной для него земле?..

«Константиново – старинное село, впервые оно упоминается в 1618 году. В окладной книге записано, что в селе Константинове есть церковь, при оной церкви 16 дворов, – рассказывает Ирина Агапова. – Уже тогда храм был Казанским. Изначально по-

Храм, в котором крестили Сергея Есенина, и сегодня встречает прихожан и посетителей музея. А напротив, как и раньше, стоит дом священника – теперь это часть экспозиции музея-заповедника

стройка была деревянной, но в 1779 году был возведен каменный храм, который мы видим и сейчас. В нем венчались родители Есенина, в нем крестили маленького Сережу». Прямо напротив храма – домик, где жила семья поэта, его сейчас принято называть усадьбой Есенина. Дом ничем не отличается от других местных построек – такой же маленький, скромный, с небольшими окошечками. «Эта улица мне знакома, и знаком этот низенький дом...» – родному крою Есенин посвятил не одно стихотворение. В водовороте славы, вдали от родины он часто вспоминал этот маленький домик, где прошли звонкое детство и разудалая юность, где у иконы в красном углу молилась, переживая за своего сына-хулигана, терпеливая мать. «В доме сохранилась обстановка, которую видел Сергей Есенин, – говорит Ирина Агапова. – Мы постарались обустроить все так, как было в его детстве. У нас подлинные вещи семьи Есениных: когда в 1965 году открывался музей, нам передали эти экспонаты сестры поэта, они же помогли воссоздать планировку дома, усадьбы». Многие посетители, оказавшись в избе Есениных, поражаются, насколько она маленькая. Небольшие комнатушки, печка, малюсенькая кухонька... Все очень

скромно, но именно так и выглядели тогда крестьянские избы. «История усадьбы начинается с конца XIX века, когда дед по отцовской линии, Никита Осипович Есенин, решил отделиться от семьи. Он купил в центре села участок, но настолько маленький, что построить на нем можно было только дом – ни сарай, ни амбар уместить было негде, – продолжает Ирина Викторовна. – Тогда дед поэта принял неординарное решение: он построил

Наверное, никто не мог предугадать, как изменит жизнь села день, когда в семье Есениных родился будущий поэт

двухэтажный дом. На первом этаже не было ни одного окна – это было подсобное помещение. Второй этаж был жилой. Именно в этом необычном для села доме и родился будущий поэт. Уже много позже, когда дом обветшал, родители поставили новый дом, однотажный, как у всех. Сергею тогда было 14 лет». В семье Есениных все были домовитыми, хозяйство у них было, как принято говорить в деревне, крепкое. В воспитании Сергея немалое участие принимали дяди – братья матери, и, конечно, особое значение для Сергея имел дед, Федор Андреевич Титов. «Оглядываясь на весь пройденный путь, я все-таки должен сказать, что никто не имел для меня такого значения, как мой дед. Ему я больше всего обязан. Это был удивительный человек. Яркая личность, широкая натура, умственный мужик», – писал Есенин.

Сейчас рядом с домом можно увидеть и амбар, и ригу, и избу-времянку. Эту избу родители Есенина построили после пожара 1922 года – в Константинове тогда сгорело более 200 домов. А вот амбар уцелел – тот самый, который помнит Есенина, 1913 года постройки... Когда Сергей приезжал в родные края в теплое время года, амбар был его «кабинетом», именно здесь было написано немало стихотворений. В том числе «Я снова здесь, в семье родной...», «Я иду долиной. На затылке кепи...», «Каждый труд благословила удача!...». В родные края Есенин приезжал часто, сюда его тянуло всегда. Как рассказывали современники, иногда прикатывал с шиком, на тройке. Конечно, такая роскошь контрастировала со скромным деревенским бытом, но при всем «барстве» Есенин очень любил свое село и отчий дом.

Перед домом родителей растет огромный тополь – мощный, высоченный, раскинулся он свои ветви, кажется, под самыми облаками... Его посадил Есенин в мае 1924 года – прошел почти век, а тополь и сегодня встречает всех гостей, чуть слышно шелестя листвой...

**«СВЕТ ОТ РОЗОВОЙ
ИКОНЫ НА ЗЛАТЫХ
МОИХ РЕСНИЦАХ»**

Рядом с Казанским храмом стоит еще один небольшой дом. Эта часть экспозиции музея самая молодая – в 2010 году открыли дом священника Ивана Яковлевича Смирнова. Здесь Есенин был частым гостем. У Ивана Яковлевича была небольшая семья: дочь Капитолина и внучатый племянник Клавдий Воронцов, друг Есенина. «Отец Иоанн стал для Сергея духовным наставником. В доме была хорошая библиотека, здесь часто музиковали, ставили домашние спектакли, – рассказывает Ирина Агапова. – Батюшка переживал за Сергея как за свое чадо, молился о нем. А Сергей каждый раз, приезжая в село, обязательно спешил в дом священника. У нас есть открытка, присланная Есениным в честь дня рождения отцу Иоанну. Есенин прочитал немало книг из библиотеки батюшки. Кстати, именно в этом доме Сергей Есенин впервые прочел свои стихи». Много лет спустя, уже после того, как жизнь знаменитого поэта трагически оборвалась, отец Иоанн совершил отпевание раба божия Сергея. Когда ему указали на то, что самоубийц не отпевают, отец Иоанн смиренно ответил: «Значит, взял грех на душу». Может быть, он не поверил в то, что Сергей сам лишил себя жизни, может быть, решил, что ради него готов отступить от канонов... Что чувствовал Иван Яковлевич, мы можем лишь предполагать, но с тех самых пор, с 1925 года, в Казанском храме села Константинова служат панихида по Сергею Есенину. «В доме священника мы попытались создать экспозицию, где наши гости могут получить представление о том месте, которое оказало большое влияние на формирование поэта, – объясняет Ирина Агапова. – Когда мы создавали эту часть музея, сразу решили, что одна половина дома будет отведена выставке, а вторая станет интерак-

Сколько раз Есенин в своих стихах возвращался в родной дом...

тивной площадкой. У нас есть диапроектор, мы разработали программу «Волшебный фонарь» – дети с удовольствием рисуют на стеклянках, замирая смотрят диапозитивы, сами создают сказки. Несмотря на обилие современных гаджетов, для них это такое же волшебство, как и для сверстников Есенина». Этот утопающий в кустах сирени дом всегда был открыт для

сельчан. Сюда приходили и за помощью, и за советом. Батюшку в Константинове любили, потому и в революционные годы не тронули. Надо сказать, священник оставил богатый материал: он вел дневник, который помог многое понять в укладе здешней жизни. Отец Иоанн умер в 1927 году, его похоронили у церкви, правда, могила до наших дней не уцеле-

В усадьбе можно увидеть подлинные вещи из дома Есениных – когда открывался музей, их передали сестры поэта, Екатерина и Александрা

Обстановка в избе скромная – быт Есениных ничем не отличался от уклада жизни всех крестьянских семей конца XIX – начала XX века

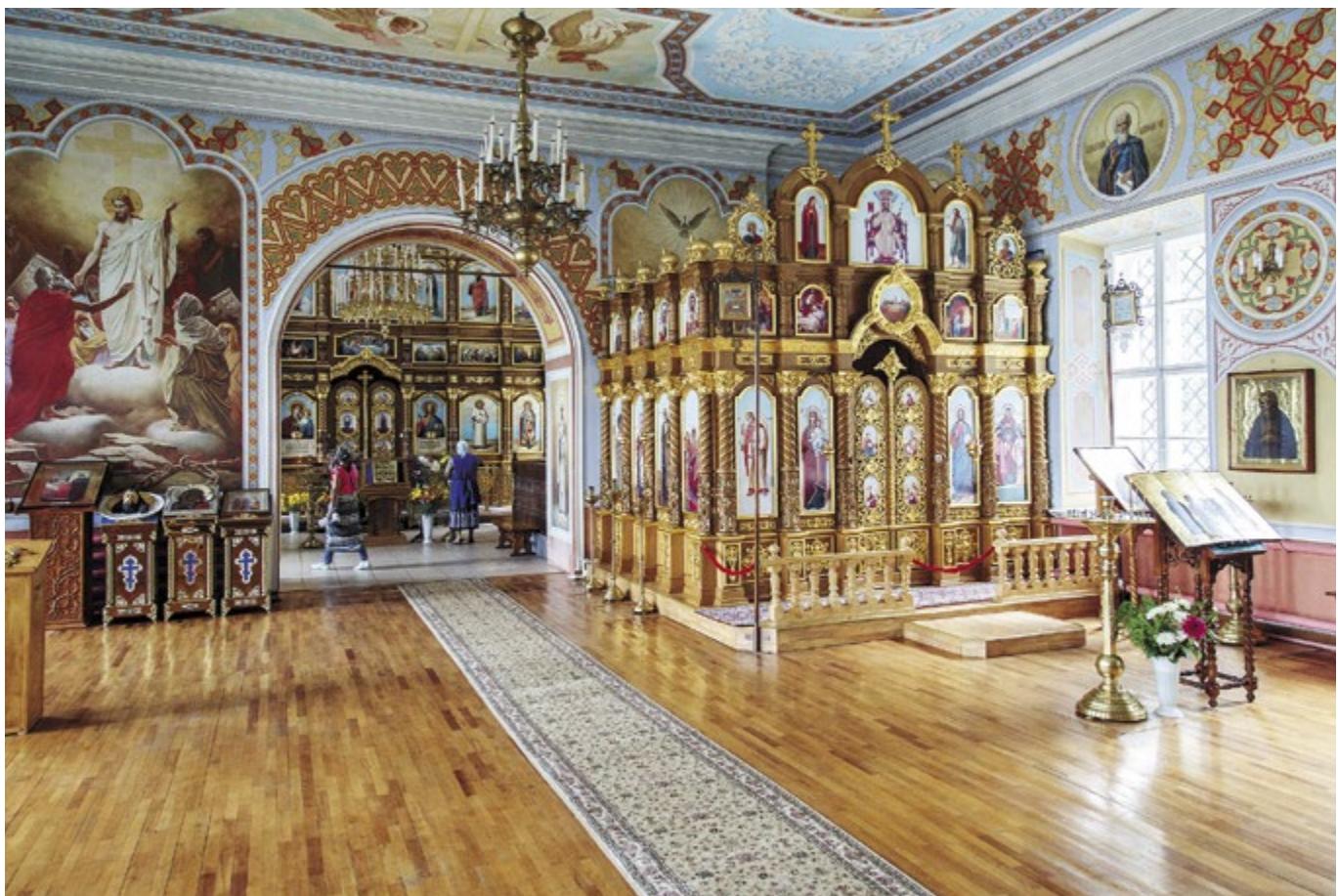
ла. Да и храм пережил бурные времена: в нем располагались зернохранилище, механизированный парк... В 1974 году храм был передан музею, тогда здесь прошли первые восстановительные работы, проводились выставки картин, а в

конце 1990-х годов церковь перешла в ведение РПЦ. Была восстановлена колокольня, заново расписана трапезная, обновлен четверик, отреставрированы сохранившиеся фрески. Сейчас в храме регулярно совершаются службы.

В Казанском храме села Константинова и сегодня служат панихида по Сергею Есенину

«В ЭТИХ СТРОЧКАХ – ПЕСНЯ. В ЭТИХ СТРОЧКАХ – СЛОВО»

В самом центре села находится земская школа, где будущий поэт осваивал грамоту. Учиться он пришел в 10 лет – к постижению наук дети тогда приступали в возрасте 8–10 лет. «При Александре II было много преобразований, в том числе в отношении школ. Существовало три вида школ: министерские, церковноприходские и земские. В министерских обучались дети помещиков и дворян, церковноприходские в основном существовали при монастырях, до них не всегда удобно было добираться. Самым распространенным видом школ были земские, они открывались чуть ли не в каждом селе. Крестьяне платили земству школьный налог – 14 копеек, это символическая плата, которая была доступна большинству», – рассказывает Ирина Агапова. Именно к категории земских школ от-

носилась и Константиновская. Если соблюдать точность, имелаась она тогда «Земское Константиновское четырехклассное начальное училище». «То здание, в котором учился поэт, было разобрано из-за ветхости в 1951 году, восстановили школу к 100-летию Есенина, в 1995-м. Ее возвели на сохранившемся фундаменте», – объясняет Ирина Агапова. Уцелела фотография школы – восстановленное здание точно такое же, как то, в котором постигал азы науки будущий поэт.

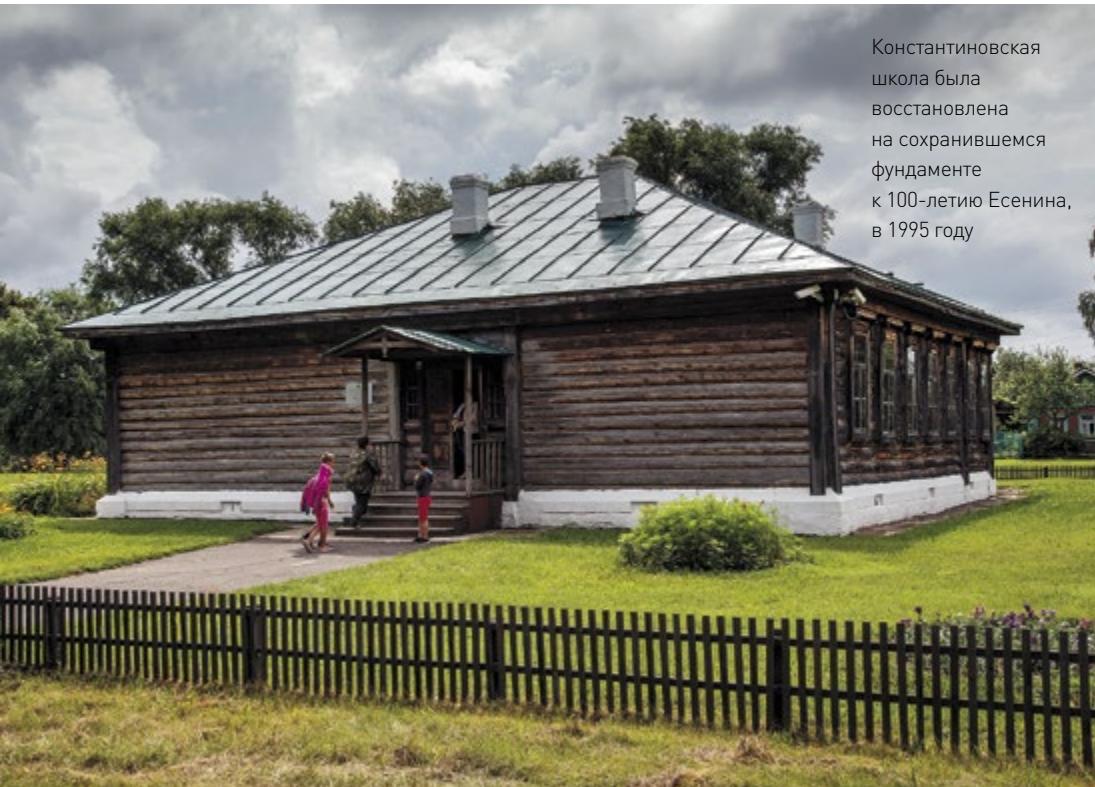
«В первый класс приходило более 45 человек, а вот оканчивали четыре класса не более 10. Девочки уходили, потому что надо было сидеть с младшими братьями и сестрами и помогать по хозяйству, мальчиков нередко направляли подмастерьями в лавки, кто-то просто неправлялся с учебой». – Ирина Агапова показывает документы в витрине земской школы. Под-

В теплое время года амбар нередко служил поэту «кабинетом»

тверждение ее словам – экзаменационный листок тех, кто оканчивал четвертый класс, в нем всего 11 фамилий. Среди выдержавших экзамены можно увидеть фамилию Есенин, в его графе – одни пятерки. «Учился Сергей Есенин

хорошо, перечитал все книги школьной библиотеки. Он считался одним из лучших учеников, его даже просили заниматься с отстающими. Однако проучился Сергей в школе не четыре года, а пять лет, – продолжает рассказ Ирина

Константиновская школа была восстановлена на сохранившемся фундаменте к 100-летию Есенина, в 1995 году

«СУРОВЫЕ, ГРОЗНЫЕ ГОДЫ! Но разве всего ОПИСАТЬ?»

Из земской школы мы перемещаемся в дом последней константиновской помещицы, Лидии Кашиной. Эта территория выбивается из общей картины села. Во времена Есенина эта часть села еще больше контрастировала с сельским укладом. Парк в английском стиле, липовые аллеи, дорожки, посыпанные желтым песком или вымощенные кирпичом... Сад, террасами спускающийся до самого берега Оки... Оранжерея, в которой выращивали экзотические апельсины, лимоны, мандарины... Маленький Есенин, наверное, и мечтать не мог, что когда-нибудь войдет в этот дом, а Лидия Кашина вряд ли могла предположить, что ее имя останется в веках благодаря жившему по соседству крестьянскому мальчику. Лидия Ивановна стала одним из прототипов Анны Снегиной, и сегодня в помещичьем доме располагается музей этой поэмы. Имение, конечно, переживало разные периоды, по фотографиям в цокольном этаже можно проследить всю историю дома начиная с 1910 года, когда хозяином был Иван Кулаков – отец Лидии, которая, выйдя замуж, стала Кашиной. На следующей фотографии вид у здания плачевный – после революции сад вырубили, веранду разрушили... Сначала здесь разместили амбулаторию, потом – детский дом для детей блокадного Ленинграда. В конце 1950-х в стенах барского дома функционировали пошивочные мастерские... Судьба дома складывалась непросто до 1969 года, пока он не был передан музею. Поначалу в доме Кашиной разместили литературный музей, потом, когда для этой экспозиции появилось отдельное помещение, в доме Кашиной был создан Музей поэмы «Анна Снегина».

В этом большом доме Есенин впервые побывал летом

Агапова. – Дело в том, что в третьем классе его оставили на второй год – за хулиганство и озорство». Чтобы школьники, приезжающие в музей сегодня, могли почувствовать себя сверстниками Есенина, здесь есть специальные программы: дети оказываются на уроках, пробуют писать первыми руками, используя алфавит, который существовал в начале XX века.

Учителями Есенина были Лидия Ивановна и Иван Матвеевич Власовы – они преподавали общеобразовательные предметы. Когда Сережа пытался представить свои стихотворные пробы в школе, Иван Матвеевич не рекомендовал Есенину заниматься поэзией, напоминая, что основная его задача – учеба. А вот Иван Яковлевич Смирнов, который преподавал в школе Закон Божий, быстро разглядел талант, заметив, что Есенин нередко разговаривает стихотворными строками. Кстати, сохранилась одна из первых поэтических попыток, написанная поэтом в 9–10 лет: «Щука в рака вцепилась, на

нем кататься училась». Есть среди экспонатов и самая ранняя фотография поэта – Есенин среди односельчан. Сделана она после окончания школы, летом 1909 года.

Есенин всегда выглядел щеголем, о нем нередко говорили, что он обладал ангельской внешностью

1916 года. «В это время он проходил службу в армии, служил в военно-санитарном поезде, по состоянию здоровья получил двухнедельный отпуск, который провел в Константинове, — рассказывает Ирина Викторовна. — Лидия Кашина, узнав, что здесь находится известный поэт, пригласила его в гости». Лидия Ивановна была женщиной образованной, знала несколько языков, увлекалась музыкой, театром, любила литературу. Ее отец, Иван Кулаков, был купцом первой гильдии, он смог сколотить неплохое состояние, дать образование дочери — в 1902 году она с отличием окончила Александровский институт. Когда после учебы вернулась в Константиново, познакомилась с сельским учителем Николаем Павловичем Кашиным. Отец был категорически против этого брака, однако дочь настояла на своем. В браке родились двое детей — Нина и Георгий. Именно Георгий много лет

Обстановка дома
Лидии Кашиной
была аристократической

спустя помог в создании музея — он передал архив матери, а это более 500 единиц хранения: письма, рукописи, книги, вещи. Кроме того, Георгий Николаевич помог воспроизвести планировку дома — во время революции ему было 11 лет,

и он помнил многое из уклада здешней жизни. Кстати, во время революции, когда Лидию Ивановну высыпали, ей дали всего два часа: она собрала только самое необходимое и покинула дом. В этот непростой момент по-

В доме
Кашиных часто
музицировали,
поэты читали
стихи, нередко
посвящали свои
произведения
хозяйке

мощником Кашиной стал Сергей Есенин – он и в сборах помогал, и подводы нанимал. В музее можно увидеть список экспроприированного, забрали у Кашиных буквально все: в описи и посуда, и мебель, и детские велосипеды. Прошло время литературных вечеров, театральных постановок, больше не собиралась в доме Кашиных интеллиген-

ция, и поэты не читали своих стихов... «Вообще, в Анне Снегиной воплотились три женщины. Первая любовь Есенина, Анна Сардановская, внучатая племянница священника Ивана Смирнова, которая приезжала каждое лето в Константиново. – Ирина Агапова излагает точку зрения литератороведов. – Фамилию героини

В бывшем помещичьем доме сегодня расположен Музей поэмы «Анна Снегина»

Во время революции хозяйке усадьбы дали два часа на то, чтобы освободить дом, она собрала детей, документы и самое необходимое, остальные вещи были экспроприированы

Сергей Александрович позаимствовал у известной писательницы Ольги Павловны Сноу – она подписывалась Снегиной. А вот характер главной героине поэмы Есенин дал именно кашинский – хозяйки этого дома. Многих интересует, какие отношения связывали Есенина с Кашиной. Как говорят биографы поэта, он был влюблён в неё, она была для него музой».

Эта поэма неслучайно получила название лиро-эпической – в ней затронуты все события, которые происходили в России в начале XX века. Война, революция, эмиграция, любовь, дружба, любовь к родине – Есенин коснулся многих тем, которые тогда волновали страну. Прототипом главного героя стал сам Есенин. И хотя описывается в поэме село Радово, конечно, под ним подразумевается Константиново. В Музее поэмы «Анна Снегина» можно увидеть рукопись произведения. Работал над ней поэт на Кавказе и еще оттуда сообщал, что пишет поэму, 1000 строк, «очень хорошая» – так обещал Есенин в письме издателю. В черновом варианте в поэме и правда была ровно 1000 строк, потом Есенин, уже приехав в Москву, переписал поэму, и в окончательном варианте она укоротилась до 700 строк. Увы, критики это творение Есенина восприняли слишком строго, называли «лирическим пустячком». Есенин даже получал советы поучиться писать, на что отвечал резко и категорично, что умеет писать лучше других. Конечно, на критику он реагировал болезненно. Для него такая оценка была ударом – он вложил в это произведение всю душу, все переживания того времени. Лишь позже поэма обретет вторую жизнь – по ней поставят спектакли, в которых будут задействованы лучшие актеры, ее будут изучать в школах... Жаль, что слава пришла к поэме только после смерти автора.

ПУТЬ ЛИРИЧЕСКИЙ

В доме Лидии Кашиной в центре внимания лишь одно произведение Есенина. Чтобы проследить весь его творческий путь, его искания, метания и победы, был создан литературный музей – он расположился в здании по соседству с имением Кашиной. Здесь все, что связано с жизнью поэта, начиная с люльки, в которой его качали. В витрине – выписка из метрической книги – к счастью, сохранился этот первый документ о его рождении. Фотография, на которой Сергей со своими сестрами – Екатериной и Александрой. «Вообще, в семье было семеро детей, но выжили лишь трое. Поэтому у Сергея с Екатериной разница десять лет, с Александрой – шестнадцать», – объясняет Ирина Агапова.

После успешного окончания константиновской школы Есенин продолжил учебу в клепиковской – в 30 километрах от Константина, в Спас-Клепиках, находилась церковно-учительская школа. Там, кстати, сегодня расположен филиал Музея-заповедника Сергея Есенина. Выпускники этой школы могли стать преподавателями, и родители Есенина уже видели сына учителем. Однако 17-летний Есенин решил иначе и отправился в Москву, к отцу: Александр Никитич большую часть своей жизни работал в столице, в лавке у купца Крылова. Первой московской остановкой Есенина стал Строченовский переулок, теперь по этому адресу располагается музей поэта. Сначала Сергей устроился в лавку, но торговля не пришлась ему по душе. Позже он работал в типографии Сытина – школа дала основательные знания, и он смог стать помощником корректора. В 1913 году Есенин поступил вольным слушателем в Университет А.Л. Шанявского, где проучился полтора года. Это время связано и с первыми серьезными отношениями: гражданский брак с коллегой по типографии Анной Изрядновой, рождение сына. Но пара разо-

От витрины к витрине
литературного музея
можно проследить весь
путь великого поэта –
жизненный и творческий

шлась: Сергей был поглощен поэзией и только в ней видел свое предназначение.

1914 год стал дебютным для Есенина: в детском журнале «Мирок» впервые опубликовали

стихотворение рязанского поэта «Береза». Оно было подписано псевдонимом Аристон.

Потом начался петроградский период Есенина – он уехал туда в 1915-м. В Москве его не опубликовали, а в Петербурге, по мнению начинающего поэта, была сконцентрирована вся литературная жизнь. Первым, к кому отправился 20-летний Есенин, был Александр Блок. Он дал юноше несколько рекомендательных писем, благодаря которым Есенин смог войти в литературные круги. Он познакомился с Сергеем Городецким, Николаем Клюевым, Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским. Очень быстро Есенин смог заявить о себе. «Об этом периоде писали, что на Есенина накинулись, как буржуа накидываются на клубнику в январе, – рассказывает Ирина Агапова. – Он был чем-то новым, ярким. Его стали публиковать в известных журналах. Кстати, когда он прибыл в Петроград, привез с собой 60 стихотворений, 51 из них было принято к публикации». Славу ему принес первый сборник стихов, «Радуница», вышед-

С сестрами
у Есенина была
большая разница
в возрасте.
Старший брат
всегда заботился
о сестрах,
посвятил
им не одно
произведение

ший в 1916 году. О новом ярком поэте заговорили. Критики и читатели пытались постичь ураган есенинского таланта, понять, как из самых обычных слов Есенин сплетает поразительной красоты поэтическое полотно».

Этот же год связан еще с одной вехой жизни поэта – Сергей Александрович был призван на военную службу, служил в санитарном поезде, не раз выезжал на передовую. Впечатления, полученные в этот период, найдут потом свое отражение в поэме «Анна Снегина».

В метрической книге сохранилась запись о рождении сына Сергея Есенина

«БУДТО В ЖИЗНИ МНЕ ВЫПАЛ СТРАДАНИЯ УДЕЛ...»

Незадолго до революции Есенин женился на Зинаиде Райх, в браке с которой родились дочь Татьяна и сын Константин. Октябрьскую революцию Есенин приветствовал. Он много пишет, его много публикуют. Среди произведений этого периода – 10 богоchorских поэм. Он кардинально изменился, пишет иначе, чем в первом своем сборнике, пропитанном любовью к Богу.

В революционном водовороте Есенин пытается найти себя. В это время он вместе с Анатолием Мариенгофом, Рюриком Ивневым, Вадимом Шершеневичем создает новое литературное направление в поэзии – имажинизм. Школа эта пропагандировала независимость образа от действительности. Правда, имажинизм долго не протянул: «Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвер-

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ѿ РОДИВШИХСЯ, ЗА 1895 ² ГОД						
Счет регистрации	№ зрн	Имя роженицы	Задол. до, отчима и фамилия родителей и место пребывания	Задол. до, отчима ѿ фамилии и место пребывания	Кто открыл запись врач	Регистрационное счи- тание здеш- ним
37	2129	Сергей	Сергей Есенин, брат жены Александры Николаевны Есенин, и землемер ио Гаврииле Овдюровиче Овдюровиче Есенин и землемером Есенин и землемером Есенин	Заслуженный Радом Овдюров Семенович и Федоров Федор Кириллов Овдюров Сергей Константин Кириллов Овдюров и Федоров Федор Кириллов Овдюров и Федоров Федор Кириллов Овдюров	Семенов Федор Семенов Федоров Федор Кириллов Овдюров Сергей Константин Кириллов Овдюров и Федоров Федор Кириллов Овдюров и Федоров Федор Кириллов Овдюров	
<p>Когда-то заслуженный врач Гавриил Овдюров, род посту- пил на военную службу, подчиняясь Красной армии, а потом, вспоминая чуть, будущую жену Есенин Федорову Татьяну (Федорову),</p>						

дить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом», – писал поэт.

Переходя от витрины к витрине литературного музея, можно проследить все периоды жизни поэта – и творческой, и личной. Прямо напротив стендов с афишами имажинистов можно увидеть роскошный диван, красивые интерьерные мелочи, кокетливые наряды... Открывается новая страница биографии поэта – время знакомства с Айседорой Дункан. Знаменитая на весь мир «босоножка» приехала в Россию в 1921-м, в Стране Советов она собиралась создавать школу танца для девочек. Как говорили современники, влюбленность между молодым поэтом и известной танцовщицей вспыхнула сразу – несмотря на семнадцатилетнюю разницу в возрасте, несмотря на языковой барьер. Они поженились в 1922-м, и в тот же год Есенин отправился сопровождать супругу в зарубежных гастролях. Как говорил Есенин, «еду показать Западу, что такое есть русский поэт». Полтора года он пробыл за границей, объездил Европу, побывал в Америке, а успокоения, похоже, так и не нашел. С Айседорой они расстались... Есенин написал заметки о заграничных впечатлениях, которые назвал «Железный Миргород». Вообще, этот период был не слишком продуктивным – Есенин за границей почти не писал. Вдохновение вернулось к нему, как только он приехал на родину. Самым плодотворным периодом для Есенина стала его поездка на Кавказ в 1924 году. «Так много и легко пишется в жизни редко, – делился Есенин со своим издателем. – Я скоро завалю вас материалом». В это время было написано более 100 произведений, в числе которых «Русь Советская», «Страна Советская», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Собаке Ка-

чалова», цикл «Персидские мотивы» и многие другие. «Этот период творчества Есенин назовет своей «Болдинской осенью», – говорит Ирина Агапова.

«В ЭТОЙ ЖИЗНИ УМИРАТЬ НЕ НОВО, НО И ЖИТЬ, КОНЕЧНО, НЕ НОВЕЙ...»

«Болдинскую осень» сменил самый противоречивый год есенинской жизни – 1925-й. Он по-прежнему много пишет, но о внутреннем состоянии красноречиво говорит поэма «Черный человек». Первый ее вариант он написал еще за границей. Теперь Есенин снова вернулся к «Черному человеку», переработал его, и свет увидел второй вариант поэмы. Современники, которые слышали первую версию, говорили, что изначально она была еще страшнее и трагичнее.

В том же, 1925-м Есенин познакомился с Софьей Толстой, внучкой Льва Николаевича. Они поженились. По мнению современников, Софья была влюблена в Сергея, а вот он не питал к ней нежных чувств... Судить об этом сложно, но факты остаются фактами: семья жизнь вновь не сложилась. Наверное, он не был способен уместиться в рамки семьи.

В его жизни было много женщин. Была беззаветно преданная Галина Бениславская,

Отношения 26-летнего Сергея Есенина и 44-летней Айседоры Дункан вызывали много пересудов и у современников, и у потомков

окончившая свою жизнь на могиле любимого. Была поэтесса Надежда Вольпин, мать одного из сыновей Есенина, была нежная муз Августа Миклашевская... Всех трудно перечислить. Он влюблялся, вдохновлялся, женился, расставался, страдал, забывал...

Не было в его жизни к 30 годам ни надежного семейного тыла, ни верной спутницы. В этот период Есенин чаще находился в депрессии. Успокоение тщетно искал в алкоголе, который лишь усугублял ситуацию. В ноябре рокового, 1925-го Есенин

лег в психоневрологическую клинику. И в больнице он продолжал творить.

В декабре поэт написал своему приятелю, чтобы тот снял ему в Ленинграде две-три комнаты – он снова стремился приехать сюда, надеясь, что этот город опять вдохновит его. Квартиру снять не удалось, так что Есенин поселился в номере 5 гостиницы «Англетер». Прибыв в Ленинград, Есенин занимался издательскими делами, встречался с молодыми поэтами... Казалось, ничто не предвещало трагедии. Но в ночь с 27 на 28 декабря она

На родину Есенина, в село Константиново, едут тысячи туристов из разных уголков мира

произошла. Утром знаменитого поэта нашли повешенным на трубе отопления. Эта смерть до сих пор полна загадок, о причинах и характере гибели поэта и сегодня спорят и литераторы, и криминалисты... «Это фото сделано, когда Есенина вынули из петли, – показывает фотографию в последней витрине литературного музея Ирина Агапова. – Почему-то более ранних фото не было. Помимо этой есть только похоронные фотографии. Есть свидетельства, что в комнате был беспорядок, все было разбросано, а на теле – следы ударов... В этой смерти много непонятного».

Гроб с телом самого талантливого поэта Страны Советов, как уже тогда говорили про Есенина, три раза обнесли вокруг памятника Пушкину. А сегодня на Тверском бульваре, через дорогу от Александра Сергеевича, стоит памятник Сергею Александровичу...

Он был достойным наследником великого поэта. Похоронили Есенина на московском Ваганьковском кладбище. Через год рядом похоронят покончившую с собой Галину Бениславскую. А еще через тридцать лет – мать поэта. Она попросила, чтобы положили ее рядом с сыном...

На родине поэта, страны «березового ситца», все так же шумят воспетые им березы, все так же широким поясом охватывают высокий берег Ока... Может быть, эти березы и эта река знают, как в простом деревенском мальчике зародился такой непостижимый талант? Как рождались удивительные строки, текущие плавно, как река? Есенин всегда записывал свои стихи простым или химическим карандашом. Была и еще одна особенность: строчки как бы съезжали вправо, вырисовывая странные ступеньки. Эти тысячи и тысячи строк как лесенка к пониманию жизни и смерти, любви и страдания, горя и счастья... В этих синих косых строчках есть все, что только бывает в жизни. ●

Уникальный талант Есенина много лет поражает читателя – невозможно постичь, как в крестьянском мальчике зародился такой мощный дар, покоривший миллионы людей...

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ПОДВИГ ДЛИНОЙ В ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

НА СЕРЫХ СТЕНАХ РАСЦВЕТАЮТ ДИКОВИННЫЕ ЦВЕТЫ И КОЛЫШЕТСЯ ТРАВА, ПЛЫВУТ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ ЗАБАВНЫЕ РЫБИНЫ, ПЛОДОНОСИТ ДРЕВО ПОЗНАНИЯ ДОБРА И ЗЛА, В ВЕТВЯХ КОТОРОГО ПРЯЧЕТСЯ ЗМЕЙ-ИСКУСИТЕЛЬ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ. РЯДОМ – ПЛАЧУТ УЖЕ ИЗГНАННЫЕ ИЗ РАЯ АДАМ И ЕВА, И ГОРБОНОСЫЙ ДЬЯВОЛ ИСКУШАЕТ ОБЕЗУМЕВШЕГО КАИНА. А ЧУТЬ ДАЛЬШЕ АНГЕЛЫ СЕМИ ЦЕРКВЕЙ АПОКАЛИПСИСА СО СКОРБНЫМИ ЛИЦАМИ ЖДУТ НЕИЗБЕЖНОГО...

Открытка
с видом
монастыря

«М

ОЧАВШИЕ» восемьдесят лет уникальные фрески канувшего в Лету Троицкого Макарьева монастыря вновь «заговорили». Отныне выставка «Калязин. Фрески затопленного монастыря» станет частью постоянной экспозиции Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева (МУАР).

СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

В сентябре 1935 года постановлением Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) был создан «Волгострой», на который возложили задачу строительства Рыбинского и Угличского гидроузлов. «Приручение» Волги оказалось сродни катастрофе: тысячи гектаров пашен, пастбищ и лесов оказались под водой, было затоплено около 800 де-

ревень и несколько городов, а с ними – и древние монастыри...

Когда в 1937 году было принято решение о сносе одного из них – Троицкого Макарьева монастыря в Калязине, – Академия архитектуры СССР всеми правдами и неправдами смогла перенести его исполнение на два года. Специалисты понимали: необходимо любой ценой спасти уникальные фрески XVII века, украшавшие стены Троицкого собора обители. Нужно было спешить, ведь она и так пребывала не в лучшем со-

ПРЕДОСТАВЛЕНО КАЛЯЗИНСКИМ КРАЕВЕДЧЕСКИМ МУЗЕЕМ ИМ. И.Ф. НИКОЛЬСКОГО

ПРЕДОСТАВЛЕНО КАЛЯЗИНСКИМ КРАЕВЕДЧЕСКИМ МУЗЕЕМ ИМ. И.Ф. НИКОЛЬСКОГО

Фото участников экспедиции Музея архитектуры (слева направо): Е.В. Ковешников, Л.К. Любимов, Ф.В. Ковешников, Д.В. Ковешников, В.Н. Иванов, И.Г. Шульман, П.И. Юкин, В.А. Каульбарс, А.М. Харламова, А.М. Баринов, неизвестный, И.А. Баринов. Зима 1940 года

стоянии: монастырь закрыли в 1920 году, в начале 1930-х здесь устроили дом отдыха Московского электрозвавода. Да и решение об отсрочке разрушения и затопления архитектурного ансамбля могли в любой момент отменить...

Руководство Музея архитектуры при поддержке знаменитого искусствоведа Игоря Грабаря отправило в Калязин экспедицию из архитекторов, художника-реставратора, каменщиков и макетчиков. Специалисты должны были в сжатые сроки – с ноября 1939-го по сентябрь 1940 года – провести огромный комплекс работ по научной фиксации оставшихся построек монастыря, обмерить и демонтировать архитектурные фрагменты. И главное – спасти фрески.

Эти люди совершили настоящий подвиг. Часть работ пришлось проводить в декабре–феврале, когда морозы доходили до 35 градусов. «Срочное снятие фресок производилось в условиях особенно суровой зимы 1939 г. Собор зиял раскрытыми проемами, – вспоминала участница экспедиции архитектор Анна Харламова. – Одновременно со снятием фресок изымались архитектурные фрагменты...». Короткие световые дни, отсутствие отопления и освещения, ученым приходилось разводить костры прямо в соборе... Экспедицию возглавлял знаменитый художник-реставратор

Павел Иванович Юкин, раскрывавший иконы и фрески древних новгородских церквей и Кирилло-Белозерского монастыря. В Калязине Юкину пришлось разработать новую технологию для работы в экстремальных условиях. «Техника снятия состояла в следующем, – писала в статье «Судьба росписей Троицкого собора Троице-Макарьева монастыря города Калязина» Тамара Гейдор, сотрудник Музея архитектуры, исследовавшая эти фрески почти сорок лет. – По периметру выбранной компо-

Справа –
директор
Калязинского
краеведческого
музея
И.Ф. Никольский

ПРЕДОСТАВЛЕНО КАЛЯЗИНСКИМ КРАЕВЕДЧЕСКИМ МУЗЕЕМ ИМ. И.Ф. НИКОЛЬСКОГО

зииции пробивалась глубокая, до самой кладки стены борозда шириной 6–8 сантиметров. Лицевая поверхность живописи заклеивалась несколькими слоями марли (от 2 до 5; чем больше снимается площадь, тем больше слоев) на растительных kleях и хорошо просушивалась. Затем узкими и тонкими ножами различной длины отделяли штукатурку от кладки, начиная снизу и с боков и равномерно вгоняя их деревянными молотками. Когда фреска оставалась висеть на узкой верхней не отделенной от стены полосе штукатурки, снаружи на лицевую сторону накладывали щит такого же размера, отделяли последнюю полосу штукатурки от стены и щит с живописью укладывали на пол. <...> используя сильные морозы зимы 1939–1940 года, доходившие до 35 градусов, П.И. Юкин впервые применил метод замораживания. Когда стена хорошо промерзала, всю поверхность живописи и борозды вокруг нее разогревали жаровнями с углами и быстро заклеивали двойным слоем марли, используя мучной клей. В тот момент, когда марля примерзала, но мороз еще не успевал сковать штукатурный слой с кладкой стены, производили его отделение. Снятая живопись с испода (тыльной стороны) укреплялась на паркетаж (деревянная решетка) несколькими слоями раствора алебастра с растительным клеем. И только после того, как основа приобретала достаточную жесткость, производилась расчистка лицевой поверхности». В итоге было снято 126 фрагментов фресок общей площадью 185 квадратных метров! Снять со стен все фрески не было возможности, экспедиция руководствовалась принципом «спасти что возможно».

«Кроме куполов и сводов, к которым невозможно было установить леса – не было ни времени, ни средств, фрагменты снимали со всех доступных плоскостей, – говорит куратор выставки Зоя Золотницкая. – Экспедиция успела не только спасти

КУЛЬТУРА

ФРЕСКИ ЗАТОПЛЕННОГО МОНАСТЫРЯ

Куратор выставки
Зоя Золотницкая

росписи, но и демонтировать и некоторые архитектурные элементы, в их числе три наличника, портал Троицкого собора, который впоследствии был вмонтирован в стену Донского монастыря, где долгие годы находилась постоянная экспозиция Музея архитектуры».

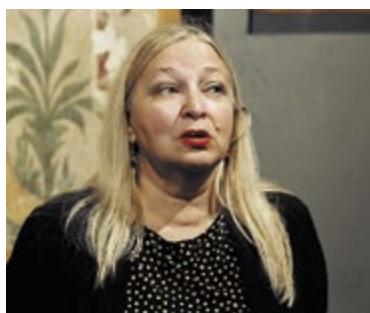
В трех залах анфилады Музея архитектуры сегодня экспонируются 43 фрагмента настенной росписи, документы экспедиции, фотографии, недавно отреставрированные чертежи и макеты собора и трапезной, выполненные архитектором-конструктивистом Иваном Леонидовым. Но в собрании МУАР хранятся 103 фрески Троицкого собора, и, по словам директора музея Елизаветы Лихачевой, для того, чтобы восстановить их все, потребуется еще несколько лет. Экспозиция будет меняться: что-то будет возвращаться в запасники, а что-то после реставрации явится зрителям. «Эта живопись словно выпала из истории искусства, хотя еще в начале XX века многие исследователи были восхищены качеством фресок», – заметила Зоя Золотницкая.

БУРНАЯ ИСТОРИЯ

В 1904–1905 годах в Троицком соборе была проведена первая реставрация фресок – их расчистили от копоти и поздних поновлений масляными красками. Проведение этих работ в немалой степени заслуга Николая Рериха, который при посещении монастыря сумел разглядеть настоящие шедевры – фрески XVII века. Росписи Троицкого собора датируются 1654 годом. «Эти фрески уникальны. Не потому, что в них применены какие-то новые приемы живописи или композиционные решения. Во-первых, их уникальность в том, что росписи середины XVII века нигде не дошли до нашего времени в такой сохранности, – говорит куратор

Директор музея
Елизавета
Лихачева
на открытии
выставки

Куратор выставки Юлия Ратомская

выставки Юлия Ратомская. – Во-вторых, это точно датированная живопись. По традиции того времени северную, западную и южную стены собора опоясывала надпись, в которой подробно сообщалось время создания фресок и имена всех 16 живописцев. Это дает возможность проследить судьбы этих людей. К примеру, мы знаем, что именно эти художники участвовали в росписи Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля». Пожалуй, стоит поименно назвать тех, кто почти четыреста лет назад создал фрески, которыми мы восхищаемся сегодня: государевы кормовые иконописцы Василий Ильин, Иван Феофилатов с братом Михаилом, Семен Грузинец, Андрей и Василий Федоровы, Марк Гущин, Петр Яковлев, Симеон Стефанов, Иван Алексеев, Иван Самойлов, Григорий Данилов, Симеон Павлов, Иван Стефанов, Яков Автоно-мов. Руководил артелью «зманщик» Оружейной палаты Симеон Авраамов.

В том, что собор провинциальной обители расписывали царские изографы из Москвы, нет ничего удивительного. Троиц-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

кий Макарьев монастырь был одним из самых известных и богатейших в стране. Основал его в XV веке боярин Матвей Кожин, родившийся в селе Кожине Кашинского уезда. Потеряв родителей и молодую жену, он отправился в кашинский Клобуков монастырь, где принял постриг под именем Макария. В Житии преподобного Макария говорится, что через несколько лет с семью детьми иноками он поселился в 18 верстах от Кашина, на левом берегу Волги. Поначалу у монахов возникли проблемы с владельцем этих земель, Иваном Колягой. Но в итоге боярин пожертвовал земли для учреждения обители и сам принял в ней постриг. В 1434 году Макарий основал здесь монастырь,

и первая деревянная Троицкая церковь, выстроенная рядом с кельями за семь дней, дала ему название.

Довольно скоро по стране разнеслась слава о монастыре и его мудром игумене, который еще при жизни прославился чудесами и благочестием. Монастырь рос и богател, в нем останавливались приезжавшие торговать новгородские купцы. Посетил обитель в 1466 году и тверской купец Афанасий Никитин, перед тем как отправиться в свое долгое путешествие в Индию...

Макарий скончался в 1483 году и был погребен в деревянной Троицкой церкви. В 1521 году при строительстве ростовскими мастерами каменной Троицкой церкви на месте прежней

Макет Троицкого собора, выполненный архитектором Иваном Леонидовым в 1940 году. Реставратор Ю. Дергачев

деревянной были обретены нетленные мощи игумена, и уже в 1547 году на церковном соборе он был прославлен в лице святых. А тремя годами ранее в Троицком монастыре побывал Иван Грозный, подаривший обители земли с крепостными крестьянами. В 1553 году Иван Васильевич вновь посетил монастырь и вручил братии рукописное Евангелие, которое сейчас хранится в Тверском областном музее. В 1599 году на вклад царя Бориса Годунова в соборе была устроена серебряная рака для мощей Макария Калязинского. Основатель династии Романовых Михаил Федорович пожертвовал монастырю колокол в 57 пудов, а его отец, Патриарх Московский и всея Руси Филарет – колокол в 170 пудов!

Тяжелые времена Смуты не миновали монастырь. В 1609 году князь Михаил Скопин-Шуйский под стенами Макарьевской обители несколько месяцев формировал армию для противостояния Лжедмитрию II. Здесь же в августе 1609 года силы Скопина-Шуйского были атакованы войсками гетмана Сапеги. В Калязинской битве интервенты были разбиты на голову и отступили к Угличу, а Скопин-Шуйский начал наступление на Москву.

Следующий год стал трагическим для монастыря. В мае 1610 года обитель оборонялась против отрядов печально знаменитого на Руси шляхтича Александра Лисовского. Поляки, значительно превосходившие по численности защитников монастыря, возглавляя которых воевода Давыд Жеребцов, ворвались в обитель и казнили всех выживших. Монастырь был разграблен и сожжен. Серебряную раку разрушили на куски и вывезли, а мощи святого Макария разбросали по территории. Троицкий храм монастыря уцелел, однако его фрески сильно пострадали... После Смуты Троицкий Макарьев монастырь был восстановлен одним из первых.

Экспозиция выставки «Калязин. Фрески затопленного монастыря» в Музее архитектуры

ЗАГАДКИ ФРЕСОК

В июне 1654 года в стране разразилась страшная эпидемия чумы. В Москве ежедневно умирали десятки людей. Царь в этот момент в столице не было: в мае он вместе с войсками выступил в военный поход – Россия вела войну с Речью Посполитой. Патриарх Никон вывез царицу Марию Ильиничну (в девичестве – Милославскую) с детьми сначала в Троице-Сергиев монастырь. А затем, когда ситуация в Москве усугубилась, началась паника и жители побежали из столицы, перевез царскую семью подальше – в Троицкий Макарьев монастырь, в Калязин. Здесь царица с детьми пережидала эпидемию. Именно с этим эпизодом связаны вопросы, возникшие у историков по поводу одной из фресок Троицкого собора калязинской обители. Та самая упоминавшаяся выше надпись на стенах собора сообщает не только имена художников, но и называет ктиторов собора, предоставивших средства для росписи. В их числе был и Алексей Михайлович. На выставке в МУАР представлены два фрагмента спорной фрески: как считают некоторые исследователи, в одной из сцен Апокалипсиса в группу праведников помещены ктиторские прижизненные портреты Алексея Михайловича и его супруги Марии Ильиничны. «История этих портретов – загадочная, – говорит Юлия Ратомская. – Да, уже давно сложилась традиция считать, что на фреске изображена именно монаршая чета. Однако в этом есть большие сомнения. Фигуры изображены достаточно условно, с нимбами над головами. При жизни Алексея Михайловича и Марии Ильиничны, когда расписывался храм, такого быть просто не могло. И надписей, подтверждающих, что на этой фреске запечатлены правители страны, тоже не существует. Поэтому в экспозиции мы подписали эти два «портрета» со знаком вопроса. Мы продолжаем искать аргументы, чтобы решить эту научную проблему».

Царь Алексей Михайлович (?) среди молящихся праведников и царица Мария Ильинична (?) среди молящихся святых жен. Фрагмент композиции из цикла «Апокалипсис». Фреска. 1654 год. Южная стена, нижний ярус. Реставрация под руководством А.С. Кузнецова (1967–1969); под руководством В.П. Бурого (1988); под руководством В.П. Бурого и Н.Л. Борисовой (2020)

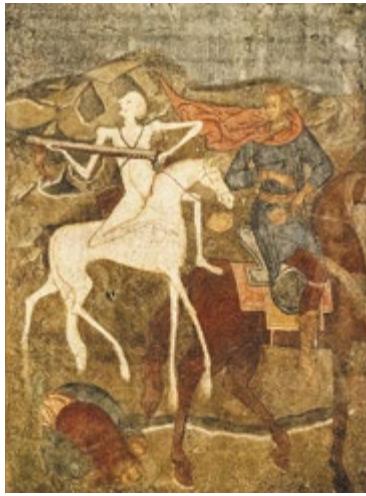
АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Еще один из самых интересных экспонатов – фрагмент фрески «Снятие третьей и четвертой печатей». На выставке можно увидеть ее левую половину. Помимо безусловных живописных достоинств любопытна она еще и тем, что художник включил в нее современную для него деталь. Если присмотреться, то

Конь бледный и конь вороной. Фрагмент композиции «Снятие третьей и четвертой печатей» из цикла «Апокалипсис». Фреска. 1654 год. Западная стена, верхний ярус. Реставрация под руководством А.С. Кузнецова (1967–1969)

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

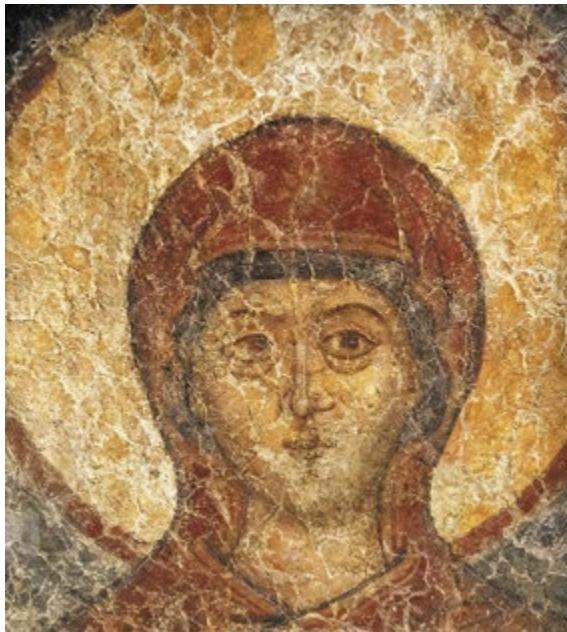
можно заметить, что всадник на вороном коне, несущий голод, изображен вполне типично – с весами в руках: «Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей» (Откр. 6:5). А вот скачащий рядом всадник на бледном коне выбивается из традиции. Обычно его изображали в виде Смерти с косой или мечом в руке в соответствии с текстом «Откровения Иоанна Богослова»: «...и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» (Откр. 6:8). А художник, расписывавший почти четыреста лет назад Троицкий собор, изобразил всадника не в виде Смерти, а в виде мертвца с... пищалью в руках! В самом конце экспозиции находится фрагмент фрески с ангелами на голубом фоне, историю

восстановления которого кураторы выставки называют «детектиком». Дело в том, что в 1940 году, когда фрески были сняты со стен Троицкого собора и укреплены паркетажем, планировалось показать их на выставке в Москве. Но помешала начавшаяся война, фрески ушли в хранилища Музея архитектуры (здесь хранится самая большая коллекция – 103 калязинские фрески. – Прим. ред.), Исторического и Русского музеев, Третьяковской галереи, Музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Музея Академии имени Строганова и Краеведческого музея города Калязина.

Их долгие годы реставрировали. «Когда реставраторы стали раскрывать фрагмент этой фрески с ангелами, обнаружилось, что одна из рук второго слева ангела абсолютно новая. То есть она была написана в 1940 году, – объясняет Юлия Ратомская. – К счастью, подлинная ручка ангела тоже сохранилась, только на другом фрагменте. Видимо, когда в 1940 году торопились представить снятые фрески комиссии, дописали не свойственный ангелу жест. Реставраторы восстановили авторскую версию, и сейчас можно увидеть ангела в том виде, в каком он был написан изначально».

Реставрация калязинских фресок – заслуга специалистов Строгановской академии. Они не только расчистили поздние наслоения, не только выявили подлинные края авторской живописи (раньше было принято «добрать» эти края, делать вставки до деревянной рамы, чтобы создать впечатление плоскости стены. – Прим. ред.), но и создали новую методику перенесения и сохранения фрагментов этих фресок. Ведь еще в 1967 году выяснилось несовершенство монтирования фресок на паркетаж. Автор методики – профессор Академии им. С.Г. Строганова Владимир Бурый. Благодаря его разработкам появилась возможность

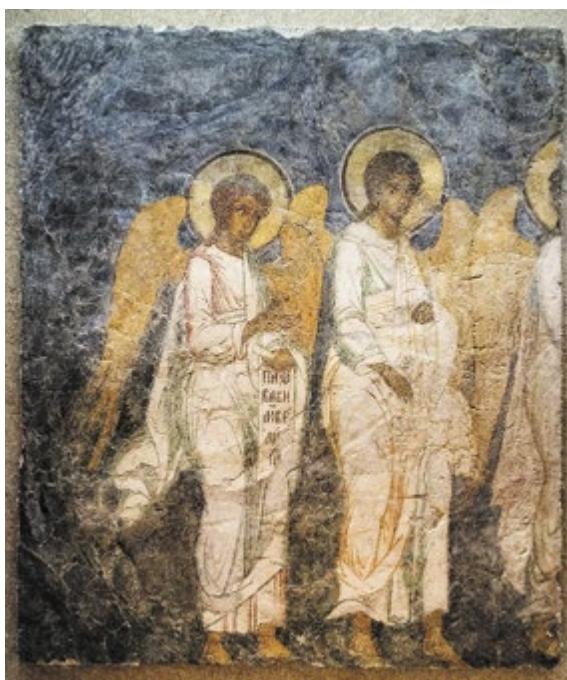
Два ангела. Фрагмент фрески. 1654 год. Художник-реставратор Е.В. Захарченко (1996)

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

снять калязинские фрески с паркетажа, освободить от остатков мучного клея, который провоцирует появление плесени, и перенести их на новую современную легкую основу из прочного облегченного пенопласта.

В конце 1980-х годов началась сложнейшая работа с изображением головы Богородицы, снятым со сферической поверхности и смонтированным Павлом Юкиным на плоское основание. По этой причине почти 50 процентов площади фрагмента оказалось разбито на мелкие осколки. Богоматерь. Фрагмент изображения Богоматери на троне. Фреска. 1654 год. Реставрация под руководством А.С. Кузнецова (1967–1969); под руководством В.П. Бурого (1992); под руководством В.П. Бурого и Н.Л. Борисовой (2020)

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ки величиной от 2 квадратных миллиметров до 2 квадратных дециметров! Реставраторам пришлось восстанавливать изначальную кривизну поверхности по стыковкам отдельных кусочков, что заняло пять месяцев...

«Для нашей выставки реставраторы Строгановки расчищали фрески от прописи масляными красками, что считалось в XVIII–XIX веках лучшей формой сохранения, – говорит директор МУАР Елизавета Лихачева. – И неожиданно мы увидели, сколько жизни в этой живописи! Какие сочные, удивительные краски! Проект наш посвящен спасению, хранению, реставрации этих фресок. К середине следующего года мы надеемся издать монографию о затопленном Троицком Макарьевом монастыре и его росписях. На фотографиях, сделанных экспедицией в 1940 году, есть фрески, которые демонтировать не успели. А то, что в книгу не войдет, мы сделаем доступным в оцифрованном виде».

На протяжении веков Троицкий Макарьев монастырь был местом паломничества к мощам преподобного Макария. Сюда шел и простой люд, и царственные богохульцы. В юности Петр I привозил сюда свои «потешные» полки. В 1760-х годах приезжала Екатерина II, указом которой в 1775 году Калязинская слобода получила статус уездного города. Павел I в 1796-м этот указ отменил, но почитавший свою бабушку Александр I в 1803 году возвратил Калязину статус города.

Все, что осталось от некогда богатого и известного монастыря, – это спасенные фрески и острова, которые калязинцы зовут Монастырскими. Как ни странно, воды не смогли окончательно затопить то место, где когда-то стоял погибший монастырь. В начале 2000-х на фундаменте юго-западной башни монастырской стены местными жителями была построена часовня во имя Святой Троицы. А в самом Калязине, говорят, есть группа горожан, которые намерены восстановить обитель. ●

ПЬЕСА НА БУМАГЕ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В КОНЦЕ МАРТА НЫНЕШНЕГО ГОДА ХУДОЖНИЦА АЛЛА ДЖИГИРЕЙ
ОТКРЫЛА НОВЫЙ КРАСИВЫЙ АЛЬБОМ. ОНА КУПИЛА ЕГО,
ЧТОБЫ ЗАПОЛНИТЬ ЭТЮДАМИ ВО ФЛОРЕНЦИИ. НО ИТАЛИИ В ЭТОМ ГОДУ
НЕ СЛУЧИЛОСЬ: ПРИШЛА ПАНДЕМИЯ. ТОГДА АЛЛА РЕШИЛА НАРИСОВАТЬ
«БУМАЖНУЮ ПЬЕСУ», КОТОРУЮ НАЗВАЛА «ХРОНИКИ ЧУМЫ COVID-19».

ЛЮДИ ЗАКУПАЛИ гречку и туалетную бумагу, началась самоизоляция, к новому ритму жизни надо было приспособиться. Алла с мужем Борисом Забирохиным, тоже художником, самоизолировалась в мастерской, опасаясь за старенькую мать и новорожденную внучку. Именно эти две женщины стали первыми героями «пьесы». Старушка и младенец. Обе – Галины. Действующие лица «пьесы» обозначены по-чеховски иронично. Например, себя Алла представляла как 55-летнюю «рисующую

даму, которая часто плачет и постоянно умиляется». Ее мужу Борису 72 года, он – «известный художник, хорош собой, поет баритоном». Свою 88-летнюю маму Алла ввела в пьесу «блокадницей, опорой семьи». Всего героев – а это члены семьи и собаки Клякса и Флора – девять, не считая родных и знакомых.

«НАДО РИСОВАТЬ!»

Жанр пьесы родился сразу. Родные отнеслись к проекту с юмором и интересом. Алла каждый день выкладывала по рисунку. Ее пьеса стала важным посыпом друзьям: «Мы живы!»

– Когда заговорили о пандемии, на ум пришли братья Лимбург – нидерландские художники, авторы знаменитого «Великолепного часослова герцога Беррийского», на долю которых выпала эпидемия чумы. А еще рассказы Тэффи, в которых она упоминает эпидемию испанки, которой и сама переболела. Тут по радио объявили о режиме полной изоляции. Я поняла: надо рисовать! – говорит Алла.

Начался альбом с младенца – внучки Галины, которая родилась в пандемию. Тогда же супруги-художники впервые увидели

от беспытательства

«...исконечоразны
В летной шире
Заложили разны,
Будто листы бре...»

С.П.

врачей в противочумных костюмах, которые пришли к соседям. Возникла паника. И об этом есть «рассказ» в «бумажной пьесе».

— Кому интересно читать при чтания, если это не связано с темой смерти каждого из нас в любой момент? — рассуждает Алла. — Мы об этом во время пандемии думали постоянно, смотрели альбомы сrepidукциями соборов, построенных после эпидемии чумы, большей частью итальянских, посвященные этому фрески, вспоминали художников, умерших от чумы. Все рисунки я продумывала как сценарий. Чтобы за веселыми историями шли страшные, потом милые и так далее. Поскольку в течение дня много чего происходило, я держала в голове линию сюжета. Самые важные из рисунков — приход врачей в противочумных костюмах к соседям, вопрос внука о том, когда он умрет, и счет монеток на последнем листе...

Алла показывает альбом. Вот старушка с младенцем — первая картинка акварелью. А вот трехлетний внук спрашивает, когда он умрет. Дальше — Борис пересчитывает монеты. Счет мелких монеток как счет дней, дел и прочего. Возможно, ушедших людей...

Мы снова листаем альбом. Здесь — объявили режим самоизоляции: собаки грустно слу-

шают объявление. В один из дней появилась гоголевская дата из «Записок сумасшедшего» — «марта 86 числа» — с соответствующим изображением говорящих рыб и разросшегося на подоконнике лука, который был посажен впрок. Тыкву дома вырастить не получилось, а вот лишние килограммы зачем-то набрались — все это стало сюжетом иллюстраций. Первый выход в магазин в защитных строительных очках. Все рисунки подписаны Аллой, причем разным почерком: текст дополняет картинки.

Подписи к рисункам пьесы отражают вошедшие в обиход слова и ставшие привычными темы: КТ, сатурация, пульсоксиметр, обсерватор, чистая и красная зоны. «Врачи умирают в Боткинской. В Ленэкспо открывается госпиталь»... «Пятое мая, 39-й день чумы». «На 49-й день умерли художник Виктор Пермяков и скульптор Роман Шустров». Одна из подписей: «Книга — предмет первой необходимости». И это, говорит Алла, оказалось очень точно.

Стиль рисунков о пандемии строгий, сдержанный: черно-белая акварель с текстом от руки тушью. Эти рисунки совсем непохожи на иллюстрации к ранним повестям Достоевского, которого Алла ценит за чувство юмора и человека

любие и часто перечитывает. Особенно любит «Бедных людей» и «Подростка». Она счастлива, что иллюстрирует Достоевского, Диккенса, Стивенсона — книги, которые любит с детства. И мечтает нарисовать «что-нибудь про пиратов», а также проиллюстрировать «Записки сумасшедшего» Гоголя. А Борис во время самоизоляции читал книгу о происхождении черта, он интересуется демонологией и много рисует на эту тему.

Сейчас, когда альбом заполнен, художнице открывать его не страшно, хотя воспоминания горькие: коронавирус убил нескольких коллег Аллы и Бориса.

СТО ДНЕЙ КАРАНТИНА

— Наша профессия сама приучает к изоляции: сидим в мастерской без звонков, постоянно — и рисуем, — объясняет Алла. — Это в кино художники в берете слушают Вивальди, на самом деле наша жизнь проходит иначе: утром встали, прогулялись с собаками — и рисуем. Рутинная жизнь.

Алла каждый день читала сводки карантина, эти цифры есть и на рисунках. Боялась за маму. Стена памяти на Малой Садовой — народный мемориал с фотографиями погибших медиков в Петербурге напротив комитета по здравоохранению —

быстро заставила понять серьезность угрозы.

На самоизоляции, говорит художница, не хватало друзей, выставок, театров.

— Очень хотелось в драматический театр. Без разницы на что, лишь бы там живые люди по сцене ходили. Без масок, — признается Алла. — Эрмитажа не хватало.

Борис и Алла много читали вслух — это семейный ритуал. Так было принято в семье Аллы с детства. Порой бабушка читала маленькой Алле неожиданную литературу, например очерки географа Петра Семенова-Тян-Шанского. Потом традицию закрепил самиздат, когда требовалось книгу прочесть за ночь. Прочитанное вслух принято было обсуждать.

Борис во время пандемии рисовал сказку «Василиса Прекрасная», он шутит, что «Бабаяга — носитель коронавируса, а Василиса получила вакцину»...

— Художник творит для себя и только для себя, зрителя он не представляет. Самые важные отзывы были от людей, которые решили, что я вообще ничего не пугаюсь, и писали в «личку» о своих страхах. И приходилось делать вид, что я и правда ничего не боюсь, и успокаивать их. Несколько человек таких было, и они перестали бояться почему-то. Хотя, думается, зря, — говорит Алла.

МУЖ И ПЕРСОНАЖ

Борис едва ли не главный герой «бумажной пьесы». Борис и Алла вместе 25 лет. Совместно же они организовали творческое объединение «Дети Архипа Куинджи».

— Мы познакомились с Борей в литографской. Соперничества не было никогда. Мы же бросили наши предыдущие семьи ради друг друга, все остали, взяли детей, стали жить вместе на чердаке... Как-то не до соперничества, мы же взрослые. У нас «сборные» дети, — шутит Алла. — Общих детей у нас нет. Когда мы стали жить вместе, нам отдали Бориса сына Павла. А еще у Бориса есть сын Петр.

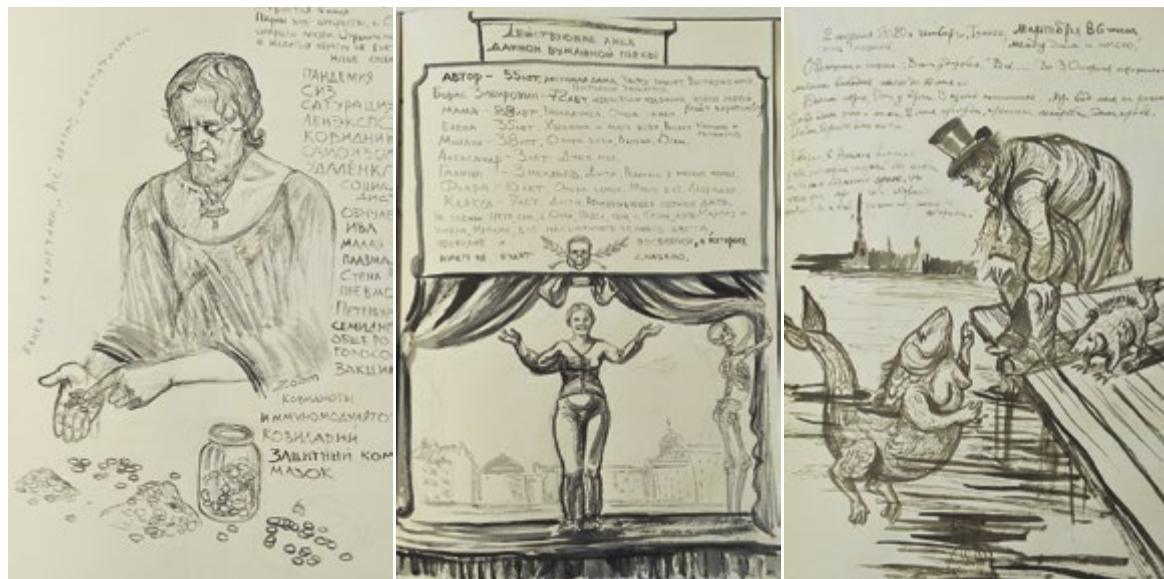
Борис Забирохин проиллюстрировал более 30 книг, среди них книги о суевериях, сказки Пушкина, «Песнь о нибелунгах», «Младшая Эдда», «Колымские рассказы» Шаламова. Борис Павлович объясняет, что ему интересно изучать картину мира людей, и с недоумением относится к суеверному страху окружающих, повторяя поговорку: «Если у тебя нет царапин на руке, ты можешь носить яд».

Детство Бориса Забирохина прошло в деревне Ярославской области у бабушек. Родители работали в Ленинграде. Сына было не на кого оставить. Ни радио, ни телевизора в деревне не было. Все это заменяли сказки, которые рассказывала бабушка — ее, шутя, Борис сравнивает с Ариной Ро-

дионовной. Летом одна бабушка пахала, а зимой на печке сказками и историями радовала ее сестра. Она была слепой и по памяти рассказывала Пушкина, свое дореволюционное детство вспоминала. У Бориса и Аллы были очень разные бабушки. Борис шутит: его деревенская, у Аллы — «интеллигентная».

А дед-гармонист пел песни. Мальчик рос без детского сада и пионерских лагерей. Беседовал с лесом, разговаривал с рекой — так интерес к фольклору и сформировался. И расцвел, когда Борис в издательстве «Детская литература» начал иллюстрировать сказки. Детство в деревне было яркое, сложное, дворовое: мальчишки бегали с заточками, а Борис рисовал. У него, в отличие от многих, было два преимущества: интерес к творчеству и, главное, имелся отец. Отец Бориса, фронтовик, вел в первые годы войны дневник, понимая, что погибнет. В детстве Борис тоже вел дневники. Во время пандемии стал писать мемуары. Мысль о мемуарах возникла давно: хотелось вспомнить и деда-гармониста, вокальные способности которого передались и Борису — он пел в хоре, и прадеда — приказчика в Елисевском магазине.

Отец Бориса работал печатником и рисовал. Борис окончил Мухинское училище. Алла Джигирей — архитектурный факультет Института им. И.Е. Репина.

— Все время тянусь за женой, «Золотое яблоко» (одна из высших художественных наград. — Прим. авт.) вот получил за рисунки к сказкам Афанасьева! — смеется Борис.

ГЕОРГИЙ И ЕЛЕНА. БЛОКАДА

Георгий Николаевич Бардин, дед Аллы, был из дворян. Когда началась блокада, у него с женой Еленой было двое детей: Галина (мать Аллы) и Борис. Мальчик умер в блокаду, умерла и прабабушка Аллы. Выжили Елена и Галина. В блокаду сожгли все: мебель, паркет, книги. Ничего лишнего, чтобы обменять на еду, не было. Жили Елена с Галиной у Крестовоздвиженского собора на Лиговке. Похоронить родных в отдельной могиле не получилось — отвезли до церкви. Алле врезались в память два бабушкиных воспоминания. Бомба упала рядом с машиной, которая везла хлеб. Машина опрокинулась. Люди поднимают его, а рядом бегает несчастный водитель и кричит: «Люди! Не берите! Меня расстреляют!» Все хватают хлеб, бабушка стоит у буханок и понимает: дома дети — надо забрать. Но не смогла взять. И второе. В блокаду, рассказывает Алла, тех, кто садился или ложился, не поднимали — сил не было. Сидящие даже не просили о помощи. А один мужчина попросил бабушку поднять его. «Я тебя под-

ниму, но у меня дети! Вместе сядем!» — ответила она. Но не выдержала: держась друг за друга, доковыляли до дома оба.

Бабушка считала, что внучка многое не понимает, и рассказывала немало — это был ужас. Бабушка иногда подрабатывала тем, что зашивала трупы в простыни: когда окоченевшие тела попадали в тепло, начинали шевелиться. Бабушка не выпускала дочь на улицу за хлебом. Они пили чай с солью — девочка откала и казалась пухлой, ее могли съесть. А потом... все легли. И восьмилетняя Галя стала ходить за хлебом. Бережное отношение к хлебу, как у всех блокадников, обе женщины пронесли через всю жизнь. Это передалось и Алле. И все-таки, несмотря на пережитое, мать Аллы очень жизнерадостный человек.

— Деду, как кадровому военному, не рекомендовали делать запасы, чтобы не сеять панику, — рассказывает Алла.

Ее бабушка вспоминала: у нее к началу блокады было только два стакана крупы и маленькая керамическая бочка засоленной капусты, которую она отдала родственнику. Бабушку Елену дома звали Лёлей. Дед приезжал с фронта на трамвае, пока они ходили. Потом приезжать перестал... Когда опять приехал — вся семья лежала. Он удивился. «Георгий, мы умираем!» — сказала бабушка. Он приехал на три

дня, оставил немного консервов, хлеб и мешочек крупы. Сам ничего не ел.

О прошлом деда Алла почти ничего не знает. На фронте дедушка отказался расстрелять своего солдата, который испугался, бросил оружие и побежал. Дедушку разжаловали в солдаты из офицеров. Он снова дослужился до офицера. Погиб на фронте в 1943-м, вспоминает Алла.

Бабушка, овдовев, замуж больше не вышла. Несмотря на полученную похоронку, она продолжала ждать мужа. Не верила в его смерть. Съездила на Валаам, надеясь в доме инвалидов найти супруга. Недавно семья Аллы нашла могилу покойного деда, но навестить ее помешал карантин. О семье бабушки Алле тоже практически ничего не известно. Елена родилась в 1908 году, о ее родителях в семье не говорили. Она умела сервировать стол, знала немецкий язык, играла на гитаре, отличалась прекрасной осанкой, писала красивым почерком.

— В последних классах ее вызывали к директору гимназии, настоятельно спрашивали, где ее учили каллиграфии и есть ли в семье немцы. В начальных классах не успевала по Закону Божьему, а батюшка жалел ее, брал в семью, кормил. Одну из класса отчего-то... Но любую попытку поговорить о ней бабушка тут же пресекала, — вспоминает Алла.

В ИМАГИНО. ПОЛЮДОВИНА. ЛЕНО ЧУМАЧ 73
МЕРТЬЯ ЗАМЕК НА ТЕПУШКЕ

ГАЛИНА И ЛЕНА. МОЛЧАНИЕ

Имена в этой семье повторяются, а женщины внешне похожи. «Бумажная пьеса» Аллы очень обрадовала ее 35-летнюю дочь Елену, которая в юности тоже вела дневники. У Елены двое детей: Александр и Галина – названы в честь родителей Аллы.

Художественное образование было у обоих родителей Аллы. Ее мать, Галина Георгиевна, работала ювелиром: занималась серебряной филигранью. Отец, Александр Васильевич Игнашов, художник. Он из Карелии, окончил Палехское иконописное училище. Потом поступил в Академию художеств, работал как художник кино. Дочь Аллы Елена тоже художник.

Мама и бабушка не оставили никаких записей о блокаде, сокрушаются Алла. А ее отец писал длинные письма родственникам, копии сохранял у себя. Как говорит Алла, это были, скорее, дневники, возможно, их и не дочитывали. О своей вере отец не распространял-

ся, как и все его карельские родственники – старообрядцы. Молчание в семье было вынужденной мерой и традицией – молчать умели, это вошло в привычку. Алла слишком поздно поняла, как мало знает о родных, и теперь пытается воссоздать семейную историю, чтобы передать внукам.

Алла вспоминает, что привычка молчать и не спрашивать лишнего въелась в кровь. И объясняет: «О вере старались не говорить, полагая, что чем меньше человек сможет выболтать личного, тем спокойнее...» Однако Алла нарушила привычный молчаливый ход вещей – нашла могилу отца. А ее дочь Елена терпеливо расспрашивает бабушку и записывает ее воспоминания. О блокадном времени бабушка говорит с трудом, но у Елены получается ее разговорить. Она планирует по примеру матери создать в виде дневников с иллюстрациями свою «пьесу».

– Мама говорить о блокаде не может – ей становится плохо,

вызываем скорую, – объясняет Алла. – Да и вывести ее на разговор о блокаде сложно. Но Елена умудряется ее расспрашивать, а чтобы бабушке было полегче, дает на руки младенца. Елена расспрашивает и записывает. Набрались две тетради – память у Галины Георгиевны отличная. – Я сталкиваюсь с непониманием людей, которые приехали из других регионов и не осознают, что пережили люди во время блокады. Они рассуждают: «Голодали – и ничего страшного!» – говорит Елена.

Черно-белая «бумажная пьеса» Аллы Джигирей о пандемии закончена. Она снова вернулась к цвету и надеется, что больше не придется начинать дневник в самоизоляции. Она мечтает увидеть могилу деда, а ее дочь Елена воссоздает историю другой Елены, своей прабабушки, воспоминания о которой приходится собирать по крупицам. Так шаг за шагом слово вытесняет молчание. ●

Вид
на Новозыбков
с колокольни
Рождественско-
Никольской
церкви

ЗЫБКИЙ ГРАД

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЙ БЕЛАС, АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ [ФОТО АВТОРОВ]

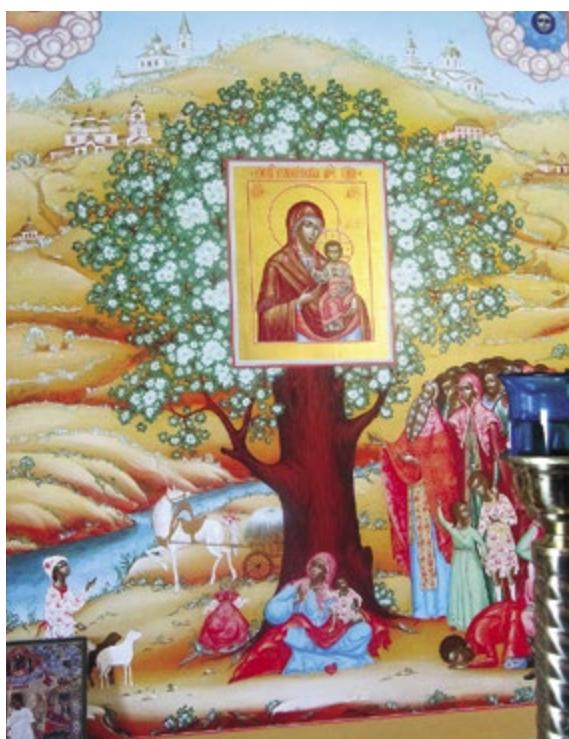
РАНЬШЕ НА МЕСТЕ СОВРЕМЕННОГО НОВОЗЫБКОВА БЫЛА НЕБОЛЬШАЯ СЛОБОДА, КОТОРАЯ НАЗЫВАЛАСЬ «ЗЫБКАЯ». ОСНОВАЛИ ЕЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА СТАРООБРЯДЦЫ, БЕЖАВШИЕ ОТ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТЕЙ.

НОВОЗЫБКОВ БЫЛ основан москвичами – жителями Китайгородской стороны, прихожанами церкви Всех Святых на Кулишках. Этот храм и по сей день украшает центр столицы. А 350 лет назад его община во главе с настоятелем, священником Козьмой, не пожелала принять церковную реформу патриарха Никона и была вынуждена покинуть Москву. Согласно преданию,

после долгих, изнурительных странствий путники вышли на сильно заболоченную местность, посреди которой рос огромный раскидистый дуб. В могучих ветвях его они увидели литую икону Смоленской Божией Матери – Одигитрию, что в буквальном переводе с греческого значит «Указующая путь». От иконы исходил яркий золотой свет. Посчитав ее за знамение свыше, переселенцы заложили здесь небольшую

слободку. В то время эти земли входили в состав Стародубского полка Новороссии, с начальством которого у новых жителей сложились дружественные отношения.

Обретение
Одигитрии
на реке Зыбкой.
Икона. 2000 год

С усилением гонений на старообрядцев при царевне Софье слобожане уходили еще дальше на запад, «за польский рубеж», попутно основывая другие поселения. Так возникли слободы Елионка, Митьковка, Лужки, Злынка, Понуровка и прочие. Лишь к началу XVIII века часть беженцев вернулась на старое место, где в 1701 году была официально учреждена слобода Зыбкая (новозыбковцы ставят ударение на второй слог. – Прим. авт.). 12 сентября полковник Миклашевский выдал фундушевый лист (дарственную) и выслал «певния особы для отведенья и ограниченья на тую слободку грунту». Свое название слободка обрела из-за особенности местных почв, отличавшихся «зыбкостью», другими словами – топкостью, заболоченностью. Зыбким является и сегодняшнее состояние ряда исторических зданий этого города в Брянской области, которые сохраняются лишь благодаря усилиям отдельных энтузиастов и пожертвованиям частных лиц. Первый в этом ряду – храм Святителя Николая с приделом Рождества Богородицы. Это один из главных архитектурных символов города.

ХРАМ НАД РЕКОЙ

Рождественско-Никольский храм был возведен на берегу реки Зыбкой, а потому местные жители прозвали его «церковь Николы над Зыбкой».

Подниматься по ветхим деревянным ступенькам храмовой колокольни следует очень осторожно: здесь все скрипит и шатается. Стены испещрены граффити, некоторым из них более 100 лет: вот нацарапанный в 1861 году портрет кота, а вот помета о реставрации колокольни в 1942-м. Дойти до самого верха отважится далеко не каждый – ноги предательски не слушаются. Но преодолевший страх посетитель будет вознагражден – такой великолепной панорамы города не увидеть более нигде: внизу остались прыничные до-

Особняк
Григория
Осипова.
1898 год

мики с резными наличниками, прямо напротив возвышается Спассо-Преображенский собор, выкрашенный в небесно-голубой цвет, а где-то вдали виднеется дом купца Григория Осипова. Впрочем, обо всем по порядку. Церковь во имя святителя Николы построили, как то часто и бывало, на средства местного купца. История сохранила лишь его фамилию – Осипов (впоследствии мы еще не раз столкнемся с ней в городской летописи. – Прим. авт.), а родом он был из Злынки. Деревянное здание с колокольнейозвели в 1774–1782 годах. Тогда оно представляло собой местную разновидность украинского барокко, которую сегодня можно увидеть на примере церквей Старого и Нового Ропска. В 1817–1818 годах храм был полностью реконструирован и обрел свой нынешний облик, близкий к модному в те годы стилю ампир. Сохранившиеся росписи на сводах и парусах церкви были выполнены масляными красками на холсте в начале XX века – в главном куполе на молящихся взирает Господь Саваоф. Среди храмовых икон встречаются весьма старые. Наиболее известная среди них – местночтимый образ Казанской иконы Божией Матери, созданный в XVIII веке. Есть и совсем новые: например, икона, иллюстрирующая историю основания города, написанная московским реставратором Дмитрием Юровым в 2000 году. За алтарем сохранилось несколько старинных надгробий, покрытых слоем желтоватого мха.

В 1896 году для обучения грамоте окрестных детей при храме организовали церковно-приходскую школу. В 30-х годах XX века, несмотря на протест местных жителей, и храм, и школа были закрыты. Однако уже в сентябре 1941-го церковные двери вновь открылись для прихожан и с тех пор более не затворялись. В августе 1942 года храм отреставрировали: над колокольней засиял новый крест. Тогда же, в начале 1940-х, будущий священник Федор Щербаков собирает вокруг

Господь Саваоф.
Холст, масло.
Начало XX века

себя детей и молодежь, впоследствии составивших костяк послевоенной общины.

В хрущевские времена церковь вновь попытались закрыть. Однако на сей раз местные жители во главе с отцом Феодором сумели ее отстоять. Эту историю хорошо помнит старейшая из клирошанок – Надежда Евгеньевна Помелухо. Она – одна из тех мужественных женщин, благодаря которым храм Николы над Зыбкой стоит до сих пор. Неординарной личностью был и брат отца Феодора, Родион Никитич. Будучи слепым, он не только выполнял обязанности звонаря, каждый раз поднимаясь по ветхим ступенькам на самую высокую в городе колокольню, но также руководил певчими, зная наизусть все богослужебные тексты.

С историей Никольского храма тесно переплелась окутанная ореолом таинственности история богоодичного образа, что был обнаружен первыми поселенцами на ветвях дуба. Долгое время икона хранилась в специально построенной для нее деревянной часовне, располагавшейся на прихрамовой территории. Теперь на ее месте стоит новая, кирпичная. Но сегодня увидеть образ уже не удастся: незадолго до закрытия церкви он исчез. Во второй половине 1940-х годов следы иконы теряются окончательно: некоторые полагают, что ее забрал с собой один из жителей, ушедших с немцами; другие же говорят, что святыня по сию пору пребывает в некоем потаенном месте, куда ее спрятали еще в 1930-х, и когда-нибудь явится вновь...

Сегодняшнее состояние храма и колокольни далеко от идеального: оба объекта остро нуждаются в серьезной реставрации. Пока ситуацию спасают пожертвования отдельных лиц, в основном – иногородних.

Важный показатель отношения к архитектурному наследию – его доступность, что подразумевает наличие хотя бы сносных дорог. В случае церкви Николы над Зыбкой в этом отношении до по-

Рождественско-
Никольская
церковь.
1774–1782,
1817–1818 годы

следнего времени было неладно: строительство подъездной дороги началось лишь в декабре 2016 года – после обращения в администрацию Брянской области. А еще совсем недавно не только местным жителям, но и заезжим туристам, желающим осмотреть храм и полюбоваться красотами города с одной из самых высоких его точек, приходилось каждый раз месить грязь. С купеческим родом Осиповых в Новозыбкове связан не только крупнейший городской храм, но и воистину сказочный частный дом, которому, однако, повезло меньше, чем храму: еще недавно полуразрушенный особняк собирались сносить, но ситуацию спас Дмитрий Кузин – ИТ-предприниматель из Новосибирска.

ДВОРЕЦ СПИЧЕЧНОГО КОРОЛЯ

Рубеж XIX–XX веков – золотой век русского купечества. Именно на этот период пришелся расцвет спичечной империи новозыбковского предпринимателя Григория Федоровича Осипова, владевшего несколькими фабриками по производству столь необходимого людям товара. В 1898 году спичечный магнат начинает строительство собственного особняка, богатству и оригинальности которого могут позавидовать лучшие образцы домового зодчества тех лет. Автором проекта стал уездный архитектор И.П. Шмаков, о котором никаких сведений, к сожалению, до сих пор не найдено.

Наиболее характерная черта дома Осипова – вызывающая архитектурная эклектика. В нем на удивление гармонично соединились неорусский и неомавританский стили, неоготика и необарокко. Так, верхнюю часть обшивки стен покрывает ажурная резьба, отсылающая к традициям русского деревянного зодчества. А на балкон выходит круглое окно со встроенной в него дверью – классическая деталь ар-нуво. Большим разнообразием отличалось и внутреннее убранство: изящная лепнина, роскошная изразцовавая печь, метлахская

Иерей Федор
Щербаков
с семьей.
1950-е годы

И.П. Шмаков.
Рубеж XIX–XX веков

плитка, роспись под мрамор. Подобное смешение эпох и архитектурных направлений, конечно, обычно для эклектики, но здесь этот стиль превзошел сам себя. И, что самое удивительное, случилось это не в Петербурге или Москве, но в, казалось бы, далеком от передовых тенденций провинциальном городе. Дом, оснащенный по последнему слову техники и дизайна, стал визитной карточкой Новозыбкова купеческого.

В 1919 году особняк был конфискован большевиками и передан уездному отделу народного образования. С 1925-го в нем размещалась школа имени Карла Маркса, которой в 1947 году присвоили 3-й номер. В 90-х годах вследствие аварийного состояния здания школу перевели в другое место. Дом же долгое время оставался бесхозным и постепенно разрушался. Отреставрировать по всем правилам старинный особняк, один из символов города, дорого, долго и ответственно, а потому ни среди местных чиновников, ни среди бизнесменов героев не нашлось. Дом спасли «понаехавшие»: Дмитрий Кузин и его супруга Наталья Краснова влюбились в здание с первого взгляда.

Сегодняшний хозяин особняка родился в Новосибирске, затем

переехал в столицу. Дмитрий и Наталья всегда хотели иметь собственный дом, но не новодел, а строение с историей. Долгие поиски подходящего варианта привели их в Новозыбков: увидев объявление о продаже заброшенного купеческого особняка, они поначалу восприняли его скептически, однако в итоге не смогли пройти мимо разрушающейся на глазах красоты. И вскоре архитекторы-реставраторы провели обследование и обмеры дома, а в 2015 году начался первый этап реставрации, которым заведовал Михаил Бахман, известный по документальному фильму «Атлантида Русского Севера».

Восстановление здания идет не быстро: процесс отнимает много времени, сил и средств. К тому

Основание
колонны
Рождественско-
Никольской
церкви

же в конце прошлого года, на завершающем этапе реставрации, о существовании особняка неожиданно вспомнили брянские чиновники. Появившееся лишь в 2016 году областное Управление по охране и сохранению историко-культурного наследия предъявило претензии и даже пригрозило судом владельцам и реставраторам дома на том основании, что реконструкция осуществлялась якобы без согласования. Дмитрий и Наталья, фактически спасшие здание от окончательного разрушения, еще и были вынуждены заплатить штраф. Однако встречный иск к администрации города, с которой, собственно, и был согласован проект реставрации, они подавать не стали.

Дмитрий Кузин – человек открытый и дружелюбный. Он сам участвует в восстановительных работах, с удовольствием показывает гостям свое приобретение и прилегающую территорию, попутно рассказывая об истории дома и о находках, сделанных во время реставрации. Ни одна аутентичная деталь не уходит от внимания проектировщиков, но тщательно восстанавливается по имеющимся фрагментам – даже самым незначительным. «Другого такого дома нет нигде, – уверяет Дмитрий, – во всем – изящество, продуманность, законченность». В отреставрированном особняке хозяин планирует организовать музейно-выставочное пространство.

Дмитрий Кузин
в восстанавливаемом особняке

МУЗЕЙ КАК ПРОЕКТ

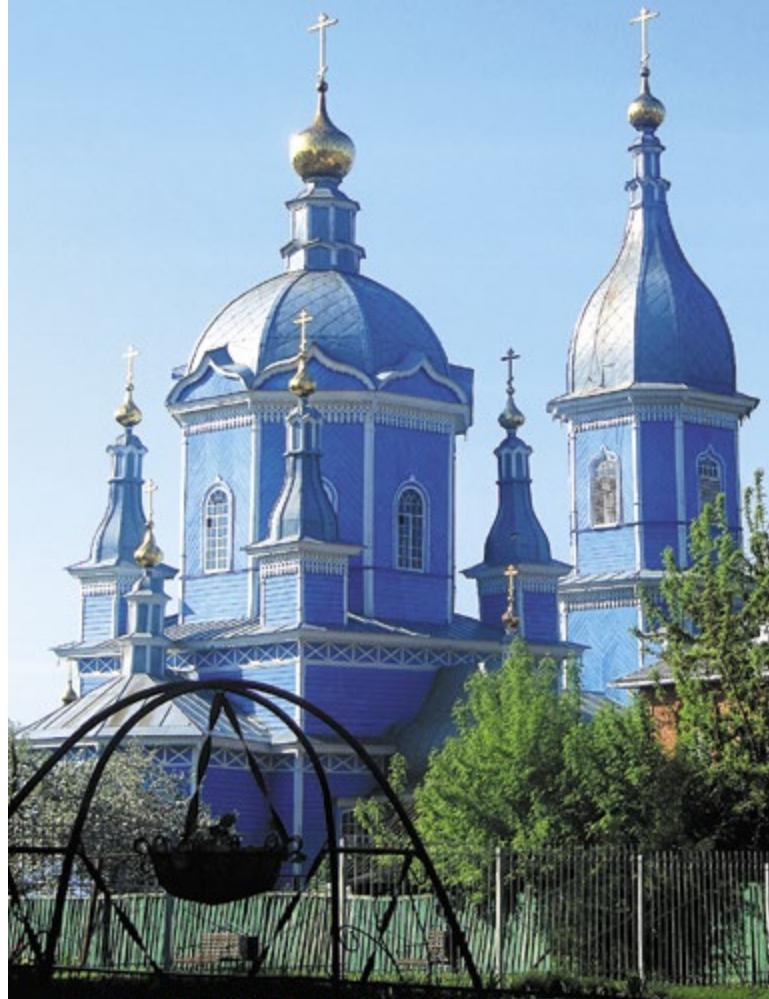
Новозыбков и окружающие его села – земля с древней историей и культурой, представляющая собой своеобразное пограничье, где тесно переплелись русские, украинские и белорусские черты. Истории Новозыбкова и Стародуба составляли единое культурное пространство с Веткой – прежде селом, а ныне городом в Гомельской области Белоруссии. До недавнего времени здесь еще сохранялись традиции и ремесла, утерянные в других областях России: бранное ткачество, национальный костюм, своеобразная вышивка, песни и характерные обычаи, связанные с рождением, свадьбой, погребением. Пришедшие с востока старообрядцы привнесли сюда культуру традиционной рукописной книги и пения по крюкам, шитье бисером и металлопластику. В итоге в XVIII веке этот регион превратился в крупный книгописный и иконописный центр, где также изготавливались древнерусские молитвенные четки (лестовки) и священническое облачение.

Местные мастера создали своеобразный стиль оформления рукописных книг, сложившийся под влиянием московских манускриптов XVII столетия и соединивший в себе элементы травного письма и стиля барокко, – одной из его отличительных черт является отсутствие золота. Оригинальностью отличалась и содержательная часть некоторых рукописей. Так, ряд церковных песнопений был записан особым распевом, получившим в научной литературе название «ветковского».

Что касается ветковско-новозыбковской школы иконописи, то в ней традиции средневекового письма соединились с «живоподобием» Нового времени. В созданных здесь иконах ярко прослеживается наследие мастеров московской Оружейной палаты второй половины XVII века. Для многих из них характерны сложная иконография и многоплановость сюжетов.

Отдельного внимания заслуживает местная архитектура, в осо-

Спасо-Преображенский собор.
1911–1914 годы

бенности деревянная, чья отделка, главным образом наличники, поражает красотой и разнообразием.

А на рубеже XIX–XX веков, в эпоху господства национального модерна, Новозыбков стал одним из региональных центров каменного строительства. Среди выдающихся архитектурных памятников – визитных карточек города – величественный Спасо-Преображенский собор 1911–1914 годов постройки, долгое время служивший кафедральным храмом Древлеправославной церкви. Еще одна жемчужина – возведенная в 1905–1914 годах Свято-Троицкая церковь, на строительство которой свои личные средства пожертвовали

император Николай II и генерал-лейтенант Аркадий Вакуловский-Доцкинский. Нельзя не упомянуть и ряд купеческих домов конца XIX – начала XX столетия, например особняки Шведова, Абросимовых, Волковых.

Идея организации культурно-выставочной площадки в столь насыщенном стариной городе, по признанию Дмитрия и одного из его друзей-антикваров, пришла сама по себе. Необходимость в месте, где люди, включая исследователей, могли бы не только знакомиться с экспонатами частных собраний, но и общаться, организовывать лекции, экскурсии и мастер-классы, назрела уже давно. Однако организация подобной площадки, несмотря на ряд инициатив, постоянно откладывалась. И вот наконец проект шаг за шагом начал воплощаться в жизнь. Появилось и конкретное здание, столь знаковое для Новозыбкова, – особняк Григория Осипова. Впрочем, говорить о точном сроке воплощения задуманного пока рано. Дом Осипова, где разместятся предполагаемый музей и культурный центр, все еще находится в процессе кропотливого восстановления. Сегодня пока единственным его обитателем является местный кот Кубик – любимец хозяина и строителей. ●

Икона, лестовка,
рушник –
экспонаты
будущих
выставок.
Новозыбков.
Частное
собрание

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Прессы по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Прессы по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru